РОЙ МЕДВЕДЕВ

Н.С.ХРУЩЕВ

политическая биография

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга, посвященная Н.С.Хрущеву, повествует о сложном, противоречивом пути этого незаурядного человека.

- РОЙ МЕДВЕДЕВ
  - Предисловие к новому изданию
  - Предисловие к первому изданию
  - Начало
    - 1. Трудовая и революционная юность
    - 2. Низовой партийный работник
    - 3. Работа в Московской партийной организации
    - 4. Н. С. Хрущёв на Украине (1938 — 1941)
    - 5. Н. С. Хрущёв в годы Отечественной войны
  - Один из сталинских “вождей”
    - 1. Послевоенные годы на Украине
    - 2. Снова в Москве
  - ТРИ ТРИУМВИРАТА 1953-1955
  - От XX СЪЕЗДА КПСС К ИЮНЬСКОМУ ПЛЕНУМУ 1956-1957
    - 1. XX съезд КПСС
    - 2. 1956 год. Проблемы внешней политики
    - 3. О некоторых проблемах внутренней политики
    - 4. Июньский Пленум ЦК КПСС
    - 5. Об изменениях в военном руководстве и руководстве КГБ
    - 6. Культура и наука в 1956 — 1957 годах
  - На вершине власти
    - 1. Н. С. Хрущёв — Председатель Совета Министров СССР
    - 2. Реформы в сельском хозяйстве и в народном образовании
    - 3. Спокойные месяцы 1959 года
    - 4. Поездки Н. С. Хрущёва в США. СССР и страны Запада
    - 5. Отношения с Китаем. Мировое коммунистическое движение
    - б. Конец 50-х годов. Политические и экономические проблемы СССР
    - 7. Н. С. Хрущёв и проблемы культурной жизни в 1958 — 1960 годах
  - УХУДШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ПОЛОЖЕНИЯ СССР

        - 1. Подготовка к новому съезду партии. Неудачи на земле и успехи в космосе
        - 2. Международное положение. СССР и США. Берлинский кризис
        - 3. XXII съезд КПСС
        - 4. Новые перестройки в сельском хозяйстве и управлении
        - 5. Кубинский кризис 1962 года. Мир на грани войны
        - 6. Международные дела после Кубинского кризиса
        - 7. 1961 — 1963 годы. Изменения в области культуры и идеологии.
    - ПОСЛЕДНИЙ ГОД У ВЛАСТИ
        - 1. Уменьшение популярности и рост культа личности Хрущёва
        - 2. Последние поездки по стране и за границу
        - 3. Октябрьский Пленум ЦК КПСС
    - Эпилог. Н. С. Хрущёв на пенсии
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112

- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119

РОЙ МЕДВЕДЕВ
Н. С. ХРУЩЁВ
политическая биография

Предисловие к новому изданию

С большим удовлетворением представляю ныне эту книгу советскому читателю.

Не в первый раз я обращаюсь к теме, посвящённой жизни и деятельности Хрущёва. Свои заметки и статьи о нём я включал в машинописный журнал «Политический дневник», который ежемесячно выходил под моей редакцией с конца 1964 года по конец 1970-го. Наиболее интересные материалы были изданы позднее в Голландии на русском языке и ещё позднее — в США на английском. В 1975 году в Нью-Йорке вышла в свет книга «Н. С. Хрущёв. Годы у власти», которая затем была переведена в большинстве стран Европы и в Японии. Она написана мной в соавторстве с братом Жоресом, проживающим в Великобритании. В 1978 году в разных журналах публиковался мой очерк «Н. С. Хрущёв на пенсии» (к 7-й годовщине смерти). В конце 70-х годов издательство Итальянской коммунистической партии «Риунити» обратилось ко мне с просьбой написать политическую биографию Хрущёва в рамках серии о выдающихся деятелях мирового коммунистического движения. Я завершил книгу к 1981 году, и уже на следующий год политическая биография Н. С. Хрущёва вышла в свет в Италии, а позднее — в США, Англии, Швеции, ФРГ, Японии и Югославии. В 1984 — 1985 годах я подготовил новое, дополненное, издание, которое появилось в США на русском языке. Именно это издание с небольшими добавлениями публикуется теперь в СССР.

Работа над биографией Н. С. Хрущёва представляет очень большие трудности. Как известно, дискуссия о Сталине, его наследии, его роли в истории советского общества и коммунистического движения продолжается у нас в стране и во всём мире уже более 30 лет. При этом было сказано, написано и напечатано огромное количество материалов, в научный оборот введено множество фактов, которые не были известны при жизни Сталина. Только в нашей стране публикуются сотни статей и мемуаров, авторы которых стремятся или осудить, или оправдать Сталина. При этом выявляется немало данных, важных и биографу, и историку, и политику, и социологу. Совсем иначе обстоят дела с фигурой Хрущёва. После октябрьского Пленума ЦК КПСС 1964 года, на котором формально была удовлетворена просьба Хрущёва об уходе на пенсию «по возрасту и состоянию здоровья», имя этого выдающегося деятеля исчезло со страниц печати. В 1965 — 1985 годах в СССР о нём не было опубликовано ни одной статьи. В публикациях о сельском хозяйстве и

промышленности, о строительстве Братской ГЭС и первых успехах космонавтики можно было встретить имя Брежнева, но не Хрущёва. Даже статьи и исследования по внешней политике, включая работы о Берлинском и Карибском кризисах, о событиях в Венгрии и Польше в 1956 году, отношениях с Югославией и т. п., публиковались без упоминания его имени. Хотя Хрущёв в течение 10 лет возглавлял Украинскую ССР, в двухтомной истории Украинской ССР лишь однажды мелькает его имя и то — как члена военного совета Первого Украинского фронта. Два поколения советских школьников, изучавших после 1965 года историю СССР, делали вывод, что после Сталина к власти в стране сразу пришёл Л. И. Брежнев. Имя Хрущёва исключалось из мемуаров политических и военных деятелей. Так, например, в трёхтомных воспоминаниях Г. К. Жукова только два раза говорится о Хрущёве.

Теперь положение начинает меняться. В газете «Аргументы и факты» (1988, № 11) дана краткая биографическая справка о Хрущёве, в которой особо отмечается его роль в разоблачении культа личности Сталина, в борьбе против бюрократизма и сверхцентрализма, а также в решении многих назревших социальных проблем. Там же опубликованы три больших отрывка из моей книги. В «Литературной газете» от 24 февраля 1988 года известный публицист Ф. Бурлацкий напечатал очерк «Хрущёв (штрихи к политическому портрету)». Свои воспоминания о Хрущёве и десятилетии его правления обнародовал зять Никиты Сергеевича А. Аджубей, интересными воспоминаниями об отце поделился С. Н. Хрущёв. Появились и некоторые другие материалы о Хрущёве, его деятельности, его встречах с интеллигенцией, его политике в сельском хозяйстве и др.

Роль Н. С. Хрущёва в истории нашей страны, в истории мирового коммунистического движения весьма велика. Во многих отношениях новое поколение советских руководителей является «поколением XX съезда», и это придаёт дополнительные стимулы для изучения биографии бесспорно одного из наиболее выдающихся политиков XX века.

В подготовке политической биографии Н. С. Хрущёва мне помогала его семья, и особенно его сын — Сергей Никитич Хрущёв, которому я приношу большую благодарность.

1989 г.

Предисловие к первому изданию

Н. С. Хрущёв умер около 15 лет назад — 11 сентября 1971 года. Его политическая смерть произошла раньше — в октябре 1964 года, когда он был смещён с постов главы партии и государства и отправлен на пенсию "по возрасту и состоянию здоровья»

За годы, прошедшие после вынужденной отставки Н. С. Хрущёва, о нём было немало написано и сказано за пределами СССР В то же время о нём почти ни слова не было сказано в советской политической и исторической литературе. Между тем Хрущёва помнят сегодня не только в других странах, его хорошо помнят и в Советском Союзе. И это естественно, ибо Н. С. Хрущёв был, несомненно, одной из наиболее ярких и противоречивых фигур XX столетия.

Важность политической биографии Н. С. Хрущёва определяется поэтому не только тем простым фактом, что он более 10 лет стоял во главе КПСС и сначала фактически, а затем и формально возглавлял советское правительство, что он сосредоточил в своих руках почти неограниченную власть в одной из величайших держав земного шара, и ему не раз приходилось принимать решения, которые прямо или косвенно оказывали влияние на судьбу всего человечества. Личность и жизнь Н. С. Хрущёва требуют описания и анализа также и потому, что он был действительно незаурядным государственным и политическим деятелем, который оставил заметный след в истории нашей страны и всего мира.

В СССР человек, оказавшийся на вершине громоздкой пирамиды власти, получает возможность влиять на все стороны общественной жизни. Он формирует постепенно не только собственный стиль руководства, но и своё окружение. Его деятельность влияет не только на политическую атмосферу страны, но даже на быт и повседневные привычки граждан. После 1917 года наша страна пережила всего четыре главные эпохи: эпоху Ленина, эпоху Сталина, эпоху Хрущёва и эпоху Брежнева, причём каждая из них была и продолжением и отрицанием предшествующей.

Как известно, Сталин превозносил Ленина на словах, отвергая на деле многие положения и нормы ленинизма. Не является секретом, что и Хрущёв отрицательно относился ко многим сторонам сталинского времени. И эпоха Брежнева не слишком была благосклонна к Хрущёву. Его не разоблачают, его просто замалчивают Органы массовой информации СССР вот уже 20 лет

не упоминают имени Хрущёва. Его многогранная деятельность не находит отражения и анализа даже на страницах специальной исторической и политической литературы. Однако люди, которым сегодня больше 40 лет, хорошо помнят его, хотя и относятся к нему неоднозначно. Одни вспоминают о нём с неприязнью, другие с насмешкой, но большинство — с искренней симпатией. Эти люди не забыли тех изменений в жизни общества, которые произошли во времена Хрущёва, и в первую очередь прекращение полицейского террора, освобождение миллионов политзаключённых и реабилитацию почти 20 миллионов человек.

В течение многих лет Хрущёв имел почти неограниченную власть в одной из величайших держав, ему приходилось принимать решения, которые оказывали влияние на судьбу всего человечества. Его личность требует анализа потому, что он был действительно незаурядным политическим деятелем, одной из наиболее ярких и противоречивых фигур XX столетия. Он искренне хотел мира и добра своему и другим народам, хотя и приходилось бряцать оружием.

Хрущёв встречался почти со всеми крупнейшими политиками: с И. Б. Тито, Д. Эйзенхауэром, Дж. Кеннеди, де Голлем, Дж. Неру, Мао Цзэдуном, Ф. Кастро, У. Черчиллем, А. Иденом, Хо Ши Ми ном, Сукарно, Г. — А. Насером, К. Аденауэром, П Тольятти. Ни перед кем из этих людей он не испытывал робости. И, когда речь шла о столкновении интересов или политических взглядов, он без колебаний принимал вызов.

Хрущёв пришёл к руководству после Сталина, создавшего один из наиболее страшных террористических режимов в истории. Как и большинство тиранов, Сталин не позаботился о своём преемнике Следствием этого явилась острая борьба за власть, в которой верх одержал именно Хрущёв. Он сумел уничтожить такого опасного противника, как Л Берия, и оттеснить от власти таких многоопытных политиков, как В. Молотов, Г Маленков, Л. Каганович. Личная власть Хрущёва была огромной, хотя он и не создавал особого аппарата для её сохранения. Поэтому он мог оставать ся у власти, пока его поддерживало большинство партийного руководства. Здесь Хрущёв не был продолжателем Сталина. У эпохи Хрущёва свой стиль и колорит, она не похожа на мрачные времена сталинского правления и на период «стабильности», который наступил после отставки Хрущёва.

Конечно, Хрущёв не ставил своей задачей разрушить созданную до него политическую систему. Напротив, он постарался использовать авторитарность для проведения множества экономических и политических реформ. В конечном счёте он существенно изменил политическую и идеологическую систему в

СССР. Неутомимая его деятельность доказала возможность реформ «сверху» при поддержке «снизу». И если многие из них были неэффективны, недолговечны, то в этом сказалась не ошибочность их общего направления, а та торопливость и то нетерпение реформатора, которые в нашем политическом словаре получили название «субъективизма» и «волюнтаризма». Хрущёв допустил немало ошибок, и в ряде случаев мы можем говорить о злоупотреблении властью. Но в целом эпоха Хрущёва была временем крупных позитивных перемен и многообразного прогресса, его начинания чаще всего отвечали давно назревшим потребностям советского общества. Неудивительно, что очень многие из нововведений Хрущёва продолжают развиваться и сегодня, хотя и без упоминания его имени.

Н. С. Хрущёв родился в рабочей семье, сам много лет работал слесарем на заводах и шахтах Донбасса. Он был первым рабочим, возглавившим КПСС. Власть никогда не была для него самоцелью, он не терял связей с народом и не переставал думать о нуждах рабочих и крестьян.

Хрущёв никогда не был бюрократом, «аппаратчиком». Он постоянно нарушал «тайну» бюрократического действия, низвергая привычные для бюрократии авторитеты, постоянно перестраивая, разрушая её аппарат. Даже своими манерами он бросал вызов стереотипным представлениям бюрократии о поведении главы государства. Но именно здесь не одержал он победы — бюрократический аппарат в его эпоху стал ещё более громоздким и могущественным. Не будучи чиновником, он слишком часто полагался на силу чисто административных решений.

Как человек Хрущёв отличался многими качествами крестьянина и рабочего России начала века: мужеством, иногда даже азартом, которые сочетались с осторожностью, громадной энергией, трудолюбием, природным умом, настойчивостью, хитростью, добротой, прижимистой твёрдостью, огромной волей, грубостью, излишней доверчивостью, неприязнью к чиновникам.

Хрущёву хотелось все самому увидеть, самому проверить, потрогать руками. Он не слишком доверял бумагам, не мог руководить страной только из кремлёвского кабинета. Отсюда его частые поездки по Союзу и по всему миру. Он был не только руководителем, но и главным ревизором в СССР. Приходилось слышать, что Хрущёв является одновременно главой государства и главой оппозиции.

Он не был теоретиком и не создал особой теоретической концепции. Важные решения Хрущёва часто вытекали из эмпирических наблюдений, из интуиции, которая указывала правильное направление, но не вооружала верными методами для

решения поставленных задач. Однако он часто высказывал свежие и смелые мысли, которые давали толчок развитию теории. Общественные науки в эпоху Хрущёва сделали заметный шаг вперёд.

У Хрущёва было много выдающихся качеств — открытость, умение противостоять обстоятельствам, преданность партии, напористость и способность идти на риск, изменяя привычные представления и институты, ломая бюрократические препоны. Он глубоко верил в коммунизм и преимущества социализма, в скорое падение капитализма. Но Хрущёв был также учеником Сталина и «продуктом» сталинской эпохи. Он сам говорил, что является лояльным деятелем «сталинской шеренги». Неудивительно, что он усвоил и многие черты приверженцев Сталина: авторитарность и жестокость, умение лавировать в лабиринтах бюрократической власти, умение молчать, говорить неправду, скрывать сомнения, не замечать очевидного. Отсюда непоследовательность и половинчатость многих его реформ и начинаний. Поистине, он слишком часто пытался в два прыжка перескочить через пропасть (выражение Черчилля).

Хрущёв был очень самобытным человеком, самородком, человеком необычного политического темперамента. Он отличался редкой самостоятельностью в решениях, но, к сожалению, часто торопил события. Нередко он импровизировал, что иногда полезно в политике, но чаще всего плохо кончается в экономике. Многие смелые прогнозы Хрущёва основывались на ложных предпосылках о действительных возможностях советского народного хозяйства. Хрущёв далеко не всегда правильно разбирался в окружавших его людях. Нередко он поддавался влиянию плохих и корыстных людей и, отправляя в отставку одного плохого чиновника, заменял его другим, таким же плохим.

Н. С. Хрущёв не избежал развращающего влияния необъятной власти и неумеренных восхвалений. К концу правления он ста новился все более грубым и менее самокритичным. Он не хотел признавать неудачи многих своих начинаний и лишь усугублял уже совершенные ошибки. Для отстранения его от власти было достаточно оснований. Но даже в последние часы своей эпохи, в минуты острых дебатов на заседании Президиума ЦК Хрущёв защищал свою власть только словами. Главные достижения эпохи и главные личные заслуги Хрущёва состояли в том, что был разрушен выпестованный Сталиным карательный аппарат, возвращены свобода и доброе имя миллионам узников; решительно преобразован сталинский вариант колхозного строя, существенно изменена и смягчена внешняя политика СССР, заложена основа для более нормального сосуществования Востока и Запада. Все это

создало возможности дальнейшего движения вперёд, но сам Хрущёв их уже не мог реализовать. Далеко не все эти возможности были реализованы и преемниками Хрущёва, что нелишне напомнить сейчас, когда мы стоим в начале новой эпохи, испытывая как многие надежды, так и немалые опасения.

1982 г.

Начало ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. С. ХРУЩЁВА

1. Трудовая и революционная юность

Уже будучи главой Советского государства, Н. С. Хрущёв любил вспоминать детство и юность. Он рассказывал об учёбе в церковноприходской школе, о первой учительнице, о работе пастухом или слесарем. «Я начал работать в очень раннем возрасте, — говорил Хрущёв в Болгарии. — … Помню, как я пас овец, только был я не чабаном, а рангом ниже. Бывало, чабан меня посылает: а ну, Никита, беги, заверни овец. И я бегал, заворачивал их. В деревне я и телят пас… После работал на заводах, в шахтах, в сырых шахтах, частенько приходилось мокрым выходить из шахты и так идти домой за три километра. Никаких бань, никаких раздевалок для нас капиталисты не делали»[1].

В другой раз, на сессии Верховного Совета СССР, Хрущёв рассказывал: «Детство и юность я провёл на шахтах. Если Горький прошёл школу народных университетов, то я воспитывался в шахтёрском „университете“. Это был для рабочего человека тоже своего рода Кембридж, „университет“ обездоленных людей России»[2].

Когда в 1959 году он посетил Голливуд, кинокомпания «XX век Фокс» устроила большой приём в честь главы СССР, который американская печать назвала «самым большим в истории Америки собранием звёзд». Владелец студии грек Спирос Скурас в своём выступлении часто напоминал, что вышел он из семьи скромного достатка, а теперь правит огромной кинокомпанией. Коснувшись этой же темы в ответной речи, Хрущёв сказал: «Вы хотите знать, кто я такой? Я стал трудиться, как только начал ходить. До 15 лет я пас телят, я пас овец, потом пас коров у помещиков. Потом работал на заводе, хозяевами которого были немцы, потом работал на шахтах, принадлежавших французам; работал на химических заводах, принадлежавших бельгийцам, и вот теперь я премьер-министр великого Советского государства»[3].

Эти слова находили отклик в сердцах простых американцев, как и любимая легенда Голливуда о бедном и простом человеке, который благодаря трудолюбию, таланту и удаче становится знаменитым и богатым.

Однако история возвышения Хрущёва — не выдумка киносценаристов. Он родился 5(17) апреля 1894 года в селе Калиновка Курской губернии. Его отец — Сергей Никанорович и дед — Никанор Сергеевич были крестьянами, как и мать — Ксения Ивановна. После рождения сына Никиты и дочери Ирины

Сергей Хрущёв все чаще уходил зимой на заработки, оставляя семью в деревне. Скоро Никита стал пастухом — обычная участь детей из бедных крестьянских семей. Зимой он посещал школу, где научился читать и писать. Но дальше начальной школы дело не пошло.

В 1908 году, когда Никите исполнилось 14 лет, его семья переехала на Успенский рудник, недалеко от Юзовки, типичного рабочего посёлка того времени с населением в 40 тысяч человек, одной больницей и десятками винных лавок и пивных. Никита снова нанялся пасти коров, чистил котлы на шахтах. Вскоре был взят на завод учеником слесаря и помогал ремонтировать оборудование для окрестных рудников.

В Юзовке были ещё памятны события 1905 — 1907 годов, но молодые рабочие и девушки собирались главным образом не для политики. Любили петь и плясать под аккомпанемент Никитиной гармони. Ближайшим другом Хрущёва был шахтёр и любитель книг Пантелей Махиня. Он и сам сочинял стихи, — некоторые из них Никита запомнил на всю жизнь. Через 50 лет, выступая на III съезде писателей, Хрущёв вспомнил о своём убитом в гражданскую войну друге и прочитал одно из его стихотворений:

> Люблю за книгою правдивой
> Огни эмоций зажигать,
> Чтоб в жизни нашей суетливой
> Гореть, гореть и не сгорать.
> Чтоб был порыв, чтоб были силы
> Сердца людские зажигать.
> Бороться с тьмою до могилы,
> Чтоб жизнь напрасно не проспать…[4]

У Махини Никита брал читать газеты и книги. Он прочёл томик избранных произведений К. Маркса. Особенно повлиял на взгляды Никиты и его друзей «Манифест Коммунистической партии» В 1912 году в России оживилась деятельность революционных организаций. Известие о Ленском расстреле вызвало забастовки и в Юзовке. По требованию пристава Никиту Хрущёва в числе других активистов стачки уволили с завода. Он стал работать слесарем на шахте № 31, довольно крупной по тому времени. Если завод принадлежал немецкому капиталисту, то шахта была собственностью французского капиталиста.

Рабочее движение на рудниках было по преимуществу большевистским. Здесь читали легальную «Правду» и нелегальный «Шахтёрский листок». Когда началась война, Хрущёва, как и большинство шахтёров, в армию не призвали. В

1914 году он женился. Его первая жена Ефросинья родила ему сына Леонида и дочь Юлию[5]. Война ухудшила положение шахтёров, дороговизна росла, а зарплата оставалась прежней. Обирали шахтёров торговцы и ростовщики. В результате уже в конце 1914 года начались стачки. В марте 1915 года вспыхнула забастовка в Рутченкове на шахте № 31, и Хрущёв был одним из руководителей. Шахтовладельцы уступили, но в 1916 году волнения возобновились и приобрели политический характер. В соседнем районе полиция во время митинга убила четырёх шахтёров, что вызвало демонстрации и стачки по всему Донбассу. Правительство ответило отправкой шахтёров на фронт, но волнения в Донбассе не прекращались уже до февральской революции.

О свержении самодержавия Юзовка узнала из телеграммы, перехваченной на железнодорожной станции. Узнали об этом и в Рутченкове, шахтёрском посёлке недалеко от Юзовки. В избранный Совет рабочих депутатов вошёл и Никита Хрущёв. Руководство Советом в Юзовке было в руках меньшевиков и эсеров, но Хрущёв поддерживал большевистскую фракцию, хотя формально ещё не был членом партии.

На выступления рабочих шахтовладельцы, опираясь на поддержку Временного правительства, ответили массовыми увольнениями. Однако почти повсюду в Донбассе именно Советы оказывались хозяевами положения. В дни корниловского мятежа здесь повсеместно создавались военно-революционные комитеты. В Рутченкове в такой комитет вошёл и 23-летний Хрущёв.

Известие о вооружённом восстании в Петрограде и создании Советского правительства пришло в Донбасс быстро. Везде, где большевики возглавляли Советы, власть перешла к ним без каких-либо столкновений. Но Советы в Юзовке не желали признавать новой власти. Только в декабре 1917 года юзовский Совет был переизбран, и большевик Яков Залмаев стал его председателем. Хрущёва избрали председателем местного профсоюза металлистов горнорудной промышленности.

Положение Донбасса после революции было сложным. С юга ему угрожали части казачьей армии генерала Каледина. Добровольческие отряды этой армии уже захватили несколько шахтёрских посёлков, убив при этом немало шахтёров. Пытались захватить Донбасс и силы Центральной Рады — объединённого органа буржуазных и мелкобуржуазных партий, — обосновавшейся в Киеве и объявившей о создании Украинской народной республики. В Донбассе стали быстро формироваться отряды Красной гвардии. Никита Хрущёв вступил в Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк. Этот полк принял

участие в боях против казачьего отряда есаула Чернецова. Хрущёв возглавил рутченковский шахтёрский батальон. В эти дни он стал членом партии большевиков.

Поражение калединцев не избавило Донбасс от опасности. Весной 1918 года на территорию Украины вступили немецкие войска, заключившие соглашение с Центральной Радой. Объединённая шахтёрская армия с боями отступила на Восток. Вернувшийся с калединского фронта Хрущёв должен был скрываться в буквальном смысле под землёй — в одной из шахт. Пройдя через шахтную сбойку в степь, он ушёл на восток — в родную Курскую губернию. Здесь была Советская власть, и Хрущёв стал работать в волостном ревкоме, но вскоре был мобилизован на фронт. С весны 1918 года Никита Хрущёв — на политической работе в Красной Армии. Он воевал на Царицынском фронте, в составе IX армии. Верной 1919 года мы видим Хрущёва комиссаром 2-го батальона 74-го полка 9-й стрелковой дивизии. Он оказался храбрым воином и умелым комиссаром. Вместе с армией Хрущёв прошёл от Подмосковья до Кубани. Деникин был разбит, и IX армию переименовали в Кубанскую. Хрущёв стал инструктором армейского политотдела. Именно Кубанская армия прорвала фронт белых армий и одной из первых вышла к Новороссийску. Вскоре в районе Туапсе и Сочи она приняла капитуляцию деникинской Кубанской армии. Позднее Хрущёв нередко вспоминал эти боевые эпизоды. «Мне вспоминаются некоторые эпизоды времён гражданской войны, мои встречи и беседы с представителями интеллигенции бывшей царской России. Когда мы разбили белогвардейцев и сбросили их в Чёрное море, я тогда был в рядах Красной Армии. Наша часть стояла на Кубани; жил я в доме, принадлежавшем одной интеллигентной семье. Хозяйка в своё время окончила Институт благородных девиц в Петербурге. А от меня, видимо, ещё углём несло, когда я жил в её доме. Там жили и другие интеллигенты: юрист, инженер, преподаватель, музыкант. Мы, красноармейцы, с ними общались… Представители старой интеллигенции все больше убеждались, что коммунисты — честные люди, не имеющие личной корысти, что они заботятся об общем благе. Мы были тогда ещё неотёсанными, необразованными рабочими, но мы хотели получить образование, хотели научиться управлять государством, хотели построить новое общество и отдавали все силы, чтобы добиться этого»[6].

Для военного комиссара Хрущёва гражданская война закончилась на Кубани. По путёвке партии он возвращается в освобождённый, но разрушенный Донбасс. Ещё раньше он узнал, что его жена Ефросинья умерла в тяжёлом 1919 году от сыпного

тифа.

2. Низовой партийный работник

Результатом гражданской войны была невиданная и повсеместная разруха. Из-за отсутствия угля стояли фабрики и заводы, не ходили поезда, нечем было обогревать зимой дома и учреждения. Вопрос о восстановлении Донбасса, главной топливной базы страны, беспокоил Советское правительство. Для этого была создана Украинская трудовая армия, во главе которой некоторое время стоял И. Сталин. Его приказы были суровы: все мужчины от 18 до 46 лет должны работать на шахтах. Мобилизовывались все квалифицированные шахтёры до 50 лет, а технические специалисты — до 65 лет. Шахты именовались полками, а объединения нескольких шахт — дивизиями. Со страниц юзовской газета «Диктатура труда» раздавались не только призывы, но и угрозы. В июне 1920 года газета писала: «Наша очередная задача — неуклонное проведение трудовой повинности… Поголовная мобилизация всех нетрудовых элементов… В трудовой республике нет места паразитам и бездельникам. Их или расстреливают, или перемалывают на великих жерновах труда»[7].

В Донбасс прибывали тысячи добровольцев и мобилизованных из всех губерний, сюда шли вагоны с продовольствием и одеждой. Из Донбасса по разным направлениям шли первые десятки тысяч пудов угля. Летом 1920 года в Донбассе были образованы кустовые управления. Во главе управления стояли председатель и два заместителя — по технике и политической работе. Политическим руководителем Рутченковского куста с 16 шахтами был назначен Н. С. Хрущёв.

Переход к новой экономической политике улучшил положение в стране, но не в Донбассе. Трудовые армии прекратили существование. Засуха 1921 года привела к бегству в другие районы тысяч рабочих, спасавшихся от голода. Добыча угля резко упала. Всё же основные трудности были преодолены к концу 1921 года. Восстанавливались шахты, заводы. В начале 1922 года Донбасс получил 2 миллиона пудов зерна, в том числе импортного. На шахтах вводилась натуральная сдельщина — даёшь больше угля, получаешь больше хлеба. За границей закупались врубовые машины. Рутченковское управление, считавшееся одним из лучших, открыло первую школу горнопромышленного ученичества.

Хрущёв был полон энергии. Он не только выступал на митингах, но часто сам рубил уголь или помогал ремонтировать оборудование. Позднее он вспоминал: «До гражданской войны я

работал слесарем на руднике… Когда вернулся домой, меня назначили заместителем управляющего Рутченковского рудника. Мы начали восстанавливать коксохимический завод. Чертежей не было. Бельгийцы, которым принадлежал завод, уехали и все чертежи взяли с собой. Мы тогда разыскивали старых рабочих, советовались с ними, разбирали старые батареи коксовых печей, делали чертежи, чтобы узнать, что такое коксохимическое производство и как пустить его в ход. А многие из тех инженеров, которые остались… были против нас. И в этих трудных условиях мы восстановили промышленность Донбасса»[8].

С конца 1921 года в Донбассе начал работать Донтехникум. Его первыми студентами стали рабочие нередко с 10-летним стажем работы на шахтах. При техникуме был открыт и рабфак. Он должен был давать курсантам общее образование, чтобы подготовить к обучению по специальным дисциплинам. Хрущёв поступил на рабфак при Донтехникуме. Одновременно его назначили политруком Донтехникума и избрали секретарём партийной ячейки. При его участии было решено построить при техникуме не обычные мастерские, а настоящий завод. Стройку вели студенты, нередко разыскивая старые станки на свалках и тщательно восстанавливая их.

Жизнь налаживалась. В 1923 году Донбасс давал уже половину довоенной добычи угля. Налаживалась и семейная жизнь Хрущёва. В Донтехникуме он познакомился с молодой преподавательницей политической экономии Ниной Петровной Кухарчук, которая читала лекции в окружной партийной школе и на рабфаке. В 1924 году она стала его женой. У молодых супругов родилась дочь Рада. Много позднее родились сын Сергей и дочь Елена[9].

В конце 1924 года Донтехникум выпустил первых горных инженеров, но Хрущёв так и не закончил его. В стране происходило новое территориальное размежевание и создавались новые административные единицы — районы. В числе других в Донбассе был организован Петрово-Марьинский район, в который кроме сел Марьинского района вошли шахты Петровского рудника. Вторым секретарём райкома партии здесь избрали Н. С. Хрущёва.

Начиналась индустриализация. На шахты поступала новая техника, сюда приходили работать крестьяне ближайших губерний. Недостатка в рабочих не было, но трудно было с жильём и обучением молодых шахтёров. Они жили в бараках с многоярусными нарами. Как вспоминал позднее Хрущёв, в бараках царили теснота и бескультурье. Недавние крестьяне не умели пользоваться даже городскими туалетами. Шахтёрам негде

было умыться, не было постельного белья, царили пьянство и картёжная игра. Неудивительно, что борьба за «культурные бараки» отнимала много внимания у райкома.

Этот район перевыполнял план. Хрущёва видели на шахтах, в общежитиях, на проводах сезонников, на крестьянских рынках, на гулянках молодёжи. Ему приходилось налаживать производство прочных лаптей для шахтёров и ремонт крестьянских телег и плугов. Райком помогал созданию первых колхозов, партийных и комсомольских ячеек в сёлах. Это было время нэпа, быстрого развития деревни, хороших урожаев.

В декабре 1925 года Хрущёв впервые побывал в Москве. С правом совещательного голоса он приехал сюда в составе украинской делегации на XIV съезд ВКП(б). В день открытия съезда он не сразу нашёл Кремль, и всё же он был одним из первых в зале заседаний. На съезде, как известно, происходила острая борьба между большинством ЦК и так называемой ленинградской оппозицией, возглавляемой Г. Зиновьевым. Хрущёв с энтузиазмом поддержал генеральную линию. Вместе с другими делегатами от Украины он аплодировал Сталину, которого видел впервые. Сталин произвёл на молодого Хрущёва благоприятное впечатление своим кажущимся демократизмом и простотой. Ещё через два года мы видим Хрущёва в числе делегатов XV съезда ВКП(б). Он голосовал на съезде за исключение Троцкого, Зиновьева и многих других деятелей оппозиции из рядов партии. Генеральным секретарём ЦК КП(б) Украины являлся в это время Л. М. Каганович, который был всего на несколько месяцев старше Хрущёва. Хрущёв и Каганович уже достаточно хорошо знали друг друга. Известно, что многие из членов ЦК Украины высказывали недовольство деятельностью Кагановича, особенно его национальной политикой. Но в Донбассе жило преимущественно русское население, и у Хрущёва не было причин выступать против Кагановича, к которому он, напротив, сохранил полную лояльность.

Успехи Петрово-Марьинского райкома и активность Хрущёва заметили в Донбассе. Его перевели в окружной центр (Юзовка уже переименована в г. Сталине). Масштаб его деятельности в окружкоме значительно расширился. Донецкая организация по численности членов партии занимала одно из первых мест в Союзе. К началу 1927 года Донбасс превысил довоенный уровень добычи угля. Здесь строились Дома культуры, радиостанция; в окружном центре появились трамвай и водопровод. Обладая энергией, природным умом и находчивостью, Хрущёв был одним из лучших партийных работников Украины. Однако ему явно не хватало образования. Вероятно, он так бы и остался работником

среднего звена, если бы, по его собственному выражению, ему не повезло «вытащить счастливый лотерейный билет».

В 1928 году генсеком ЦК КП (б) У был избран С. В. Косиор, который начал свою работу с перестройки партийного аппарата. Он вызвал, в частности, зав. орготделом ЦК Н. Демченко и сказал ему примерно следующее: «У тебя в орготделе 6 человек, и все они из интеллигенции. Тебе нужно иметь хорошего заместителя из рабочих. Пошли кого-нибудь в Донбасс. Пусть тебе дадут шестерых партийных работников из рабочих. Но остерегайся, что тебе подсунут худших, и тщательно проверь каждого кандидата. Я потом сам отберу из них нужного работника».

В Донбасс поехал работник орготдела ЦК А. В. Снегов. Он отобрал шесть человек, в числе которых оказался и Хрущёв. Все они были на приёме у Косиора в Харькове — тогдашней столице Украины. Выбор Косиора пал на Хрущёва, который и стал заместителем заведующего орготделом ЦК КП(б) Украины[10].

В то время люди недолго работали на одном месте. Н. Демченко вскоре стал секретарём Киевского окружкома партии. Он взял с собой в Киев и Хрущёва, теперь уже в качестве зав. орготделом. В 1929 году в Москве была открыта Промышленная академия, в задачу которой входила подготовка кадров партийно-промышленного руководства. Выходцам из рабочих везде отдавалось предпочтение, и Хрущёв вскоре стал слушателем Промышленной академии.

Ещё в 1928 году он поддержал приговор, вынесенный по так называемому «Шахтинскому делу». Отсутствие опыта помешало ему усмотреть в этом «деле» элемент провокации. Хрущёв активно участвовал в борьбе против так называемых правых уклонистов, которые преобладали в партийной организации академии и победили при выборах делегатов на Бауманскую районную партконференцию. После двух выступлений «Правды» партийная организация Промакадемии «признала» свои ошибки, отозвала делегатов с районной конференции и избрала новое бюро, во главе которого встал Н. С. Хрущёв, горячо и, надо полагать, искренне защищавший генеральную линию[11]. Конечно, руководимая Хрущёвым партийная организация полностью поддержала и сталинскую коллективизацию в деревне и все остальные кампании начала 30-х годов. Однако Хрущёву повезло в том отношении, что всю эту «борьбу» он вёл главным образом на словах, тогда как многим из его друзей на Украине пришлось лично проводить коллективизацию и раскулачивание. Впрочем, Хрущёву пришлось приложить руку к исключению из Промакадемии группы студентов, обвинённых в правом уклоне.

В первый состав Промакадемии вошла и Н. С. Аллилуева,

жена Сталина. Её избрали партгрупоргом, и между ней и Хрущёвым установились дружеские отношения. Мало кто знал, что молодая женщина, приезжавшая в академию на трамвае, является женой Сталина. Хрущёв думал, что именно Аллилуева обратила внимание мужа на энергичного парторга. Позднее он говорил в своих воспоминаниях: «Потом я уже стал секретарём Московского комитета и областного… Со Сталиным часто встречался, бывал у Сталина… бывал на семейных обедах, когда ещё была жива Надежда Сергеевна, я уже понял, что о жизни Промышленной академии и о моей роли в борьбе за генеральную линию в академии она много рассказывала, видимо, Сталину, и Сталин мне потом много в разговорах напоминал… Я сперва даже не понимал, что уже забыл какой-то там эпизод. А потом я уже вспоминал. Ах, это, видимо, Надя, Надежда Сергеевна рассказала… Это, я считаю, определило и мою позицию и, главное, отношение ко мне Сталина. Вот я и называю это лотерейным билетом, что я вытащил счастливый лотерейный билет. И поэтому я остался в живых, когда мои сверстники, мои однокашники, мои друзья-приятели, с которыми я вместе работал в партийных организациях, большинство сложило голову как враги народа»[12].

Возможно, в данном случае Хрущёву изменяет память или он немного лукавит. Когда он стал секретарём городского и областного комитетов партии и бывал на семейных обедах Сталина, Надежды Аллилуевой уже не было в живых. В газете «Вечерняя Москва» за 2 июня 1932 года помещена заметка «Комбриги и начдивы по хозяйству» о выпуске из Промакадемии. Среди выступавших на вечере назван и секретарь МГК ВКП (б) «тов. Хрущёв». Но Хрущёв был в те месяцы лишь вторым секретарём горкома и маловероятно, что он мог бывать на обедах у Сталина. Жизнь Аллилуевой оборвалась в ноябре 1932 года. Не исключено, что она рассказывала в 1930 — 1931 годах Сталину о делах в Промакадемии. Однако

Аллилуева не походила на фанатичную большевичку, которая горела желанием вести борьбу с левой или правой оппозициями. Да и Сталин мало считался с мнением своей жены, чтобы обратить на её рассказы большое внимание.

Хрущёва в этот период продвигали вперёд не Сталин и Аллилуева, а Л. М. Каганович, который являлся членом Политбюро и секретарём ЦК ВКП (б), первым секретарём Московского обкома и который знал его ещё по работе на Украине. Кагановичу нужен был в Москве энергичный помощник, и он отозвал Хрущёва из Промакадемии, чтобы использовать на партийной работе в Москве. Позднее Хрущёв не раз вступал в

конфликт с Кагановичем, он не хотел, чтобы его считали выдвиженцем Кагановича.

3. Работа в Московской партийной организации

Хрущёв не вернулся на Украину. В 1931 году он был избран первым секретарём Бауманского райкома партии в Москве, а через несколько месяцев стал первым секретарём Краснопресненского райкома. Он заменил здесь М. Н. Рютина, выступившего с развёрнутой антисталинской программой и по решению Политбюро сосланного в отдалённые районы страны. Можно не сомневаться, что Хрущёву поручили избавить районные организации от остатков «рютинщины».

Карьера Хрущёва развивалась стремительно. Уже в 1932 году он избирается вторым секретарём Московского горкома партии. На XVII съезде ВКП (б) 39-летний Хрущёв становится членом ЦК ВКП (б). Вскоре он избирается первым секретарём горкома и вторым секретарём Московского обкома партии, т. е. главным заместителем Кагановича по работе в Москве и области. В 1935 году Каганович назначается наркомом путей сообщения — транспорт оказался узким местом советского народного хозяйства. По его рекомендации и с согласия Сталина Хрущёв был избран первым секретарём Московского обкома партии. В этой связи газета «Рабочая Москва» писала: «Тов. Хрущёв — рабочий, прошедший школу борьбы и партийной работы начиная с самой низовой, — является выдающимся представителем послеоктябрьского поколения партийных работников, воспитанных Сталиным. Под руководством замечательного мастера сталинского стиля работы товарища Кагановича — Н. С. Хрущёв за последние годы вырос вместе с нашей партийной организацией и является достойным руководителем нашей славной московской партийной организации»[13].

В данном случае имело смысл и то, что о Кагановиче говорили «товарищ», а о Хрущёве пока только «тов. », он стал руководителем московских большевиков, но ещё не «вождём». Позднее Хрущёв рассказывал: «В 1935-м Каганович был выдвинут наркомом путей сообщения и освобождён от обязанностей секретаря Московского комитета. Меня выдвинули на посты первого секретаря Московского областного и городского комитетов партии. Мне было приятно и лестно, но больше было страха перед такой ответственностью. Помню, до этого времени я ещё возил и хранил свой личный инструмент. Как у всякого слесаря, были там кронциркуль, микрометр, метр, керн, чертилка, угольнички разные. Я тогда не порывал ещё мысленно

связи со своей профессией. Считал, что партийная работа — выборная, и в любое время я могу быть неизбранным и вернусь к своей основной специальности слесаря, рабочего. Но я превращался уже в профессионального общественного партийного работника»[14].

Надо отметить, что Московская область была в ту пору по территории очень большой. В неё входили нынешние Калининская, Тульская, Рязанская и Калужская области.

Работа в столице имела ряд особенностей. Она давала возможность Хрущёву познакомиться со всеми руководителями страны. Но, с другой стороны, секретарь столичного обкома был не так самостоятелен в своих действиях, как секретари других обкомов. Вопросы, которые секретарь Свердловского или Ростовского обкомов партии решали обычно самостоятельно, секретарь столичного обкома должен был согласовывать с разными общесоюзными инстанциями, а часто и лично со Сталиным. Даже вопросы жилищного строительства и благоустройства лишь частично решались в обкоме или Моссовете. Так, например, после одной из первомайских демонстраций и беседы зарубежных участников со Сталиным последний вызвал Хрущёва и распорядился в кратчайший срок построить в Москве 40 общественных уборных, их отсутствие создавало немало неудобств для демонстрантов.

Как первый секретарь обкома Хрущёв приобрёл много важных для него связей. Живой, доброжелательный, общительный, энергичный Никита Сергеевич, казалось, не имел тогда врагов. Он был любознателен, решителен и смел, но также хитёр и осторожен. Он не был всесторонне образован. Но чрезмерным образованием не обременяли себя тогда ни Сталин, ни Каганович, ни Орджоникидзе, ни Ворошилов. Этим они существенно отличались от первого поколения руководителей партии. Однако природа не обделила Хрущёва самобытным умом и интуицией. К тому же Хрущёв очень много работал, он обладал поистине выдающимся деловым темпераментом. Он бывал на предприятиях столицы и области, проводил совещания председателей колхозов и радиопереклички районов. Его можно было видеть на совещаниях учителей, учёных, свекловодов области. Услышав о каком-либо методе работы, например о подземной газификации угля, Хрущёв немедленно загорался идеей и поощрял проведение опытов в Подмосковном угольном бассейне[15]. Москва представляла тогда большую строительную площадку. Один из немецких писателей, побывавших в Москве летом 1934 года, писал: «В целом Москва производит впечатление чего-то незаконченного, шумного. Разрытые улицы, длинные грязные

канализационные канавы, через которые были проложены грязные дощатые настилы, везде высокие кучи земли. Все городские кварталы были завалены, и тяжело нагруженные автомобили везли прочь накопившийся мусор. Везде длинные заборы вокруг строящихся станций метро, всюду леса для строительства огромных деловых зданий и жилых домов. Грохот, стучание, толчки, визг одноковшевых экскаваторов, машин для размешивания раствора, бетономешалок — всё это заставляло содрогаться почву во всей округе. Работали тысячи рабочих. Они работали с фанатичным старанием днём и ночью. По улицам проезжали переполненные трамваи, автомобили всех марок и возрастов, повсюду были видны повозки, запряжённые одной лошадью, с неприветливыми извозчиками на козлах»[16].

Главное внимание Хрущёв уделял всё же строительству первой и второй очереди метро. Это грандиозный по тем временам проект, не только строительный, но и политический, так как было решено строить «лучшее в мире метро». Опытные участки появились в Москве ещё в конце 1931 года. После изучения полученных данных решились прокладывать линии на большой глубине. В составлении проекта участвовали крупные советские и зарубежные специалисты. Советские инженеры выезжали для изучения западного опыта в Англию, Францию, Бельгию и Германию. Затем началось строительство, которое проводилось невиданными для того времени темпами. К концу 1934 года по проекту первой очереди метростроевцы выполнили в сложных условиях 85 % основных работ. Н. С. Хрущёв ежедневно, часто вместе с Кагановичем, спускался в шахту, облачась в рабочую одежду, и не только наблюдал за строительством, но и помогал решению многочисленных проблем.

По случаю торжественно отмеченного пуска первой очереди метро многие строители были награждены орденами, из них 37 — орденом Ленина. Первым в этом списке стоял Н. С. Хрущёв. Он получил свой первый орден. Награду получил и председатель Моссовета Н. А. Булганин, дружба с которым сослужила позднее хорошую службу Хрущёву. Сталин в это время явно покровительствовал Хрущёву и часто приглашал его и Булганина на свои домашние обеды. Сталин умел быть обходительным хозяином. Позднее Хрущёв вспоминал: «Весь этот период моей работы в Московском городском партийном комитете я довольно часто имел возможность общаться со Сталиным, слушать его и даже получать непосредственные указания по тем или иным вопросам, я был буквально… очарован Сталиным, его предупредительностью, его заботой… Всё, что я видел и слышал у Сталина, на меня производило чарующее впечатление, я был

всецело поглощён обаятельностью Сталина… »[17]

Не исключено, что симпатии Сталина к Хрущёву были вызваны не только энергией и лояльностью, но и ростом Хрущёва. Сталин не любил высоких людей. Крепкий и очень сильный физически, Хрущёв был, однако, ещё ниже невысокого Сталина.

В годы второй пятилетки Москва с её промышленной зоной стала самой крупной в стране базой индустрии, центром науки и высшего образования. Как раз в эти годы был утверждён Генеральный план реконструкции Москвы, предусматривавший значительное по масштабам 30-х годов новое строительство. Забот у Хрущёва и Булганина прибавилось. Немало внимания требовал и канал Москва — Волга. Строительство этого, как и ранее Беломоро-Балтийского канала, возлагалось на НКВД: никто не скрывал тогда, что оно велось при использовании массового труда заключённых. Москва обеспечивала стройку техникой.

Постепенно Хрущёв обретал не только уверенность, но и популярность. Много позднее он отмечал, что в 30-е годы среди членов Политбюро и других руководителей стало модно «приобретать» заводы, колхозы, районы, области и пр. Шло соревнование. Сам Хрущёв не остался от него в стороне. В январе 1936 года постановлением ЦИК СССР заводу точной электромеханики в Москве было присвоено имя Н. С. Хрущёва.

Постепенно Хрущёв начал продвигать на ответственные посты в Москве и области людей, с которыми его связывала прежняя работа и дружба. Так, например, С. З. Корытный был избран секретарём МГК ВКП (б). В это же время по всей стране набирала силу волна жестоких репрессий. В 1935 году органы НКВД провели «очистку» Москвы и Ленинграда от «нежелательных элементов». В провинцию высылались десятки тысяч бывших дворянских и купеческих семей, остатки семей фабрикантов. Хрущёв принял это жестокое решение как должное. Как должное принял он и репрессии среди бывших оппозиционеров. Весной 1937 года удар пришёлся и по основным кадрам партии и государства.

Как относился Хрущёв к этому террору? Он не понимал его причин или понимал превратно. Он верил Сталину и НКВД. И одновременно испытывал страх, в котором не стыдился позднее признаваться. Некоторые показания арестованных Сталин велел рассылать членам ЦК. Получал их и Хрущёв. Он читал, например, показания И. Н. Дубового, с которым дружил, когда тот командовал Киевским военным округом. Дубовой «признавался», что лично убил героя гражданской войны Н. Щорса, чтобы занять его пост. Хрущёв верил этим показаниям и поражался — как мог Дубовой так долго обманывать партию. Он ещё не знал, как

фабриковались такие показания.

После каждого «открытого» процесса на предприятиях Москвы проходили митинги, одобрявшие приговор. После одного из процессов 30 января 1937 года обком организовал, несмотря на сильный мороз, грандиозный митинг на Красной площади с участием 200 тысяч человек. Выступая на пленумах обкома, Хрущёв неизменно призывал к повышению «бдительности». «Сидит иногда человек, — говорил Хрущёв, — копошатся вокруг него враги, чуть ли не на ноги лезут, а он не замечает и пыжится, у меня, мол, в аппарате вредителей нет, чужаков нет. Это от глухоты, слепоты политической, от идиотской болезни — беспечности, а вовсе не от отсутствия врагов»[18].

Вскоре репрессии стали затрагивать аппараты Московского горкома и обкома, Калужского, Тульского, Рязанского горкомов и почти всех райкомов партии. Был арестован друг Хрущёва С. Корытный и множество других ответственных партийных и советских работников, хорошо знакомые Хрущёву директора московских предприятий и руководители Метростроя. Выступая на V областной партконференции, Хрущёв говорил: «Сидели эти подлые изменники и в партийном аппарате, некоторые были членами и кандидатами Московского комитета»[19].

Нам не приходилось встречать свидетельств того, что Хрущёв принимал активное участие в проведении террора, как, скажем, Каганович, Маленков, Молотов, Андреев или Ворошилов. Хрущёв не был движущей фигурой террора в Москве. Но у нас нет свидетельств и того, что Хрущёв когда-либо выступал против террора или пытался защитить работников московских учреждений. Если ему надо было визировать материалы для ареста, полученные из НКВД, он Давал своё согласие, подавлял сомнения. «Когда заканчивали следственное дело, — вспоминал Хрущёв, — и Сталин считал необходимым, чтобы и другие его подписывали, то он тут же на заседании подписывался и сейчас же вкруговую давал другим, и те, не глядя, уже как известное дело по информации, которую давал Сталин, характеризовал, так сказать, это преступление… подписывали. И тем самым, так сказать, вроде коллективный приговор был… »[20]

Хрущёв говорит об этом с явной неохотой, но всё же говорит, избегая моральных оценок. Он рассказывает, что секретари обкомов работали в контакте с органами НКВД и даже посещали тюрьмы, где велось «следствие». В этой связи вспоминает о Трейвасе: «Трейвас — очень хороший товарищ. Фамилия Трейваса в 20-е годы была широко известна как комсомольского деятеля. Это был очень хороший, дельный человек… Сейчас, когда прошло столько лет, я должен сказать, что Трейвас очень хорошо работал,

преданно, активно. Это был умный человек, и я был им очень доволен. Трейвас трагично кончил свою жизнь. Он был избран секретарём Калужского горкома партии и хорошо работал там. Гремел, если можно так сказать, Калужский горком. Но когда началась эта мясорубка 1937 года, то он не избежал её. Я встретился с Трейвасом, когда он сидел в тюрьме. Тогда Сталин выдвинул идею, что секретари обкомов должны ходить в тюрьму и проверять правильность действий чекистских органов. Поэтому я тоже ходил»[21].

Чем кончилась эта встреча? О чём говорили Хрущёв и Трейвас? Об этом он не пишет. Конечно, Хрущёв посещал московские тюрьмы не один. С ним всегда ходил начальник Управления НКВД Москвы С. Реденс, свояк Сталина. Ясно, что рядом шёл и начальник тюрьмы, а где-то близко и следователь. Мог ли в такой обстановке Трейвас довериться Хрущёву? Инициатива должна была исходить только от Хрущёва. Но он не помог, и Трейвас погиб. Строго официально Хрущёв держался и с Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой. Он так вспоминал: «В дни Октября я был молодым коммунистом. В Ленине я всегда видел нашего великого вождя и питал большое уважение к Надежде Константиновне Крупской, неразлучной спутнице Ильича. Её я помню уже как старую, надломленную женщину, появлявшуюся на партконференциях Бауманского района Москвы. Все мы там выступали против Надежды Константиновны. Люди сторонились её, будто она чумная. По приказу Сталина за ней была установлена слежка, потому что считалось, что она сбилась с партийной линии. Когда я теперь вспоминаю то время, то думаю, что Надежда Константиновна была права, занимала правильную позицию, — да что из того, что я так теперь думаю, задним умом крепок… Потом, когда я уже работал в Московском горкоме партии, Надежда Константиновна заведовала Бюро жалоб при Московском городском совете. В работе Моссовета было много недостатков, и многие рабочие наталкивались на глухую стену бюрократии. В таком случае граждане могли обратиться с жалобой. Но чем могла помочь Надежда Константиновна? У неё не было достаточно влияния даже для того, чтобы саму себя оградить от несправедливости. Нередко она пересылала жалобы мне в горком партии… Я всегда сообщал ей, что можно было сделать по той или иной жалобе, а что — 1 нельзя. Иногда мы с ней встречались. Она знала, что я — в шеренге, шагающей по генеральной линии, что я продукт сталинского времени, и, зная это, держала себя соответственно по отношению ко мне»[22].

Мы видим, что Хрущёв признает, что он «продукт сталинского времени». И всё же впечатления страшного 1937 года

глубоко запали ему в память и душу. Можно не сомневаться, что не вполне спокойная совесть стала одной из причин его выступления на XX съезде. В 30-е годы Хрущёв видел, как падают головы у людей более известных и могущественных, чем он. И не хотел и боялся вмешаться. Но он не стал молчать, когда обрёл власть и силу.

Во второй половине 1937 года газета «Рабочая Москва» главное внимание уделяла двум темам: разоблачению «врагов народа» и подготовке к выборам в Верховный Совет. Показательные судебные процессы происходили почти во всех районах области: Красногорском, Рузском, Малинском, Подольском и других, и почти везде во главе «вражеских» групп стояло партийно-советское руководство. И для всех приговор был один — расстрел. Террористическая кампания пошла на убыль только к концу года, когда началось выдвижение кандитатов в депутаты Верховного Совета. Хрущёв выдвигался на многих предприятиях, но дал согласие баллотироваться в Краснопресненском избирательном округе. Разумеется, как и все кандидаты, он был избран депутатом Верховного Совета СССР. Первая сессия Совета происходила с 12 по 16 января 1938 года. Хрущёва избрали членом Президиума Верховного Совета СССР. В дни сессии состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором П. Постышева освободили от поста кандидата в члены Политбюро. Новым кандидатом в члены Политбюро был избран Н. С. Хрущёв. Он вошёл таким образом в число десяти наиболее влиятельных деятелей партии и государства.

4. Н. С. Хрущёв на Украине (1938 — 1941)

Ещё в 1937 году по всей Украине прокатились волны страшного террора. Один за другим в камерах тюрем исчезали секретари обкомов и райкомов, народные комиссары, председатели горсоветов и райсоветов, директора крупных предприятий, учёные и писатели. Погибли почти все члены Политбюро ЦК КП(б)У — С. А. Кудрявцев, П. П. Любченко, Н. Ф. Гикало, В. П. Затонский, М. М. Хатаевич, Н. Н. Попов. Только членов партии на Украине в 1937 году было арестовано около 150 тысяч. Из прежних руководящих работников республики, заседавших на XIII съезде

КП(б)У, почти никого не осталось на свободе. Сталин решил сформировать на Украине совершенно новое руководство Его выбор пал на Н. С. Хрущёва. 29 января 1938 года он был назначен исполняющим обязанности первого секретаря ЦК КП(б)У Исполняющим обязанности второго секретаря ЦК КП(б)У был назначен М. А. Бурмистенко, малоизвестный партработник из аппарата ЦК ВКП (б). Председателем СНК Украины стал Д. С. Коротченко, который ещё недавно находился на партийной работе в Московском горкоме, а Председателем Президиума Верховного Совета УССР — Л. Р. Корниец, который в 30-е годы занимал не слишком высокие посты в партийном аппарате республики, а затем несколько месяцев был вторым секретарём обкома в Днепропетровске[23].

Перед титулами всех членов Политбюро ЦК КП(б)У стояло «и. о. », что означало «исполняющие обязанности». Во главе всех обкомов и наркоматов Украины стояли также «исполняющие обязанности». После краткой поездки по Украине, во время которой Никита Сергеевич впервые за 10 лет посетил родной Донбасс, в республике стали проводиться районные, городские и областные партийные конференции, так как нужно было освободить новых руководителей от словосочетания «исполняющий обязанности». В июне 1938 года с этой целью в Киеве состоялся XIV съезд КП (б) У. В июле здесь же прошла первая сессия недавно избранного Верховного Совета УССР, которая утвердила новый состав Совета Министров УССР.

В западных публикациях нередко писали о Хрущёве как об одном из виднейших организаторов террора как в Москве, так и на Украине. Мы далеки от того, чтобы утверждать, будто Хруще не имел никакого отношения к репрессиям. Он не был организатором и инициатором террора в Москве, хотя и принимал в нём участие. Когда Хрущёв прибыл на Украину, там

уже закончилась проводившаяся на протяжении 1937 года страшная «мясорубка» Несомненно, что часть репрессий проводилась и в 1938 году, хотя бы в связи с арестами за пределами республики П. Постышева и С. Косиора, а также в связи с «устранением» Н. Ежова. Во многих случаях санкции на эти аресты давал уже сам Хрущёв

В январе-феврале 1939 года в связи с предстоящим XVIII съездом ВКП (б) на Украине вновь прошли партийные конференции. Выбирали делегатов на съезд и укрепляли руководство обкомов партии. 9 февраля 1939 года в газете «Советская Украина» появилась небольшая заметка о пленуме Днепропетровского обкома партии. В ней сообщалось, что пленум утвердил секретарём обкома по пропаганде Л. И. Брежнева. В это время он уже работал заведующим отделом обкома. Своим новым назначением он был обязан не Хрущёву, который определял лишь кадры первых секретарей обкомов, а своим друзьям — К. С. Грушевому и П. Н. Алфёрову, которые входили в руководство обкома, а также первому секретарю Днепропетровского обкома С. Б. Задионченко.

В речи на XVIII съезде партии Хрущёв уделил главное внимание успехам Украины и лишь мимоходом коснулся событий 1937 года. Он сказал: «Украинский народ с ненавистью относится к буржуазным националистам, ко всем этим подлым шпионам — любченкам, хвалям, затонским и прочей нечисти. Эти изверги, отбросы человечества прокляты трудящимися Советской Украины. С помощью этих врагов украинского народа фашисты хотели закабалить Советскую Украину. Не вышло и не выйдет навеки. Успешным и победоносным разгромом фашистских агентов — всех этих презренных троцкистов, бухаринцев и буржуазных националистов мы, прежде всего, обязаны лично нашему вождю, нашему великому Сталину»[24].

После съезда Н. С. Хрущёв стал членом Политбюро ЦК ВКП (б). Главное внимание в первой половине 1939 года Хрущёв уделял развитию экономики. Он побывал почти во всех крупных городах Украины. После террора 1937 — 1938 годов в нашей стране прошла своеобразная кампания массовых награждений, появились новые ордена и медали. Свой второй орден — Трудового Красного Знамени получил и Хрущёв.

Вторую половину августа он провёл в Москве, познакомился с павильоном Украины на Всесоюзной сельхозвыставке. Он не участвовал в переговорах с Риббентропом. Сразу после ратификации договора вернулся в Киев и как член военного совета Киевского Особого военного округа принял участие в обширных военных приготовлениях. Десятки дивизий были

придвинуты к польской границе, чтобы 17 сентября перейти её и занять территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Военных действий почти не было. Разбитые немцами и отступавшие на Восток части польской армии сдавались в плен без сопротивления. Все эти дни Хрущёв находился в Западной Украине. В октябре образованное Народное собрание Западной Украины приняло декларацию о вхождении в состав Украинской ССР. В ложе для почётных гостей этого Собрания сидели Н. Хрущёв и командующий Украинским фронтом С. Тимошенко.

Сравнительно спокойно прошёл для Украины 1940-й год. В магазинах, на колхозных рынках можно было недорого купить мясо, молоко, муку. Набирало темпы промышленное производство, увеличивалась добыча угля в Донбассе. Иным было положение в Западной Украине, Буковине и Бессарабии. Украинское население преобладало в сельской местности, а во многих городах — польско-еврейское население. Здесь находилось много беженцев из западных районов Польши. Польская интеллигенция пребывала в состоянии шока. Компартии Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии были распущены Коминтерном на основании ложных обвинений. Приходилось срочно создавать новые партийные организации, а также поспешно проводить различные социальные реформы — национализировать промышленность и банки, ликвидировать помещичьи хозяйства, создавать колхозы. Местная буржуазия сознавала безнадёжность сопротивления. Немало «социально чуждых» граждан из числа поляков, евреев, украинцев, белорусов было депортировано в восточные и северные районы СССР. Существуют разные данные об общем числе депортированных. Цифры колеблются в пределах от одного до полутора миллионов человек. Некоторые из депортированных оказались вскоре в исправительно-трудовых лагерях. Не исключено, что часть людей из западных районов Украины и Белоруссии похоронена в тех десятках братских могил, которые обнаружены совсем недавно в лесных массивах близ Минска и Киева. Однако большая часть депортированных попала в так называемые «спецпоселения», и люди трудились на самых различных предприятиях. Только на строительстве железной дороги в Архангельской области работало в 1940 году около 100 тысяч поляков. Среди депортированных в то время поляков был и молодой гимназист Войцех Ярузельский, который через два или три года стал офицером сформированной в Советском Союзе польской военной части. Позднее она стала ядром новой польской армии. Конечно, Хрущёв не мог не содействовать каким-то образом этому «очищению» Западной Украины.

С самого начала работы на Украине Хрущёв много ездил по республике, выступая с различными речами и докладами. Украина считалась житницей СССР, и ему приходилось много внимания уделять сельскому хозяйству. Он знакомится с Т. Д. Лысенко, которому покровительствовал Сталин. В мае 1940 года в Киеве состоялся съезд Компартии воссоединённой Украины. Состав руководства республики почти не изменился. Можно отметить лишь, что в Политбюро вошёл И. А. Серов, новый нарком внутренних дел республики. Между ним и Хрущёвым установились тесные отношения. Хрущёв близко познакомился и с Г. К. Жуковым, который стал командующим Киевским военным округом.

В 1940 году Румыния передала Советскому Союзу Северную Буковину, населённую по преимуществу украинцами, а также Бессарабию. Сразу после вступления Красной Армии в Бессарабию Хрущёв выехал в Кишинёв, где выступил на большом митинге жителей города.

Не предвещало скорой войны начало 1941 года. Вся пропаганда настраивала советских людей на мысль, что война проходит мимо них. Виды на урожай были хорошими. В одном из своих многочисленных выступлений Хрущёв указал на кукурузу как на прекрасную кормовую культуру, которой принадлежит большое будущее. Он требовал значительно увеличить на Украине посевы кукурузы. Имя Хрущёва обретало популярность. В республике было уже немало колхозов «имени Хрущёва». Его имя присвоили и Донецкому индустриальному институту.

При всём доверии к Сталину Хрущёв сомневался в том, что Германия вскоре не начнёт войны на Востоке. Хрущёва беспокоили тревожные сообщения с советско-германской границы. Вместе с новым командующим Киевским военным округом генералом М. П. Кирпоносом он не раз выезжал в пограничные районы, следил за строительством оборонительных сооружений. В распоряжение округа перебрасывались крупные военные соединения из других районов. Но вся эта работа шла медленно, войска комплектовались по штатам мирного времени, имели мало боеприпасов. Хрущёв с возмущением узнал однажды, что из-за недостатка боеприпасов танковые части на границе не могут проводить учебные стрельбы. В апреле 1941 года Хрущёв и Кирпонос обратились к Сталину с просьбой ускорить строительство оборонительных сооружений и комплектование оружием и боеприпасами частей в приграничных районах. Эти просьбы остались без внимания[25]

В середине июня Хрущёв находился в Москве. 20 числа он попросил Сталина отпустить его в Киев, прямо сказав, что боится,

как бы война не застала его в пути. В Киеве заканчивалось строительство крупного стадиона, которому присвоили имя Хрущёва. Его предполагалось открыть 22 июня, проведя здесь большой митинг и соревнования.

В ночь на 22 июня в расположение пограничных частей перебежал фельдфебель 74-й дивизии. Он сообщил, что утром начнётся немецкое наступление. М. Кирпонос немедленно передал это Хрущёву и новому начальнику Генерального штаба Г. Жукову. Через полчаса обо всём доложили Сталину. Но Сталин не придал сообщению особого значения и отправился к себе на дачу. Жуков в Москве, а Хрущёв в Киеве не ложились спать. Подтвердились их наихудшие опасения: рано утром германские войска перешли границу СССР. Города западных районов страны подверглись бомбардировке. Началась война.

5. Н. С. Хрущёв в годы Отечественной войны

Н. С. Хрущёв был членом военного совета Киевского военного округа. Без его ведома и согласия важные решения не принимались. Дополнительную власть Хрущёву давало то обстоятельство, что он был первым секретарём ЦК КП(б)У и членом Политбюро ЦК ВКП(б). Он контролировал работу промышленности и транспорта республики, формирование народного ополчения, мобилизацию населения на строительство оборонительных сооружений и пр. На решение военных вопросов Хрущёв переключил теперь все внимание.

Военные действия складывались неблагоприятно. Правда, на Южном фронте, которым командовал И. В. Тюленев, немецко-румынские части не смогли пока форсировать Прут. Только 16 июля противник вошёл в Кишинёв, наши войска отходили за Днестр, рассчитывая создать здесь новую линию обороны. Сложнее складывалась обстановка в полосе Юго-Западного фронта. Созданные на прежней государственной границе укреплённые районы были законсервированы и лишены вооружений. Они не могли задержать противника. 30 июня немцы заняли Львов, а уже 7 июля один из моторизованных корпусов, пройдя за неделю более 200 километров, ворвался в Бердичев. Танковая группа генерала Клейста прорвалась 11 июля к переднему краю Киевского укреплённого района, стремясь захватить с ходу столицу Украины. Положение стало критическим, и многие военные растерялись. Хрущёв позднее вспоминал: «В начале войны события развивались не в нашу пользу, советские войска попали в тяжёлое положение. И вот на пятый или шестой день войны мы с командующим фронтом послали члена военного совета генерала Вашугина в один из танковых корпусов, чтобы передать приказ о том, как наилучшим способом использовать силы этого корпуса. По возвращении из корпуса Вашугин зашёл ко мне. Был он в очень тяжёлом, растерянном состоянии. „Всё погибло, всё идёт, как во Франции, конец всему. Я застрелюсь“. „Что вы, безумец, опомнитесь“. Но не успел я ничего сделать, как он выхватил пистолет и застрелился тут же на моих глазах»[26].

Хрущёв и Кирпонос возглавили оборону Киева. На Украине налаживалось производство оружия и боеприпасов. Созданный ещё при И. Якире Киевский укреплённый район был расконсервирован. Жители города окружили его дальние

подступы глубоким противотанковым рвом. Создавалось народное ополчение. В результате немецкие войска не смогли с ходу захватить город, и под Киевом развернулось крупное сражение, сковавшее значительные силы врага. Ни в июле, ни в августе вермахт не смог занять город. Однако, обойдя его, немецкие войска продвинулись далеко на Восток. В линии фронта образовался Киевский выступ. Это было опасно, так как враг держал инициативу. Окружение Киева могло повести к крупному поражению на всём южном направлении. Было ещё не поздно оставить город и создать новую линию обороны на путях к Харькову и Донбассу. Это понимали Будённый, Хрущёв, Жуков, Кирпонос. Но Сталин запретил оставлять Киев.

Настроение Сталина в первые месяцы войны было крайне неустойчивым. Однажды в разгар летних сражений Сталин вызвал Хрущёва в Москву. «Когда я вошёл на командный пункт, — вспоминал Хрущёв, — а он находился тогда на улице Кирова, по-старому — на Мясницкой улице, в станции метрополитена, то я увидел Сталина; он был совершенно деморализован. Сидел серый на кушетке, и, когда я подошёл, он вяло ответил на моё приветствие, пожал мне руку, спросил, какое положение. Я ему сказал, что положение тяжёлое, потому что мы отступаем. Он мне опять пробурчал: „Вот говорили, что есть русская смекалка, где же эта смекалка?“ Ну меня это просто возмутило: как может Сталин говорить о русской смекалке, то есть посылать упрёк за неудачу, которая случилась, на русских людей, в том числе и на украинцев и белорусов, потому что первый удар был организован против этих республик. Как он мог бросить такой упрёк, когда в этом поражении, которое терпели наши войска, виноват был Сталин; он был виноват в том, что уничтожил кадры и не использовал всех материальных возможностей, которые были созданы трудом и потом советских людей… »[27]

Хрущёв здесь приписывает себе такие мысли, которые появились у него значительно позднее.

К осени, когда общее продвижение немецкой армии задержалось, Сталин оправился от первоначальной растерянности, но все ещё не отдавал себе отчёта в сложившейся ситуации и не проявлял должной гибкости. Вот как описывает ситуацию на юго-западе Г. Жуков: «… Я продолжал:

— Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр. — А как же Киев? — спросил Сталин.

— Киев придётся оставить, — ответил я. — На западном направлении нужно немедля организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа. Этот плацдарм противник может использовать для удара на Москву.

— Какие там ещё контрудары, что за чепуха? — вспылил Сталин. — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не мог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт…

— Вы не горячитесь, — сказал Сталин. — А впрочем, если вы так ставите вопрос, мы без вас можем обойтись»[28].

На следующий день Жуков был снят с должности начальника Генерального штаба и отправлен на фронт под Ельню. Он сумел организовать здесь успешный контрудар. Но для Юго-Западного фронта военная некомпетентность Сталина обернулась трагедией. «Немецкие войска замкнули кольцо окружения вокруг значительной группировки советских войск. 21 сентября эти войска оставили Киев, но вырваться из окружения смогли только отдельные группы бойцов и командиров. Погиб почти весь штаб фронта во главе с генералом Кирпоносом.

Н. С. Хрущёв и командующий юго-западным направлением С. М. Будённый находились в эти дни вне кольца окружения. Но в их распоряжении не было достаточно войск, чтобы прикрыть образовавшиеся бреши. Немецкие армии покатились на восток, захватывая Левобережную Украину. О мужестве Хрущёва в эти дни свидетельствует следующий эпизод. Его ставка располагалась в особняке в центре г. Харькова. Но Харьков было решено сдать без боя, отведя войска в район Воронежа и Курска. В это время конструктор И. Т. Старинов разработал мощную мину, которая могла взорваться от радиосигнала с большого расстояния. Первую такую мину заложили на глубине нескольких метров под особняк, где работал Хрущёв. Несколько дней он работал в ставке и покинул её за два-три часа перед вступлением в город передовых немецких частей. У противника в городе действовали разведчики, но они не заметили ничего подозрительного. Как ожидалось, после обычной проверки именно в особняке, где работал Хрущёв, расположился штаб немецкой 68-й дивизии. Через несколько недель, уже из-под Курска, радисты послали в Харьков закодированный радиосигнал, и немецкий штаб взлетел на воздух[29].

Летом и осенью 1941 года Хрущёву было не до речей, да и трудно было бы объяснить народу причины поражений. Ещё 8 июля руководители Украины, включая Хрущёва, подписали Обращение к украинскому народу с призывом к беспощадной борьбе с врагом. В январе 1942 года вместе с другими руководителями республики Хрущёв подписал новое Обращение

к украинскому народу, призывая население республики вести партизанскую войну, не подчиняться немецким приказам, не давать врагу хлеб и мясо. «Мы напрягаем все силы, — говорилось в Обращении, — чтобы освободить вас»[30].

Весной 1942 года Юго-Западный фронт стал планировать крупную наступательную операцию в направлении Харькова. Но Ставка выделила фронту мало войск. Красная Армия прорвала оборону противника и продвинулась вперёд на десятки километров, но развить успех не смогла. Более того, немецкие войска вскоре перешли в контрнаступление и окружили советские дивизии. Хрущёв тяжело переживал поражение и позднее много раз возвращался к событиям той весны. По его словам, он дважды звонил на дачу Сталина с просьбой разрешить отход нашим дивизиям и санкционировать прекращение Харьковской наступательной операции. Оба раза Сталин отказывался брать трубку, разговор вёлся через Маленкова. Верховный Главнокомандующий приказал продолжать наступление. По версии Жукова, Сталин не отменил Харьковской операции только потому, что само командование Юго-Западного фронта преуменьшало опасность ситуации и считало возможным продолжать наступление. Эти телефонные разговоры не фиксировались, и сегодня трудно установить истину. Большая часть военных историков склонна возлагать главную ответственность за неудачу Харьковской операции на Ставку, т. е. на Сталина. Во всяком случае, поражение было тяжёлым, и около 150 тысяч советских воинов попали в плен.

Через несколько дней после поражения Сталин вызвал Хрущёва в Москву. Впервые Хрущёв испытывал страх за свою судьбу и готовился к худшему, даже к аресту. После нескольких недель напряжённого ожидания Хрущёва назначили членом военного совета Сталинградского фронта, командующим которого стал генерал А. И. Ерёменко.

Находясь в действующей армии, Хрущёв уделял много внимания партизанскому движению — оно приобрело на Украине большой размах. В республике действовали сотни крупных и мелких партизанских отрядов, здесь функционировали десятки подпольных обкомов, горкомов и райкомов и даже подпольный ЦК КП(б)У. Но образовались также националистические вооружённые формирования, которым часто покровительствовали оккупанты. Главные базы УПА (украинская повстанческая армия) и УНРА (украинская народно-революционная армия) находились в Западной Украине.

Конечно, Хрущёв не решал под Сталинградом чисто военные вопросы, хотя и участвовал в обсуждении важнейших проблем

фронта. Основной задачей политорганов фронта было поддержание высокого морального и политического уровня, а стало быть, и боевого духа бойцов и командиров. Хрущёв постоянно бывал в войсках, рядом с передовой, в простреливаемой зоне. Опасность всегда оставалась большой. Однажды он находился со своими помощниками в избе, по которой противник открыл артиллерийскую стрельбу. Командир части предложил всем перейти в более безопасное место. Через несколько минут крупный снаряд прямым попаданием разрушил избу. Конечно, любой фронтовой генерал мог бы рассказать немало подобных историй. Иногда Хрущёву, который имел звание генерал-майора, приходилось решать и чисто военные вопросы. В то время, когда все внимание и все силы были прикованы к Сталинграду, на флангах фронта не всё обстояло благополучно. Хрущёв проехал по степи вдоль Волги от Сталинграда до Астрахани. На многих участках не было боеспособных частей, да и Астрахань оказалась не подготовленной к отражению сколько-нибудь серьёзного наступления противника. Своей властью он принял меры к укреплению южного участка Сталинградского фронта.

По свидетельству маршала А. Василевского, Хрущёв был человеком энергичным, смелым, постоянно бывал в войсках, никогда не засиживался в штабах и на командных пунктах, стремился видеть и разговаривать с людьми, и, надо сказать, люди его любили[31].

Хрущёв участвовал в разработке планов контрнаступления Красной Армии под Сталинградом и выступил на большом митинге, посвящённом окончанию Сталинградской битвы.

После расформирования Сталинградского фронта Хрущёв получил назначение на Южный фронт, которым командовал А. Ерёменко, а позднее Р. Малиновский. Этот фронт освободил Ростов-на-Дону. Зимнее наступление 1942/43 года привело к освобождению некоторых районов Украины. Хрущёв был переведён на Юго-Западный фронт, ему присвоили звание генерал-лейтенанта.

Уже на исходе зимнего наступления советские войска освободили Ворошиловград, а затем и Харьков. Хрущёв немедленно посетил эти города. Он был награждён своим первым боевым орденом — Суворова 2-й степени — «за умелое и мужественное руководство боевыми операциями и достигнутые в результате этих операций успехи».

В марте 1943 года его постигло большое личное горе — под Смоленском погиб старший сын Леонид, самолёт которого, сбитый над оккупированной территорией, упал в болотистых

лесах. Направленные в этот район партизаны не нашли самолёта — пробив промёрзший верхний слой, он ушёл глубоко в трясину.

С освобождением части Украины Хрущёв начинает заниматься не только военными делами. Так, он и Корниец подписали постановление о подготовке к уборке урожая на освобождённых территориях и о восстановлении животноводческих ферм. Но Германия ещё надеялась на победу и готовилась к новому наступлению. В знаменитой Курской битве с советской стороны участвовали войска пяти фронтов — Брянского, Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного. Хрущёв был членом военного совета Воронежского фронта. Наша победа на Курской дуге, освобождение Орла и Белгорода открыли путь на Украину. Был организован Первый Украинский фронт, командующим которого стал генерал армии Н. Ф. Ватутин, а членом военного совета — Н. С. Хрущёв.

В конце августа наши войска окончательно освободили Харьков. В сентябре и октябре Москва салютовала в честь освобождения Сталино, Сум, Чернигова, Полтавы, Запорожья, Днепропетровска, Днепродзержинска. Войска с ходу форсировали Днепр и образовали на его правом берегу несколько плацдармов. Наиболее успешно действовали части на Лютежском плацдарме, поэтому сюда перебрасывались ударные силы фронта. 2 ноября войскам объявили приказ, подписанный Ватутиным и Хрущёвым, о наступлении на Киев. Оно развивалось стремительно, и его возглавили лично Хрущёв и Ватутин. 5 ноября первые боевые части ворвались в пригороды Киева, а в ночь на 6 ноября столица Украины была очищена от вражеских войск.

Вокруг имени Хрущёва сложилось немало легенд, сочинённых его приверженцами и недоброжелателями. В одной из них говорилось, что 6 ноября, после торжественного заседания по случаю годовщины Октября, Сталин устроил для приближённых большой ужин, на котором был и Хрущёв. Неожиданно Сталина позвали к телефону. Вернувшись, он сказал: «Киев взяли». И при одобрении гостей приказал: «Пляши, Никита, пляши. Киев же взяли». И Хрущёв, едва не на столе, стал отплясывать гопака. Все это, конечно, чистая выдумка. 6 ноября Хрущёв находился в атакующих частях фронта, вместе с которыми он вошёл в горящий город. Уже через несколько часов в Киев прибыли и другие руководители республики. 8 ноября Хрущёв направил Сталину письмо «О положении в Киеве». В письме говорится об огромных разрушениях, об угоне и убийстве тысяч жителей. «Киев производит впечатление вымершего города»[32].

Закрепившись на правом берегу Днепра и отбив немецкое

контрнаступление, наши войска начали подготовку к новому наступлению. Но Хрущёв уже не пошёл дальше на запад с войсками. 6 февраля 1944 года указом Президиума Верховного Совета УССР он был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров УССР. При этом он остался и первым секретарём ЦК КП(б)У.

Перебравшись из штабов и землянок в просторный кабинет в Киеве, Хрущёв с присущей ему энергией принялся за решение проблем разорённой Украины и, пока шла война, не снимал своей генеральской формы. 10 февраля он встретился с прославленным партизанским командиром дважды Героем Советского Союза С. А. Кочпаком. Украинские партизаны выходили из лесов и подполья. Часть из них пополняла действующую армию, других рекомендовали на руководящую работу в республике. Положение на селе было тяжёлым. Большинство производственных построек было разрушено, крупный рогатый скот почти весь вырезан. Пришлось организовать доставку скота из Средней Азии, из Татарской АССР, Казахстана, Сибири. На посевные работы выходили женщины с мотыгами и лукошками — здоровые мужчины воевали или погибли, миллионы молодых украинцев были угнаны для работы в Германию. Хрущёв ездил по освобождённым областям, составляя перечень недостатков, вырабатывал предложения по их устранению. Этот материал в форме письма областным руководителям публиковался в газетах.

Много внимания и сил требовало восстановление промышленных предприятий, шахт, рудников, электростанций, линий связи, железных и шоссейных дорог. Ещё раньше правительство СССР признало целесообразным сохранить эвакуированные предприятия на новых местах, а на освобождённых территориях строить новые, вернув лишь необходимое число рабочих и инженерно-технических работников. Восстановительные работы шли быстро, несмотря на недостатки жилья и рабочей силы.

В марте 1944 года советские войска возобновили наступление и вышли к старой государственной границе СССР на реке Прут. Были освобождены Николаев, Черновицы, Одесса, Тарнополь. В Киеве состоялась сессия Верховного Совета УССР, заслушавшая доклад об освобождении Украины и задачах восстановления народного хозяйства республики. Показательно, что некоторые депутаты, заканчивая своё выступление, произносили не только традиционную здравицу в честь «великого Сталина», но и в честь «верного соратника Сталина», «человека, с именем которого связаны годы расцвета Украины и освобождения её от немецких захватчиков», т. е. Хрущёва.

17 апреля 1944 года Н. С. Хрущёву исполнилось 50 лет. Все газеты опубликовали приветствия юбиляру от ЦК ВКП(б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР, а также указ о его награждении вторым орденом Ленина. Все предприятия и учреждения Украины прислали ему приветствия, в газетах республики появились воспоминания писателей (М. Рыльского, П. Тычины и др.) об их встречах с ним.

В мае Хрущёв снова отправился в длительную поездку по освобождённой части Украины. Особое внимание приходилось уделять восстановлению Донбасса и Днепрогэса, так как повсюду ощущался недостаток топлива и энергии. В июле, после освобождения Белоруссии, наши войска прорвали фронт на львовском направлении и в короткий срок освободили всю Западную Украину. Как недавно через Москву, через Киев провели под конвоем колонны пленных немецких солдат, офицеров, генералов. Через день после освобождения Львова Хрущёв выступил здесь на большом митинге. Затем он побывал в Бориславе и Дрогобыче. В середине октября после боев в Трансильвании и Закарпатье вся территория Украины была освобождена от оккупации. Это событие отмечала вся страна. На торжественном заседании в Киеве Хрущёв сделал доклад, публиковавшийся в газетах под заголовком «Настал и на нашей улице праздник!».

Но не было ещё мира в некоторых районах Украины. В лесах её западной части сохранилось немало отрядов УПА и УНРА. К ним присоединились недавние полицаи, старосты и все те, кто активно сотрудничал с оккупантами. Лишь руководство бандеровцев, мельниковцев и бульбовцев (от имени Тараса Бульбы — героя легенд XVII века) отступило на Запад. Борьба с националистами оказалась жестокой. Многие сельские жители давали им приют и пищу под угрозой оружия. Чтобы подорвать базу движения, в 1945 — 1946 годах сотни сел и хуторов Западной Украины поголовно выселялись в различные районы Сибири. Десятки тысяч спецпереселенцев с Украины работали, например, на рудниках и предприятиях Читинской области. Что касается активных бандеровцев, мельниковцев и бульбовцев, то часть их была убита в боях, немногие ушли в подполье или на Запад, попавшие в плен приговаривались к расстрелу или к длительным срокам заключения.

В данном случае речь шла о крайних проявлениях воинствующего национализма. Явно с согласия Сталина и Хрущёва было решено использовать в целях сплочения нации патриотические силы республики. Как важные политические кампании отмечались юбилейные даты, связанные с именами Т.

Шевченко и Леси Украинки, а также юбилеи И. Франко, М. Коцюбинского, Г. Сковороды, Н. Лысенко, Панаса Мирного, Марко Вовчок, П. Грабовского и других видных деятелей украинской культуры. Город Переяслав, где было принято решение о воссоединении Украины с Россией, переименовали в Переяслав-Хмельницкий в честь Богдана Хмельницкого. Началась подготовка к изданию Украинской энциклопедии. Как и в Москве, на Украине начала восстанавливаться легализованная православная церковь. Хрущёв пригласил к себе для беседы представителей православных общин и духовенства г. Киева.

Такая же энергичная деятельность по восстановлению хозяйственной и культурной жизни Украины продолжалась и в 1945 году. Но наибольшее внимание Хрущёв уделял всё-таки проведению весеннего сева. Москва требовала значительного увеличения производства продуктов сельского хозяйства.

Весной 1945 — года Хрущёв имел возможность познакомиться с И. Б. Тито, который, возвращаясь из Москвы, провёл два дня в Киеве. Здесь же, в Киеве, застал Хрущёва и День Победы.

В июне 1945 года Хрущёв выезжает в Москву. 24 июня во время Парада Победы он находился на трибуне Мавзолея вместе со Сталиным и его ближайшим окружением. По Красной площади проходили сводные колонны фронтов. Во главе одной из них шёл, блестя четырьмя орденами на груди, генерал-майор Л. И. Брежнев.

18-я армия, начальником политотдела которой в годы войны был Л. И. Брежнев, принимала участие в освобождении Южной Украины, и одним из орденов, которым был награждён молодой генерал-майор, был орден Богдана Хмельницкого. Он был введён по предложению Н. С. Хрущёва. Возможно, Н. С. Хрущёв уже забыл о бывшем секретаре Днепропетровского обкома партии, и Л. И. Брежнев, которому очень нравилась его недавно полученная генеральская форма, ещё более полугода оставался на должности начальника политуправления Прикарпатского военного округа. Но в начале 1946 года численность Советской Армии начала быстро сокращаться. С другой стороны, Н. С. Хрущёв продолжал отзывать из армии бывших партийных и государственных работников. Л. И. Брежневу было предложено вернуться на Украину. По рекомендации ЦК КП(б)У он был избран первым секретарём Запорожского обкома партии. Запорожская область принадлежала к числу сравнительно небольших областей Украины, и после войны во всей области насчитывалось менее одного миллиона человек. Однако это была очень важная для республики промышленная область. Здесь находились такие

крупные центры металлургической промышленности, как заводы «Запорожсталь» и «Днепроспецсталь». В области имелось много машиностроительных заводов различного профиля, а также крупнейшая и наиболее известная в то время Днепровская гидроэлектростанция им. В. И. Ленина мощностью в 650 тысяч киловатт. Восстановительные работы в области начались с первых дней её освобождения, но шли пока ещё медленно. Ускорить работы по восстановлению заводов и Днепрогэса — такую задачу поставил Н. С. Хрущёв перед Л. И. Брежневым. Но об этом подробнее мы будем говорить в следующей главе.

Один из сталинских “вождей”

1. Послевоенные годы на Украине

К своему 50-летию Хрущёв сумел, казалось бы, завоевать доверие Сталина, внимательно следившего за поведением людей, входивших в его окружение. Преимущество Хрущёва состояло в том, что он находился не в Москве, а в Киеве, во главе крупнейшей после РСФСР республики Союза. При этом Украина обладала большой автономностью в решениях. Только на Украине было своё Политбюро. В предисловии к первому тому воспоминаний Хрущёва его западный биограф, писатель и дипломат Эвард Кранкшоу отмечал: «Для Хрущёва спасением являлось то, что он был послан наместником Сталина на Украину. Двенадцать лет он жил вдали от Москвы — вдали от повседневного маневрирования перед Сталиным, вдали от интриг, от угодничества, наушничества, от всего того, что подрывало силы и морально разлагало даже таких одарённых людей, как Маленков. Три года до войны и пять лет после того, как Хрущёв снова вернулся на Украину в качестве первого секретаря украинской компартии, а также Председателя Совета Министров республики, — восемь лет Хрущёв был хозяином над 40-миллионным народом, причём народом упорным, практичным, трудолюбивым, населяющим край, который издавна был житницей Советского Союза и его главной промышленной базой. Там, держась как можно дальше от окружения Сталина, Хрущёв мог быть самим собой, развивать свои способности, формировать свой характер, который иначе мог бы быть сломан»[33].

Конечно, Сталин давал всем почувствовать их зависимость. Его тяжёлую опеку ощущал и Хрущёв. Но в пределах Украины он сам обладал почти неограниченной властью, ибо представлял здесь Сталина. Такое положение могло способствовать развитию грубости, нетерпимости, самодурства, и мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что Хрущёв полностью избег этой опасности. Но в то же время работа на Украине позволяла ему развить самостоятельность, решительность, твёрдость, находчивость и природный ум. Хрущёв уступал в знании теории или общем образовании таким членам Политбюро, как А. Жданов и Н. Вознесенский. Но Никита Сергеевич лучше, чем кто-либо из окружения Сталина, знал о реальных проблемах и жизни простых людей, рабочих, крестьян, служащих. Даже Сталин, желая упрекнуть, а не похвалить Хрущёва, назвал его однажды «народником». Среди большей части населения Украины он был действительно популярен, к нему с уважением относились и

работники среднего звена управления. Привилегии, которыми пользовались эти люди, не избавляли их от необходимости работать с чрезвычайным напряжением и почти без отдыха. С таким же напряжением работал и сам Хрущёв.

Проблем было много. В 1945 году предприятия Украины давали только четвёртую часть довоенной продукции. Хрущёв не любил руководить по телефону. Он, как и прежде, постоянно выезжал в разные области республики. В июле 1945 года он был в Одессе и Николаеве, затем в Полтавской и Харьковской областях. Осенью больше недели провёл в Закарпатской Украине, которая по договору с Чехословакией отошла в состав УССР. Вся украинская нация воссоединилась в одной республике, и это событие отмечалось на Украине как национальный праздник.

Положение дел в республике с осени 1945 года стало заметно улучшаться. Были демобилизованы сотни тысяч солдат старших возрастов и офицеров, не имевших специальной подготовки. Их встречали радостно и торжественно — в родные города и деревни вернулась едва ли десятая часть из тех, кто уходил на фронт, и вся республика была покрыта братскими могилами. Без почестей вернулись домой и оставшиеся в живых военнопленные, проходившие специальные «фильтрационные» лагеря. Многих офицеров после фильтрации приговаривали к различным срокам заключения, часть солдат была ограничена в правах. Возвращались на Украину и миллионы молодых мужчин и женщин, которых немцы насильно угнали на работу в Германию. Некоторые остались в эмиграции. Немало перемещённых лиц было по разным мотивам репрессировано уже в СССР. Но большинство вернулось на Украину, и права этих людей были урезаны не столь значительно, как права военнопленных. В некоторых сёлах республики репатриированные составили до половины населения. Возвращались на

Украину и сотни тысяч рабочих и служащих, эвакуированных в 1941 году в восточные районы страны. Были демобилизованы женщины и девушки, которые призывались в различного рода вспомогательные части. Вернулись домой и солдаты, которые служили в армии ещё с 1938 — 1939 годов. И всё же в 1945 году Украина не выполнила план хлебозаготовок, и в ноябре хлеб и кукуруза стояли неубранными на десятках тысяч гектаров, не хватало ни рабочих рук, ни машин. Посеять было легче, чем убрать.

В 1946 году восстановление промышленных предприятий шло быстро. Иначе сложились дела в сельском хозяйстве. Осенью 1945 года шло мало дождей, озимые слабо развились и были повреждены морозами. Тракторов не хватало, на посевных

работах широко использовались коровы, что резко отразилось на удоях молока. Хрущёв призывал расширять посевы кукурузы и проса, но не хватало ни техники, ни рабочих рук. Однако самый страшный удар нанесла природа. Засуха началась в Молдавии, потом распространилась по юго-западу Украины, а летом охватила и Поволжье. По масштабам она была тяжелей, чем в 1921 году, её можно было бы сравнить с засухой 1891 года. Городскому населению хлеб выдавали по карточкам. Во многих сёлах Украины начался настоящий голод, и Хрущёв настаивал перед Москвой о введении карточек и общественного питания в деревнях, так как ослабевшие крестьяне не имели сил для работы. Украина собрала в 1946 году 200 миллионов пудов зерна, хотя только государству нужно было сдать 400 миллионов пудов. Сталин, однако, отказался предоставить республике необходимую помощь и отправил Хрущёву оскорбительную телеграмму.

Несмотря на тяжёлые условия, сев озимых в 1946 году прошёл лучше, чем в 1945-м. Было принято решение об укреплении партийных организаций в ряде областей. Первым секретарём обкома в Запорожье был избран, по рекомендации ЦК КП(б)У, Л. И. Брежнев.

Много внимания Хрущёв уделял улучшению работы угольных шахт, которые в 1946 году дали 52% довоенной добычи. В Донбассе давали уголь уже 138 основных шахт из 279 работавших здесь до войны.

В 1946 году Хрущёв впервые в своей жизни выехал за пределы СССР. В генеральской форме инкогнито он побывал с группой специалистов в Австрии, Венгрии и Восточной Германии. Решался вопрос о репарациях. Как раз в 1946 году писатель Александр Фадеев после встречи с Хрущёвым сделал такую запись в своём дневнике: «Его обаяние — в цельности народного характера.

Ум его тоже народный — широкий и практический и полный юмора… И хотя он русский, трудно было бы найти другого такого руководителя для Украины»[34].

В начале 1947 года Сталин решил «укрепить» руководство на Украине. 13 марта в Киеве Пленум ЦК КП(б)У постановил: «В целях укрепления партийной и советской работы Пленум принял решение о разделении постов Председателя Совета Народных Комиссаров и первого секретаря ЦК КП(б)У. Пленум избрал первым секретарём ЦК КП(б)У Л. М. Кагановича с оставлением Н. С. Хрущёва Председателем Совета Народных Комиссаров УССР».

Хрущёв должен был не только молча согласиться с этим обидным для него решением, но и публично приветствовать его как «помощь» республике. Однако и для Кагановича новое назначение выглядело как понижение, и он, очевидно, выговорил

себе право вернуться в Москву после того, как «будет наведён порядок на Украине». Каганович не стал проводить существенных изменений в сложившемся на Украине аппарате управления и старался ладить с Хрущёвым.

На Украине ожидался хороший урожай, хотя ещё боялись повторения засухи.

Летом 1947 года Каганович побывал на ряде крупнейших предприятий юга Украины. Между ним и Хрущёвым произошло фактическое разделение труда. Каганович взял на себя руководство промышленностью и культурой, а Хрущёв — сельским хозяйством. В газетах иногда сообщалось, что в том или ином городе Каганович выступил с «яркой речью». Но за весь 1947 год ни одной «яркой речи» Кагановича не было опубликовано.

Урожай 1947 года был действительно обильным. 13 областей выполнили хлебозаготовки до 30 сентября. 10 октября Каганович и Хрущёв доложили о досрочном выполнении плана хлебозаготовок. Легче стало с продуктами и в республике и в Союзе, что позволило к концу года отменить карточную систему на продукты питания.

Вступали в строй восстановленные промышленные предприятия. В 1947 году объём промышленного производства на Украине увеличился на 30 %.

Известно, что ещё в 1946 — 1947 годах по инициативе Сталина и Жданова в нашей стране начали проводиться шумные идеологические кампании по «наведению порядка» в литературе, музыке, философии, истории. Не осталась в стороне от этих кампаний и Украина. Республиканской писательской организацией руководил М. Рыльский, крупный украинский поэт, учёный, общественный деятель. В 1943 году его избрали в Академию наук СССР. Он был также удостоен Сталинской премии. И вот теперь именно Рыльский стал главным объектом идеологической травли, организованной Кагановичем. Рыльский был освобождён от руководства Союзом писателей Украины. Его публично обвинили во «враждебных националистических взглядах», которые он «умело протаскивал под внешней формой патриотизма»[35].

Этот несправедливый выпад вызвал недоумение и возмущение в широких кругах украинской интеллигенции. Кампания против Рыльского и некоторых других писателей не имела продолжения. В декабре 1947 года Кагановича снова назначили одним из заместителей Председателя Совета Министров СССР, и он покинул Украину. Первым секретарём ЦК КП(б)У вновь стал Н. С. Хрущёв. Однако продолжало действовать

решение о разделении высших постов в республике. Как раз в это время наименование «народный комиссар» было заменено на «министр». Председателем Совета Министров УССР стал Д. С. Коротченко.

Через 14 лет после описываемых событий, выступая на XXII съезде КПСС, Н. В. Подгорный, возглавлявший в начале 60-х годов КПУ, говорил: «… нельзя не рассказать о провокационной деятельности на Украине Кагановича, Став в 1947 году секретарём ЦК КП Украины, он окружил себя сворой беспринципных людей и подхалимов, избивал преданные партии кадры, травил и терроризировал руководящих работников республики. Как настоящий садист, Каганович находил удовлетворение в издевательствах над активистами, над интеллигенцией, унижал их человеческое достоинство, грозил арестами и тюрьмой. Не случайно до сих пор многие партийные, советские и творческие работники называют период пребывания Кагановича „чёрными днями“ для Советской Украины… Считая себя непогрешимым, Каганович единолично, в обход ЦК, решал важнейшие вопросы жизни республики, причём очень часто неправильно. Будучи большим мастером интриг и провокаций, не имея буквально никаких оснований, он обвинил в национализме ведущих писателей республики, а также ряд руководящих партийных работников. По указанию Кагановича в печати появились разносные статьи против ряда преданных партии и народу писателей… Товарищ Хрущёв пользовался огромным авторитетом среди коммунистов и всех трудящихся Украины и, опираясь на них, всеми мерами срывал провокации со стороны Кагановича»[36].

Мы не собираемся здесь обелять Кагановича. Но в словах Подгорного имеется немалая доля преувеличения. 1947 год не являлся для Украины «черным годом». Её успехи в том году неоспоримы. Жизнь народа заметно улучшилась в сравнении с 1945 — 1946 годами. Между Кагановичем и Хрущёвым происходили споры, но не было той постоянной борьбы, о которой говорил Подгорный.

В начале 1948 года торжественно отмечалось 30-летие Советской Украины. Тысячи рабочих, колхозников и служащих были награждены орденами и медалями. Получили орден Ленина и Н. С. Хрущёв, Д. С. Коротченко, М. С. Гречуха, Л. М. Каганович.

Политическая обстановка на Украине оставалась, однако, сложной и после отъезда Кагановича. Хрущёв сумел защитить Рыльского от несправедливых нападок. Но было бы наивно думать, что проходившие по всей стране различные погромные кампании обойдут Украину. Так, после печально известной

августовской сессии ВАСХНИЛ на Украине началось избиение «морганистов-менделистов». В постановлении «О состоянии и мерах улучшения музыкального искусства на Украине» шельмовались местные «эпигоны буржуазной музыки». Активно подхватили на Украине и кампанию против «безродных космополитов». Некоторые из деятелей еврейской национальной культуры, уцелевшие от гитлеровского нашествия, были арестованы, все учреждения еврейской культуры ликвидированы. Если Хрущёв и не являлся инициатором такой политики, то он и не протестовал против неё.

Внимание Хрущёва к сельскому хозяйству и умелая работа министра сельского хозяйства УССР В. Мацкевича давали свои результаты. 1948 год оказался ещё более урожайным. Республика сдала хлеба больше, чем в довоенном 1940 году, хотя ни по уровню механизации, ни по числу работников, занятых в сельском хозяйстве, довоенный уровень не был достигнут.

В январе 1949 года в Киеве состоялся XVI съезд КП(б)У. Отчёт о деятельности ЦК за 10 лет делал Н. С. Хрущёв. Он говорил о событиях военных лет и о послевоенном восстановлении экономики республики, о воссоединении всех украинцев, о развитии культуры. Но было очень много такого, о чём докладчик предпочёл умолчать. В состав Политбюро ЦК КП(б)У вошли Н. С. Хрущёв, Д. С. Коротченко, М. С. Гречуха, Л. Р. Корниец, Д. З. Мануильский, А. А. Гречко, Л. Г. Мельников, З. Т. Сердюк, И. С. Сенин. В состав ЦК КП (б) У был избран среди многих других партийных работников и Л. И. Брежнев.

Хрущёв разворачивает кипучую деятельность, стараясь вникнуть во все стороны жизни республики. Его интересует строительство и архитектура, народное образование и промышленность. Но больше всего он занимается сельским хозяйством. Кроме кукурузы и проса он пропагандирует ещё одну культуру — чумизу. Эта высокоурожайная и засухоустойчивая, но крайне теплолюбивая и капризная культура не прижилась, однако, на полях Украины.

По всей стране в 1949 году шла подготовка к празднованию 70-летия И. В. Сталина. Накануне этого события первого секретаря Московского обкома партии Г. М. Попова назначили министром городского строительства. В этой связи по рекомендации ЦК ВКП (б) первым секретарём Московского обкома и горкома партии был избран Н. С. Хрущёв. Руководителем украинской партийной организации стал Л. Г. Мельников[37]. В жизни и деятельности Хрущёва начался новый этап.

2. Снова в Москве

Хрущёв вернулся в Москву не только секретарём обкома и горкома партии, он был также избран секретарём ЦК ВКП (б). Из секретарей обкомов такой статут в прошлом имели лишь С. М. Киров и Л. М. Каганович. Сталин выделял в эти месяцы Хрущёва. На торжественном заседании в Большом театре, посвящённом его 70-летию, по правую руку юбиляра сидел Мао Цзэдун, а по левую руку — Хрущёв.

С первых дней в Москве Хрущёв решал не только хозяйственные, но и политические дела. Как раз в это время в Ленинграде были арестованы тысячи партийных и государственных деятелей, работников науки и культуры, руководство обкома и облисполкома. Кое-кто хотел создать аналогичное «московское дело». Хрущёву было поручено проверить деятельность Г. М. Попова на посту секретаря обкома и горкома, а также на посту председателя Моссовета. Созданная им комиссия нашла в деятельности Попова и его ближайших помощников немало хозяйственных злоупотреблений, но не политических преступлений. Хрущёв доложил об этом Сталину, и московское дело не состоялось. Позднее Хрущёв ставил это себе в заслугу. Он с интересом знакомился с московским метрополитеном, строительство которого не прекращалось в годы войны. Именно Хрущёв открыл движение на участке кольцевой линии от Курского вокзала до Крымской площади. Побывав во многих районах Московской области, Хрущёв поразился бедности крестьян и отсталости производства по сравнению с Украиной. При восстановлении разрушенного войной хозяйства государство вкладывало средства в первую очередь в хозяйство тех областей и районов, где ожидалась более быстрая и значительная отдача. Это — Черноземный Центр, Украина, южные районы. Нечерноземье жило во многих отношениях хуже, хотя наличие здесь мощных промышленных центров позволяло вести рентабельное сельское хозяйство с животноводческим и овощеводческим направлением. Однако система низких закупочных цен отрицательно влияла в первую очередь на животноводство и овощеводство. Хрущёв был удивлён мелкими размерами колхозов области и отсутствием дорог. 26 % колхозов области имели в 1949 году менее 100 гектаров пашни, 40 % колхозов — от 100 до 200 гектаров и 18 % — от 200 до 300 гектаров. Выдача хлеба на трудодень измерялась сотнями граммов.

Хрущёв предложил объединить мелкие колхозы и деревни. Эта работа началась зимой 1950 года. Он внёс в ЦК предложение

превратить прилегающие к Москве области в мясомолочную и картофеле-овощеводческую базу. Инициатива была поддержана. Осенью 1950 года в Московской области насчитывался 1541 колхоз вместо 6069, имевшихся в 1949 году. В среднем на хозяйство приходилось 772 гектара пашни, 165 дворов и 264 работоспособных колхозника. По масштабам Украины это было немного, но существенно для Нечерноземья.

В Политбюро сельским хозяйством занимался тогда Г. Маленков, мало разбиравшийся в проблемах деревни. Хрущёв также был членом Политбюро и секретарём ЦК, и это давало ему определённую независимость в решении проблем области. К тому же он дружил с Маленковым и вскоре после переезда в Москву побывал вместе с семьёй в гостях у Маленкова. Семейные встречи, однако, быстро прекратились, ибо Сталин крайне подозрительно относился к общению членов Политбюро, выходящему за пределы служебных обязанностей.

Несмотря на плохие погодные условия, Московская область получила в 1950 году неплохой урожай зерновых и картофеля и досрочно выполнила план заготовок. Её пример был поддержан в других областях Нечерноземья и закреплён специальным Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР об укрупнении мелких хозяйств. Надо отметить, однако, что кроме полезной работы по укрупнению хозяйств, подбору опытных кадров, мелиорации Хрущёв стал предпринимать в области немало таких инициатив, которые заранее были обречены на неудачу. Так, например, он начал кампанию по внедрению на поля Московской области кукурузы и чумизы, а также сахарной свёклы. В газете «Московский большевик» проводилась агитация за создание под Москвой плантаций для выращивания южно-волжских арбузов, среднеазиатских дынь, земляной груши, тыквы, даже винограда. Хрущёв предложил проводить «подзимний» сев сахарной свёклы и подсолнечника, их семена высевали в ноябре на покрытых снегом полях. Хорошо, что все эти опыты проводились селекционерами на небольших делянках.

Заслуживает внимания вопрос об агрогородах. Мысль о них возникла у Хрущёва ещё на Украине, когда четыре крупных колхоза Черкасской области решили объединиться в один ещё более крупный колхоз. Проект новой центральной усадьбы поручалось разработать Академии архитектуры УССР. Ничего предосудительного в этом проекте не было, так как речь шла о сравнительно богатых колхозах, которые нуждались только в кредите и части строительных материалов. Позднее ещё в некоторых областях Украины колхозы решили создать такие агрогорода, которые больше походили на станицы Дона и Кубани.

Но то, что для Украины делалось пока лишь как исключение, не подходило для Нечерноземья, где не было ни средств, ни потребности для создания таких агрогородков и колхозов-гигантов. Между тем под давлением Хрущёва в Гремяченском районе области началась подготовка к созданию агрогорода. В одном из мартовских номеров «Правды» в 1951 году появилась статья Хрущёва о назревших проблемах сельского и колхозного строительства, где наряду с дельными предложениями содержалось и предложение о развёртывании строительства агрогородов. Г. Маленков нашёл идею Хрущёва преждевременной, но, главное, статья не понравилась Сталину. На следующий день в короткой заметке «От редакции» можно было прочесть: «По недосмотру редакции при печатании во вчерашнем номере газеты „Правда“ статьи тов. Н. С. Хрущёва „О строительстве и благоустройстве в колхозах“ выпало примечание редакции, что статья Н. С. Хрущёва печатается в дискуссионном порядке. Настоящим сообщением эта ошибка исправляется».

В закрытом циркуляре ЦК статья Хрущёва была объявлена ошибочной. Ему ничего не оставалось, как признать ошибку. Только много позднее он добился отмены обвинений, но к идее агрогородов он уже никогда не возвращался.

Положение Хрущёва, однако, не было поколеблено. Он продолжал энергично заниматься делами столицы и области. Именно в 1950 — 1951 годах в Москве началось сравнительно широкое жилищное строительство. Жилищный кризис в Москве был необычайно острым. Большинство москвичей жило в переполненных коммунальных квартирах, причём в одной комнате нередко селились по две семьи. Десятки тысяч семей жили во временных деревянных бараках. Теперь положение начало меняться. Уже на 1951 год планировалось ввести в оборот 700 — 800 тысяч квадратных метров. Был принят принцип массовой застройки, проводившейся на пустырях юго-запада и в районе нынешних Песчаных улиц.

Углубился, однако, кризис в сельском хозяйстве, которое подрывалось низкими закупочными ценами, огромными налогами на общественное и личное хозяйство, лишавшими деревню всяких стимулов к развитию производства. В 1952 году Московская область не смогла выполнить планов по государственным заготовкам.

Главное внимание партии в конце лета 1952 года переключилось на подготовку XIX съезда партии. Сталин не мог из-за болезни подготовить отчётный доклад, его было поручено сделать Маленкову. Хрущёву поручался доклад об изменениях в Уставе партии. Одно из этих изменений состояло в том, что в

названии партии исчезало понятие «большевиков». Теперь она должна называться — Коммунистическая партия Советского Союза.

XIX съезд партии открылся 5 октября 1952 года.

Через много лет после смерти Сталина, будучи на пенсии, Хрущёв вспоминал события съезда: «Когда Сталин определил повестку дня, он сказал, что, мол, Отчётный доклад давайте поручим Маленкову.

«Об Уставе, — сказал Сталин, — Хрущёву давайте поручим сделать доклад, а доклад о пятилетке — председателю Госплана Сабурову».

Так, собственно, и была принята повестка дня съезда. Как Сталин сказал, так и записали — никаких замечаний не было сделано.

Признаюсь, когда мне поручили готовить доклад по Уставу партии, я очень дрожал. Это была для меня большая честь, но она не радовала, потому что я знал, как трудно подготовить доклад по такому вопросу и трудно его провести через утверждение. Я знал, что здесь все набросятся на мой доклад, особенно Берия, а он и Маленкова потянет за собой. Так оно и было.

Стали готовить доклады. Были подготовлены Отчётный доклад и по Уставу. Их утвердили.

Были сделаны доклады. Потом началось обсуждение. Прения были короткие. Да, собственно, и не было условий-то по-настоящему разворачивать прения, обсуждение этих вопросов.

Съезд шёл к концу. Обсудили доклад о пятилетке. Это была самая плохая из всех пятилеток, которые когда-либо принимались, очень неквалифицированно она была подготовлена и доложена съезду.

Мы подошли к концу съезда. Надо было проводить выборы руководящих органов. Вся подготовительная работа была проведена аппаратом ЦК. Так всегда делалось. Все люди ещё до начала съезда были подобраны аппаратом. Так же подбирались и делегаты съезда…

Выбрали ЦК. Закончился съезд. Спели «Интернационал». Сталин в конце выступил. Буквально пять или семь минут он речь держал. Тогда все восхищались, все радовались, как гениально сказано, и прочее.

Когда Сталин закончил свою речь, сошёл с трибуны и съезд был закрыт, мы пошли в комнату Президиума ЦК.

Сталин сказал: «Во, смотри-ка. Я ещё смог».

Смог! Мы тогда посмотрели, что он смог. 5 — 7 минут смог он продержаться на трибуне и считал это своей победой. Из этого мы тогда сделали вывод, насколько он физически слаб — для

него было невероятной трудностью произнести речь на 5 — 7 минут, а он считал, что он ещё силён и ещё может работать…

Потом мы были очень поражены следующим фактом. Это тоже довольно показательно. Формировались руководящие органы — Президиум Центрального Комитета и партийной контрольной комиссии. Это самый ответственный момент: из выбранных членов ЦК надо создать руководящие органы. Смотрим, созывается Пленум, а никакого разговора с нами Сталин не поднимал.

Какой будет состав Президиума? Ни числа, ни персонального состава — ничего не известно…

Сталин, сам открыв Пленум, тут же внёс предложение о составе Президиума ЦК. Он вытащил какие-то бумажки из кармана и зачитал их. Он предложил состав в количестве 21 человека (по новому Уставу Президиум ЦК играл роль Политбюро. Число членов нового Президиума Хрущёв по памяти назвал не совсем точно: было избрано 25 членов и 11 кандидатов. — *Р. М.)*.

Когда Сталин предложил Президиум ЦК… он сказал, что так как будет громоздкий Президиум, то надо избрать из состава Президиума Бюро Президиума. Это было совсем не уставное предложение. Мы только что Устав приняли, и тут же Устав этот ломается. Он сказал, что будет оперативное бюро, которое станет собираться чаще и будет принимать решения по всем текущим оперативным вопросам. Кажется, он предложил бюро в составе 9 человек…

Бюро, по-моему, такое было: Сталин, Маленков, Берия, Хрущёв, Ворошилов, Каганович, Сабуров, Первухин, Булганин. Вот — 9 человек.

Началась работа. Работа, конечно, продолжалась так же, как и до этого шла. Здесь уже из 9 человек Сталин по своему выбору и своему благоволению избрал пятерых. Об этом нигде не говорилось открыто, а это избрание мы определяли сами. Он приглашал к себе только тех, кого он считал нужным созвать. Считалось большой честью быть приглашённым к Сталину и считалось дурным предзнаменованием, когда кто-то из тех, которых он раньше приглашал, не приглашался.

В пятёрку входили: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущёв. Реже он Кагановича и Ворошилова приглашал, а совершенно не приглашал Молотова и Микояна»[38].

По некоторым признакам чувствовалось, что Сталин готовит новую чистку в верхах партии, жертвой которой могли стать Молотов, Микоян, Ворошилов. Угроза нависла даже над Берия. Обстановка в стране обострилась после ареста в начале 1953 года

группы кремлёвских врачей, обвинённых в шпионаже и убийстве видных деятелей партии. Был арестован В. Абакумов и другие работники ГБ. Между тем Сталин находился в хорошем настроении и никому не раскрывал своих планов. Почти ежедневно устраивал на своей даче коллективные ужины или обеды. Один из таких ужинов он устроил 28 февраля 1953 года. Хрущёв описывает этот вечер следующим образом: «Как-то в субботу от Сталина позвонили, что он приедет в Кремль и чтобы мы пришли. Тогда не заседало Бюро, а он пригласил персонально меня, Маленкова, Берия, Булганина и больше никого. Приехали, он сказал:

— Давайте кино посмотрим.

Посмотрели кино какое-то, потом Сталин говорит:

— Поедем покушаем на ближнюю дачу.

Это значит, к Сталину поедем. Поехали к Сталину, поужинали. Ужин затянулся. Сталин это называл обедом. Мы кончили этот обед, наверное, в пять или шесть часов утра. Это обычное время, когда кончались такие обеды. Сталин был навеселе после обеда… и физически ничего не свидетельствовало, что может быть какая-то неожиданность. Распрощались мы с товарищем Сталиным и разъехались. Я помню, что, когда мы вышли в вестибюль, Сталин, как обычно, вышел проводить нас. Он много шутил и был в хорошем расположении духа. Он замахнулся вроде кулаком, толкнул меня в живот, назвал Микитой. Когда он был в хорошем расположении духа, он всегда называл меня по-украински — Микита. Ну мы уехали тоже в хорошем настроении, потому что тоже ничего за обедом не случилось, не всегда обеды кончались в таком хорошем тоне»[39].

На следующий день Хрущёв ожидал, что Сталин снова позовёт их вечером ужинать. Но на даче Сталина царила растерянность и тревога. В своих личных покоях он никогда не принимал гостей, жил в полном одиночестве за бронированными дверями. В спальню Сталина могла входить лишь одна пожилая уборщица. Охраной и обслугой он управлял при помощи сигналов, нажимая на кнопки пульта. Одна из кнопок давала сигнал: «приготовить чай». Другая — «принести чай». Третий сигнал приказывал: «убрать посуду». Чай подавался через автоматически выдвигаемые полки в двери. 1 марта обслуга получила привычный сигнал «приготовить чай». Но сигнала «подать чай» долго не поступало. Работавшие на даче чекисты попросили подавальщицу заглянуть к Сталину. Она увидела, что он лежит на полу столовой. Охрана положила его на кушетку в малой столовой. Он дышал, но не просыпался. В Кунцево вызвали

Маленкова, Берия, Булганина и Хрущёва. Только после их приезда дали знать врачам, которые констатировали кровоизлияние в мозг, паралич правой стороны тела и потерю речи. Состояние Сталина было тяжёлым и практически безнадёжным.

ТРИ ТРИУМВИРАТА 1953-1955

Смерть Сталина произошла не только в присутствии врачей, но и дежуривших возле больного членов Президиума ЦК: Маленкова, Берия и Хрущёва (Булганин днём 5 марта отдыхал). Хрущёв испытывал в эти часы сложные чувства. Он жалел Сталина, и на глазах Никиты Сергеевича временами появлялись слезы. Но ещё больше владели им чувства тревоги за судьбу страны.

Между многими высшими руководителями страны существовали антагонистические отношения, и Сталин всячески их раздувал. Хрущёв особенно боялся, что власть окажется в руках Берия. Ещё за день до смерти Сталина он говорил об этом с Булганиным. Они быстро нашли общий язык. К моменту смерти Сталина Берия не контролировал МГБ, так как его ставленника Абакумова заменил С. Д. Игнатьев. Цель Хрущёва и Булганина состояла в том, чтобы не допустить Берия снова взять под свой контроль органы государственной безопасности. Необходимо было получить и согласие Маленкова, но, как оказалось, Берия и Маленков ещё раньше договорились о разделе власти. После смерти Сталина Берия поехал на Лубянку, чтобы немедленно взять под свой контроль МГБ. Маленков отказался разговаривать с Хрущёвым по вопросам власти, ответив: «Соберутся все, тогда и поговорим».

В Кремле собрались все прежние члены Политбюро, верхушка Совета Министров и несколько членов Президиума Верховного Совета — всего около 20 человек. Совещание прошло без споров, так как все понимали неуместность борьбы за власть, пока Сталин не был ещё похоронен. Принятые решения, опубликованные на следующий день, носили характер компромисса.

Было решено сократить численность высших органов власти. Не собирая ни Пленума ЦК, ни избранного на XIX съезде Президиума ЦК, участники совещания решили упразднить созданный после съезда партии расширенный Президиум ЦК. В новый состав Президиума вошли: Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущёв, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров и Первухин. Родственные министерства были объединены. Председателем Совета Министров СССР по предложению Берия стал Г. Маленков. МВД и МГБ объединялись в одно министерство, главой которого Маленков предложил избрать Л. Берия. Хрущёв счёл за лучшее промолчать. Он предложил, однако, назначить Н. Булганина министром Вооружённых Сил СССР, а также вернуть в

Москву Г. Жукова, назначив его заместителем Булганина. Эти назначения имели большое значение в дальнейшем развитии событий. Министром иностранных дел вновь стал В. Молотов. Булганин, Молотов, Каганович, Микоян, Берия были назначены заместителями Маленкова, составив Президиум Совета Министров СССР. Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал К. Ворошилов, а Шверник перемещался на должность Председателя ВЦСПС.

Что касается Хрущёва, то было признано необходимым, чтобы он сосредоточился на работе секретаря ЦК КПСС. В этой связи его освободили от обязанностей секретаря Московского обкома и горкома партии. Фактически Хрущёв должен был возглавить Секретариат ЦК, весь рабочий аппарат ЦК КПСС, хотя должность первого секретаря формально не вводилась. Хрущёв был единственным членом Секретариата, который входил в Президиум ЦК КПСС. Другие назначенные в этот день секретари ЦК: С. Д. Игнатьев, П. Н. Поспелов и Н. Н. Шаталин были сравнительно малоизвестными партийными работниками.

Хрущёв возглавил также комиссию по организации похорон Сталина[40].

Эти опубликованные 6 марта решения рассматриваются как образование первого триумвирата. При определении его состава обычно называли имена Маленкова, Берия и Молотова, которые выступали на траурном митинге при похоронах Сталина. Эти же имена упоминались первыми, при перечислении состава Президиума ЦК. Однако на деле, не по формальным признакам, а по реальной власти, в первый триумвират входили Маленков, Берия и Хрущёв. Молотов, при всей своей известности, не располагал никаким реальным аппаратом власти внутри СССР, управляя лишь Министерством иностранных дел и посольствами СССР за границей.

Не имел реальной власти и К. Е. Ворошилов, занимавший пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Между тем Хрущёв направлял работу разветвлённого и все ещё могущественного аппарата партии — отделов ЦК КПСС и обкомов. Важно было и то, что Хрущёв пользовался тогда полной поддержкой Н. Булганина и Г. Жукова, ибо армия в условиях неустойчивого политического положения могла стать решающим фактором.

Наиболее влиятельным постом в стране в 1953 году был пост Председателя Совета Министров СССР, который в 1940 — 1953 годы занимал Сталин[41]. Должность Генерального секретаря ЦК КПСС была в то время упразднена. Конечно, Сталин оставался главой не только правительства, но и партии. Но его пост

секретаря ЦК КПСС упоминался редко. Это свидетельствовало об ослаблении влияния высшего партийного аппарата. В этих условиях Хрущёв ясно видел свою задачу — вернуть партии и ЦК КПСС ведущую роль в системе органов власти. Первым шагом в решении этой задачи могло стать устранение любым способом Л. П. Берия. Задача была в то время не только сложной, но и опасной, ибо Берия стоял во главе мощной военно-полицейской организации, имевшей свои отделения и своих осведомителей во всех учреждениях страны. Ему подчинялась охрана Кремля, всех высших органов власти и всех членов Президиума ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Министру внутренних дел подчинялись пограничные войска и не менее десяти дивизий МВД. Похороны Сталина дали хороший повод перебросить дивизии поближе к столице, а некоторые из них расквартировать прямо в Москве.

Берия стремился к власти, но не мог захватить её немедленно. Ему необходимо было произвести сначала важные перемещения в аппарате МВД, освободив из заключения Абакумова и убрав из МВД таких людей, как М. Рюмин, который сфабриковал направленное против самого Берия «дело врачей». Маленков и Хрущёв также требовали пересмотра «дела врачей». М. Рюмина арестовали, и 4 апреля 1953 года газеты сообщили, что арест большой группы выдающихся врачей был произведён бывшим МГБ неправильно и без каких-либо законных оснований, причём для получения «нужных» признаний органы МГБ «применяли недопустимые и строжайше запрещённые законом СССР приёмы следствия». Сообщалось также, что все врачи освобождены и реабилитированы, а лица, виновные в их аресте, привлечены к ответственности. В передовых статьях «Правды» говорилось также о реабилитации «выдающегося советского артиста Михоэлса» и о попытках «провокаторов из бывшего МГБ разжечь национальную рознь и подорвать спаянное интернационализмом единство советского народа». Антиеврейская кампания была прекращена.

В первые недели после смерти Сталина была проведена большая амнистия заключённых по разным уголовным статьям. По распоряжению Берия освободили многих опасных преступников, что вызвало значительный рост преступности в стране, но позволило сохранить напряжённость в Москве и других городах и расширить полномочия МВД. В это же время были проведены и первые реабилитации. Вернулись домой жена Молотова — П. Жемчужина, ещё в начале марта вернулся в Москву режиссёр и драматург А. Каплер. По требованию Г. Жукова были освобождены арестованные уже после войны маршалы авиации А. А. Новиков, С. А. Худяков, Г. А. Ворожейкин,

адмиралы В. А. Алфузов и Г. А. Степанов. Были реабилитированы умершие в заключении адмирал Л. М. Галлер и генерал-полковник В. Н. Гордов.

Для увеличения своей популярности новое руководство провело с 1 апреля 1953 года новое и самое крупное в послевоенный период снижение цен на многие продукты питания и почти на все потребительские товары.

У Хрущёва не было никаких сомнений в том, что Л. Берия готовит заговор с целью захвата власти в стране и что в этой подготовке участвуют не только заместители Берия, но и некоторые из высших офицеров воинских подразделений МВД. Но и Берия внимательно следил за поведением всех членов Президиума ЦК. Характерный эпизод: когда в середине мая 1953 года в Берлине начались массовые беспорядки среди рабочих, именно Берия направили в Берлин, чтобы на месте разобраться в причинах беспорядков и «навести порядок». В Москве в неурочное время собрался Президиум ЦК. Берия позвонил в Москву перед заседанием, о котором ему сообщили друзья. Его заверили, что речь идёт об обычном заседании, на котором его присутствие необязательно, и что его миссия в Берлине гораздо важнее. Но Берия срочно прилетел в Москву.

Хрущёв действовал осторожно, соблюдая конспирацию. Булганина он склонил на свою сторону ещё в марте. Нетрудно было заручиться поддержкой Жукова. Но невозможно было осуществить смещение и арест Берия без поддержки Маленкова, который считался другом Берия. Хрущёв, однако, рискнул переговорить с Маленковым без свидетелей во время прогулки в подмосковном лесу и склонить его на свою сторону. Маленков, который стоял тогда во главе правительства СССР и председательствовал на заседаниях Президиума ЦК КПСС, уже имел возможность убедиться, что Берия мало считается с его мнением, стремясь восстановить прежнее положение органов МВД, стоявших ещё недавно над партийным и правительственным аппаратом. С Маленковым Хрущёв обговорил и все технические детали ареста Берия, который они решили провести на ближайшем заседании Президиума ЦК или Президиума Совета Министров. Лишь перед самым заседанием Маленков обсудил вопрос об аресте Берия с Ворошиловым и заручился полным его согласием. Хрущёв взял на себя разговор с Микояном, пригласив его на свою дачу перед тем как ехать в Кремль. Микоян занял, однако, особую позицию, пустившись в рассуждения о том, что Берия не безнадёжный человек и с ним можно якобы работать в условиях коллективного руководства. Это вызвало тревогу, но отступать уже было поздно.

Перед заседанием, которое произошло 26 июня 1953 года, Хрущёв обменялся новостями с Маленковым в кабинете последнего. Были приглашены на заседание все члены Президиума ЦК КПСС. Хрущёв пришёл в комнату заседаний с пистолетом в кармане. Берия пришёл с портфелем, который положил на подоконник. В смежной комнате находилась группа военных во главе с Жуковым, у которых имелось письменное предписание Президиума Верховного Совета СССР об аресте Берия. Они должны были начать свою операцию по звонку, тайно проведённому от стола Маленкова в комнату для военных.

После начала заседания Маленков предложил обсудить партийные вопросы и предоставил слово Хрущёву. Тот произнёс длинную речь, направленную против Берия, ссылаясь на выступления Григория Каминского в 1938 году, вскоре погибшего, который называл Берия агентом английской и муссаватистской разведки. Хрущёв обвинил Берия в том, что после смерти Сталина тот произвёл без ведома ЦК КПСС крупные перемещения в МВД, выдвигал везде на ответственные посты грузин, поощряя таким образом национальную рознь. Он заявил, что Берия не коммунист, а карьерист, которому не место в партии. Хрущёва поддержали в своих выступлениях Молотов, Булганин и другие. Лишь Микоян воздержался, повторив свои оговорки. Хрущёв предложил немедленно освободить Берия от всех занимаемых им постов. Члены Президиума ещё не успели проголосовать, как Маленков нажал на секретную кнопку. В зал заседаний вошли десять вооружённых военных во главе с Жуковым. По распоряжению Маленкова Берия арестовали и поместили в комнате близ кабинета Маленкова. Опасались, что охрана Кремля или работники МВД предпримут попытку освободить Берия. По приказу Жукова в Москву ввели Кантемировскую и Таманскую танковые дивизии, танки которых расположились в центре Москвы без чехлов на орудиях (дивизии МВД имели только лёгкое стрелковое оружие).

Группу военных, производивших арест Берия, провёл в Кремль Булганин. Военным не пришлось поэтому сдавать в комендатуре Кремля своё оружие. В машине одного из маршалов и под охраной военных Берия был вывезен из Кремля. Тюрьмой для него стало одно из бомбоубежищ при штабе командующего войсками Московского района ПВО генерала К. Москаленко, назначенного вскоре командующим войсками МВО вместо генерала П. А. Артемьева. Комната, где содержался Берия, охранялась днём и ночью не только снаружи, но и изнутри.

Позднее Н. С. Хрущёв много рассказывал об аресте Берия и считал организацию крайне смелой и рискованной акции едва ли

не самым важным из своих дел. В его воспоминаниях некоторые детали излагались в разное время по-разному. В последние два года в нашей печати появилось немало новых и очень подробных описаний этого события. Можно сослаться на документальный очерк капитана С. Быстрова, опубликованный в газете «Красная звезда» от 18, 19 и 20 марта 1988 года, или на очерк А. Антонова-Овсеенко, напечатанный в различных газетах и журналах. В письмах, которые я получаю в последние месяцы, содержатся подробности участия в событиях конца июня 1953 года не только Таманской и Кантемировской дивизий, но и других воинских частей, в частности частей ПВО Московского военного округа. Все они разнятся в отдельных, но, по нашему мнению, несущественных деталях.

Бытует легенда о том, что сразу же после ареста Берия был расстрелян группой военных. Эта легенда не соответствует действительности. Все были согласны с тем, что по делу Берия надо провести следствие и суд. Мало кто из членов Президиума ЦК доверял, однако, аппарату Прокуратуры и Верховного суда, которые формировались не без участия самого Берия. Хрущёв предложил назначить Генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко, который 10 лет возглавлял Прокуратуру УССР и которого Хрущёв хорошо знал. В 1945 — 1946 годах именно Руденко выступал в качестве Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе по делу главных фашистских преступников. Он имел репутацию независимого и честного юриста, ему и поручили провести расследование преступлений Берия.

Когда Хрущёв, Маленков и другие покинули Кремль, задуманная ими операция по ликвидации власти Берия ещё продолжалась. Срочно вызванный в Москву батальон морских пограничников принял на себя охрану Кремля. Новая охрана появилась и у всех членов Президиума ЦК КПСС. Были окружены и блокированы главные здания МВД. Под руководством И. Серова, одного из заместителей министра внутренних дел, проводились аресты ближайших сподвижников Берия. Были арестованы Абакумов, Кабулов, Меркулов, Деканозов, Мамулов, Судоплатов, Н. Эйтинген — организатор убийства Л. Троцкого, начальник секретариата Берия Людвигов, доверенный референт П. Шария и другие. Почти никто не оказывал сопротивления. Это была крупная политическая и военная операция, проведённая столь эффективно, что жители Москвы ничего не заметили. Аресты продолжались и на следующий день, приближённых Берия «изымали» на их дачах, квартирах, даже в больницах. По приказу из Москвы были арестованы многие начальники

управлений НКВД в республиках, областях, крупных городах. К моменту, когда в Кремле собрался Пленум ЦК КПСС, формально утвердивший исключение Берия из ЦК и из партии, МВД уже перестало быть прежней всесильной организацией. Главная заслуга в проведении этой опасной и трудной операции принадлежала Хрущёву, а также Булганину, Жукову и Серову.

Новым министром внутренних дел стал С. Н. Круглое, который ранее занимал этот пост, но во времена, когда МВД и МГБ существовали раздельно. Хрущёв не вполне доверял Круглову, и его деятельность была сразу же поставлена под жёсткий контроль партийных органов, правительства и Прокуратуры СССР, Оставались на своих постах многие крупные чины МВД, непосредственно не связанные с Берия. Надо иметь в виду, что ещё функционировала громадная система органов МВД с её раскинутой по всей стране сетью, с её тысячами лагерей и миллионами заключённых. Никто пока не решался основательно потрясти эту громадную организацию.

Арест Берия означал конец первого триумвирата. Власть в стране перешла в руки второго триумвирата в составе Маленкова, Хрущёва и Булганина. При этом ликвидация всесильной верхушки карательных органов означала возвращение власти в стране в руки ЦК КПСС и партийных органов на местах. Как глава Совета Министров СССР Маленков конечно же пользовался большим влиянием. Но он должен был отчитываться перед Президиумом ЦК КПСС. К тому же в своих показаниях Берия старался очернить Маленкова, который до той поры считался его другом. Всё это создавало у Маленкова комплекс неуверенности. Поэтому главным и наиболее энергичным деятелем второго триумвирата становился не Маленков, а Хрущёв.

После разгрома клики Берия внимание нового руководства обратилось к экономическим проблемам. Особенно тяжёлое положение наблюдалось в сельском хозяйстве. Заявление о том, что зерновая проблема в СССР уже решена, оказалось блефом, напротив, в стране ощущалась острая нехватка зерна. В плачевном состоянии находилось животноводство. Все острее становился жилищный кризис и дефицит в снабжении населения товарами массового спроса. Особенно тяжёлым становилось положение в провинции.

Первые реформы в экономике были одобрены Президиумом ЦК КПСС и объявлены Г. Маленковым на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года. Инициатива этих реформ исходила от Хрущёва, который лучше других членов Президиума ЦК знал реальное положение дел в деревне. Речь шла пока об очень скромных реформах, но и они имели заметный

положительный отклик. Было объявлено, во-первых, об увеличении капитальных вложений в сельское хозяйство, о повышении закупочных цен на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, а также на сдаваемое сверх плана зерно. Главное впечатление в деревне произвело заявление Маленкова о необходимости исправить ошибочное и вредное отношение к личному хозяйству колхозников и рабочих совхозов. Маленков сообщил, что Правительство СССР решило аннулировать всю задолженность с личных хозяйств, накопившуюся у крестьян за несколько лет. Одновременно снижались нормы обязательных натуральных поставок с личного хозяйства и уменьшался в два раза налог за использование крестьянами земельных наделов. Эти скромные реформы надолго обеспечили Маленкову популярность в деревне.

Важным нововведением было принятое по предложению Хрущёва Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о режиме дня в советских учреждениях. Известно, что Сталин работал по ночам и спал с 5 часов утра до 12-ти дня. Он часто звонил среди ночи министрам и секретарям обкомов, и горе было тому, кто в это время спокойно спал в своей кровати. Все высшие государственные чиновники работали поэтому по ночам, заседания коллегий министерств назначались нередко на час ночи. До позднего часа задерживались в обкомах и министерствах и другие ответственные сотрудники. С 1 сентября 1953 года этот режим работы отменялся. Для всех учреждений союзного и республиканского значения устанавливался рабочий день с 9 часов утра до 6 часов вечера с перерывом на обед. Осенью 1953 года в конце рабочего дня один из руководителей министерства обходил и закрывал все кабинеты, а затем запирал и главный вход в своё учреждение. В первой половине сентября 1953 года состоялся Пленум ЦК КПСС. В извещении о Пленуме говорилось: «Пленум заслушал и обсудил доклад Н. С. Хрущёва о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства. Пленум избрал Первым секретарём ЦК КПСС тов. Хрущёва Н. С.»[42]

Избрание Хрущёва Первым секретарём ЦК КПСС закрепляло его ведущее положение в руководстве страной и партией. В своём докладе на Пленуме Хрущёв отметил, что главным тормозом в развитии сельского хозяйства было нарушение «ленинского принципа» материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда. Докладчик подверг обстоятельному разбору положение дел в сельском хозяйстве, не только указывая на недостатки, но и предлагая различные меры по устранению этих недостатков. Нет нужды перечислять здесь все предложения Хрущёва. Он осудил практику произвольного увеличения

заготовок для передовых колхозов сверх установленной для данной зоны норм, так как нельзя за счёт хороших хозяйств покрывать плохую работу отстающих. Любые сверхплановые поставки могут проводиться теперь только по повышенным ценам. Хрущёв предложил ещё выше поднять заготовительные цены на картофель и овощи, о чём только что говорилось на сессии Верховного Совета. Подвергнув острой критике работу МТС, Хрущёв предложил провести решительное перераспределение специалистов сельского хозяйства, большинство которых работало не в колхозах, совхозах и МТС, а в различных руководящих учреждениях.

Хрущёв привёл данные, из которых следовало, что поголовье скота и производство мяса в СССР в 1952 году было ниже, чем в России в 1916 году или в до колхозном 1928-м. Заготовки мяса в 1952 году составляли только 3 миллиона тонн. Докладчик предлагал принять меры к существенному увеличению поголовья скота в стране. Важным новшеством было предложение о введении натуральных и денежных авансов для колхозников, расчёт с которыми производился в прошлом только один раз в год — поздно осенью. Колхозам разрешалось производить ежеквартальные выплаты колхозникам в размере 25 % от предполагаемой оплаты их трудодня. Все хозяйства, не имевшие скота, освобождались от мясопоставок (при Сталине взималось и с них), а хозяйства, которые обзавелись скотом после июня 1953 года, освобождались от поставок до 1955 года. С целью интенсификации сельского хозяйства Хрущёв предложил оценивать работу колхозов и совхозов по выходу продукции на 100 гектаров пашни.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС был дополнен вскоре другими решениями, имевшими для развития сельского хозяйства большое значение. Заготовительные цены на скот и птицу повышались более чем в пять раз, на молоко и масло — вдвое, на картофель — в два с половиной раза, на овощи — на 25 — 40 %. Вскоре после Пленума было принято очень смелое по тем временам постановление об изменении практики планирования сельского хозяйства, расширившее самостоятельность колхозов и совхозов. Это — важное решение, но оно ещё не давало быстрого экономического эффекта. В 1953 году производство сельскохозяйственной продукции возросло всего на 2, 5 %. В 1954 году этот рост составил 4 %. Особенно угрожающим был дефицит зерна. Повышение урожайности зерновых культур требовало времени, а для закупок зерна за границей не было средств. Выход из тупика Хрущёв видел в проведении двух мероприятий: освоении целинных земель и значительном расширении посевов

кукурузы. Но об этом речь пойдёт ниже.

Определились и важные политические изменения. Уже летом 1953 года наша печать все реже упоминала имя Сталина. В журнале «Коммунист» приводились высказывания классиков марксизма против «культа личности». Развёрнутая критика «идеалистической теории культа личности» содержалась и в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию образования большевистской партии.

Продолжалась выборочная реабилитация жертв сталинского террора. Речь шла главным образом о родственниках и близких друзьях всех тех, кто теперь находился у власти. Была, например, освобождена жена погибшего сына Н. С. Хрущёва. Посмертно реабилитировали М. М. Кагановича. Всего до конца 1953 года вышло из заключения около тысячи человек. Их рассказы об условиях, царящих в тюрьмах и лагерях, о пытках и истязаниях во время следствия производили большое впечатление.

17 декабря 1953 года Прокуратура СССР объявила об окончании следствия по делу Л. П. Берия и его соучастников. Сообщалось также, что дело Берия будет рассматриваться Специальным Судебным присутствием Верховного суда СССР на основе закона от 1 декабря 1934 года. Можно напомнить, что этот закон принят в день убийства С. М. Кирова и предусматривал упрощённое и ускоренное судопроизводство без участия сторон. Приговор приводился в исполнение немедленно. С юридической точки зрения закон глубоко порочен, и он был впоследствии отменён. Но в 1953 году мало кто был заинтересован в открытом и подробном рассмотрении всех преступлений Берия.

Председателем Судебного присутствия стал маршал И. С. Конев, членами суда: Председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, генерал армии К. С. Москаленко, зам. Председателя Верховного суда СССР Е. Л. Зейден и ряд других деятелей армии и государства. Суд шёл всего 6 дней, протоколы его заседаний не публиковались. Разбирались далеко не все преступления Берия. Так, например, суд пытался разобраться в связях Берия с азербайджанскими националистами в 1918 — 1920 годах, но не рассматривал фактов массового истребления партийных и государственных кадров в Грузии в 1937 году. На судебных заседаниях говорилось о разврате Берия, но не о массовых репрессиях послевоенных лет, ничего не говорилось об убийстве ведущих деятелей еврейской культуры или о выселении на восток народностей Поволжья и Кавказа. Из жертв Берия назывался по имени только старый большевик М. С. Кедров, который был расстрелян в начале войны, несмотря на вынесенный ему оправдательный приговор. Рассматривались интриги Берия

против С. Орджоникидзе, но ничего не говорилось о расстреле в 1950 году членов Политбюро Н. Вознесенского и А. Кузнецова, следствие по делу которых вёл лично Берия. Эти примеры можно продолжить.

Одним из свидетелей по делу Берия был А. В. Снегов; старый большевик, находившийся в начале 30-х годов на партийной работе в Закавказье, а в начале 50-х отбывавший свой срок заключения на Колыме. Узнав об аресте Берия, Снегов сумел написать и нелегально переправить в Москву два письма с изложением известных ему фактов преступной деятельности Берия. Снегова хорошо знали Микоян и Хрущёв, и его письма были доставлены им «колымским почтальоном» по домашним адресам. В результате Снегова вызвали в Москву как свидетеля. Когда он вошёл в зал Судебного присутствия, Берия воскликнул: «Ты ещё жив!» «Недоработка твоего аппарата», — ответил Снегов. Судьи подробно расспрашивали его о начале карьеры Берия в 1930 — 1931 годах, но не задавали вопросов о той громадной системе Гулага, которая всё ещё продолжала существовать почти без изменений.

На судебных заседаниях Берия вёл себя вызывающе, но его наглость исчезла после вынесения смертного приговора. Перед исполнением приговора Берия, по свидетельству И. Конева, начал метаться, плакать и просить пощады. Он не владел собой.

Опубликованный в печати отчёт по делу Берия и его сообщников очень краток. Более подробный отчёт был зачитан на собраниях актива районных и городских партийных организаций.

Расстрел Берия привёл в движение миллионы узников Гулага. Уже смерть Сталина вызвала здесь надежды на освобождение. Пересмотр «дела врачей» и арест Берия усилили эти настроения. Администрация лагерей была в растерянности, общий режим — несколько облегчён. С одежды заключённых срезались номера, на окнах лагерных бараков исчезли решётки. Было объявлено, что заключённым спецлагерей будут разрешены свидания с родственниками. Однако попытки отказа от работы, а тем более забастовки жестоко подавлялись, как, например, в Воркуте в 1953 году на шахтах № 3 — 4. Прокуратура СССР была завалена заявлениями о реабилитации, и некоторые из них она не могла игнорировать. Так, например, по решению Президиума ЦК пересмотрены дела арестованных в 1949 — 1950 годах деятелей еврейской культуры. Наиболее крупные писатели и поэты, артисты и режиссёры Л. М. Квитко, И. С. Февер, В. Л. Зускин, Д. Н. Гофштейн и др. были расстреляны в 1952 году. После их посмертной реабилитации из Казахстана возвратились только их семьи. Но немало оставшихся в живых деятелей еврейской

культуры смогли вернуться домой. Было пересмотрено и так называемое «Ленинградское дело». И здесь очень много видных партийных работников реабилитировано посмертно. Не менее двух тысяч человек вернулись в Ленинград. Первый секретарь Ленинградского обкома М. Андрианов, активно участвовавший в организации «Ленинградского дела», снят со своего поста и выведен из состава ЦК КПСС. Первым секретарём Ленинградского обкома избран Ф. Р. Козлов[43]. Пересмотр «Ленинградского дела» создавал потенциальную угрозу для политической карьеры Г. Маленкова, который в 1949 году вместе с Л. Берия руководил репрессиями в Ленинграде.

Заметным событием в конце 1953 года стало произведённое по инициативе Хрущёва «открытие Кремля». При Сталине Кремль считался «запретной зоной». В Кремль можно было войти лишь по особым пропускам и после тщательной проверки. Хрущёв предложил открыть Кремль для посещений и осмотра его сокровищ. Для этого нужно только купить билет, не предъявляя никаких документов. В ночь на 1954 год в Кремле провели большой молодёжный бал. В дальнейшем балы для молодёжи и праздничные ёлки для детей в Кремле стали прочной московской традицией. 17 апреля 1954 года Н. С. Хрущёву исполнилось 60 лет. Эту дату отмечали весьма скромно. Хрущёву было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В конце апреля на сессии Верховного Совета СССР утверждён новый состав Правительства СССР во главе с Г. Маленковым. Многие из союзных министерств вновь разукрупнены. Из МВД выделен Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР во главе с И. А. Серовым. Это давний работник государственной безопасности, лично преданный Хрущёву и готовый выполнить любое его распоряжение. Серову Никита Сергеевич поручил организовать свою (т. е. Хрущёва) охрану. В мемуарах Хрущёва можно найти такие слова о Серове: «Я мало знал Круглова. Серова я лучше знал, и Серову я доверял. Я считал и сейчас считаю, что Серов — очень честный человек в своей партийности. И если за ним что и было, как за всеми, так сказать, чекистами, то он здесь тоже стал, ну, жертвой общей политики, которую проводил Сталин»[44].

Реорганизация МВД и МГБ была весьма значительной. Обе эти организации имели право отныне только вести следствие: МВД — по уголовным делам, КГБ — по делам государственной безопасности. Был ликвидирован институт внутренней прокуратуры МВД — МГБ. В своё время Сталин принизил значение прокуратуры, фактически подчинив её органам НКВД. Теперь, напротив, в рамках Прокуратуры СССР создали отдел, контролировавший деятельность МВД и КГБ. Генеральный

прокурор СССР отчитывался только перед ЦК КПСС. Были отменены все «особые совещания» и иные внесудебные органы, которые могли выносить приговоры и притом заочно. Отныне вынесение приговоров становится компетенцией только судебных органов. Штаты КГБ значительно сократились. На предприятиях и учреждениях, не связанных с выполнением секретных заданий, упразднились «особые» или «спец» отделы, главная функция которых состояла в наблюдении за «благонадёжностью» советских граждан. Были почти повсеместно ликвидированы районные отделы государственной безопасности, что привело к консервации созданной во времена Сталина громадной сети осведомителей, услугами которых просто некому было теперь пользоваться.

Осенью 1954 года Хрущёв и Булганин предприняли длительную поездку по различным областям Дальнего Востока, Сибири и Урала. В сущности, это первая поездка главы партии в восточные районы СССР, если не считать кратковременной поездки Сталина на Урал и в Сибирь в 1928 году. Никаких резиденций для приёма высоких гостей в провинции тогда не было, и Хрущёву с Булганиным отводили обычно лучшие места в городских гостиницах. Бывший слесарь Хрущёв придирчиво осматривал отведённые им помещения и нередко вызывал секретаря обкома и главного архитектора того или иного города, чтобы указать им на различные архитектурные излишества, на плохое качество строительных работ или даже на небрежную сварку труб в ванных комнатах и туалетах. «Ещё до революции на шахтах Донбасса, — говорил позднее в Москве Никита Сергеевич, — мы лучше выполняли слесарные работы, чем это делают сейчас во многих современных гостиницах». Побывав во Владивостоке, Хабаровске, Комсомольске, на Сахалине, в Чите, Иркутске и Свердловске, Хрущёв 30 октября 1954 года вернулся в Москву.

К осени 1954 года пошатнулось политическое положение Маленкова. Ему повредило дело Берия и пересмотр «Ленинградского дела». В вину Маленкову ставилось и плохое состояние сельского хозяйства, которое мало продвинулось вперёд и в 1954 году. Именно Маленков в последние годы жизни отвечал как член Политбюро за состояние сельского хозяйства. В феврале 1955 года перед очередной сессией Верховного Совета СССР вопрос о нём обсуждался на Пленуме ЦК КПСС. Маленков пытался защищаться, но против него выступали все члены Президиума ЦК, включая и Молотова, обвинившего Маленкова в пренебрежении развитием тяжёлой промышленности. На сессии Верховного Совета зачитали заявление Маленкова с просьбой

освободить его от обязанностей главы правительства. Он признавал свою ответственность за тяжёлое состояние сельского хозяйства. Новым премьером советского правительства был утверждён по предложению Хрущёва Н. А. Булганин. Министром обороны назначался маршал Г. К. Жуков. Маленков назначался министром электростанций СССР и оставался одним из заместителей Председателя Совета Министров. Это — конец второго триумвирата. Хотя власть Хрущёва возросла, она ещё оставалась коллегиальной. Хрущёв стоял теперь во главе третьего триумвирата, в который входили также Булганин и Жуков.

Сессия Верховного Совета произвела реформу Верховного суда СССР, из состава которого вывели 6 человек (И. О. Матулевич, Л. Д. Дмитриев и др.). На их совести тысячи невинно осуждённых людей. В Верховный суд были избраны шесть новых членов. Мы писали выше о А. В. Снегове. После того как он дал показания на процессе Берия, его снова возвратили на Колыму как простого заключённого. Узнав об этом, Хрущёв распорядился немедленно освободить Снегова и восстановить его в партии. Он был назначен членом коллегии МВД и заместителем начальника Политотдела Гулага. Хрущёв хотел иметь в МВД надёжного человека для контроля за деятельностью С. Н. Круглова.

Решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС оказались всё же недостаточными для обеспечения быстрого роста производства зерна. Хрущёв полагал, что главное средство для этого — значительное расширение посевных площадей. Большие массивы целинных земель, используемых лишь для экстенсивного овцеводства, имелись в северной части Казахстана, в южных районах Сибири. Слабо освоенные земли имелись также на Урале и в некоторых районах Северного Кавказа. Эти земли лежали, однако, в засушливой зоне. Предварительные подсчёты показывали всё же, что при максимальной механизации выгоды от использования таких земель значительно превышают издержки. Обсуждение проблемы целинных земель выявило, что не все согласны с доводами Хрущёва. Решительными противниками распашки северных земель Казахстана оказались руководители ЦК КП Казахстана — первый секретарь ЦК Шаяхметов и второй секретарь Афонов. Они не хотели терять важные для республики пастбища и возражали против массового переселения в Казахстан выходцев из России, Украины и других республик. Осторожные возражения высказывал и К. Е. Ворошилов, который недавно побывал на Смоленщине и был поражён нищетой смоленских деревень. «А в Смоленской области во многих районах ещё на коровах пашут», — говорил он. Хрущёв ответил ему, что государство ещё не располагает средствами для

одновременного развития и целинных, и старопахотных земель. Поэтому нужно выбрать вариант, который сможет принести наиболее быстрый эффект. Сомнения высказывал и В. Молотов, но большинство Президиума ЦК поддержало Хрущёва и его записку «Пути решения зерновой проблемы», в которой обосновывалась важность освоения целинных и залежных земель.

В феврале 1954 года в Москве состоялось большое собрание комсомольцев, принявшее обращение к молодёжи страны — принять участие в освоении целины. Обращение к молодёжи было естественным, так как первые целинники должны были жить в палатках и временных бараках. На собрании комсомольцев Москвы выступили Н. С. Хрущёв и министр сельского хозяйства И. А. Бенедиктов[45]. Медлить было уже нельзя, освоение целины начиналось как крупная военная операция[46]. В Алма-Ате в феврале 1954 года состоялся VII съезд компартии республики, который одобрил программу освоения целины. Шаяхметов и Афонов ещё до съезда были освобождены от руководства ЦК КП Казахстана. Первым секретарём ЦК КП Казахстана был избран П. К. Пономаренко[47], вторым секретарём — Л. И. Брежнев. В республику один за другим шли эшелоны с людьми и техникой. Решено ввести в оборот не менее 13 миллионов гектаров и получить с них уже в 1955 году до 20 миллионов тонн зерна, организовав с этой целью около 150 крупных совхозов.

В июне 1954 года с трибуны нового Пленума ЦК КПСС Н. С. Хрущёв обратился к работникам сельского хозяйства всех зон страны с призывом о расширении посевов кукурузы на зерно и зелёный корм. В кулуарах Пленума повторялись слова Хрущёва, не вошедшие в официальный доклад, — о том, что кукурузу надо внедрять, не останавливаясь перед принуждением, подобно тому, как в XVIII веке в России внедряли картофель.

Летом 1954 года закончили, наконец, строительство грандиозной Всесоюзной сельскохозяйственной выставки с её павильонами-дворцами, сооружение которых обходилось каждой республике в сотни миллионов рублей. Н. С. Хрущёв и другие руководители осмотрели её, и с 1 августа она начала работать как постоянное учреждение. Однако после завершения строительства высотных зданий и нового здания МГУ Хрущёв решительно потребовал от всех строительных и архитектурных организаций отказаться на будущее от подобных дорогостоящих сооружений. Главной задачей стало строительство сравнительно недорогих жилых домов. Хрущёв без колебаний стал на сторону тех архитекторов и строителей, которые выступали за типовое проектирование школ, детских садов, кинотеатров на основе внедрения сборного железобетона, т. е. за переход к

индустриальным методам строительства. Переломным в этом отношении стало Всесоюзное совещание строителей в декабре 1954 года, на котором Хрущёв произнёс убедительную речь. Конечно, те пятиэтажные дома без лифтов, а часто и без балконов, которые быстро и в большем количестве появились на окраинах Москвы, не слишком украшали столицу, и некоторые из архитекторов презрительно окрестили их «хрущобами». Но такие дома позволяли быстрее удовлетворять крайнюю нужду в жилище, которая стала для страны важнейшей социальной проблемой.

На январском Пленуме ЦК в 1955 году Хрущёв с тревогой говорил, что решения 1953 года о подъёме сельского хозяйства выполняются медленно. Было принято решение о новом повышении закупочных цен и увеличении ассигнований на развитие животноводства. Министром сельского хозяйства СССР был назначен В. В. Мацкевич, хорошо знакомый Хрущёву по их совместной работе на Украине. Важным изменением в управлении сельским хозяйством стало изменение практики планирования сельскохозяйственного производства. В решении ЦК КПСС и Совета Министров СССР на этот счёт предлагалось ограничить количество показателей, подлежащих планированию «сверху». Структуру посевов, сроки сева и уборки должны были планировать сами хозяйства — разумное решение, о котором, к сожалению, очень быстро забыли через несколько лет.

В целом 1955 год был успешным для сельского хозяйства. Продукция как земледелия, так и животноводства увеличилась за год более чем на 10 % — но только на старопахотных землях. На целине случилась сильная засуха, и не везде удалось вернуть даже затраченные семена. Это бедствие не ослабило энергии Хрущёва. Он призвал направить на целину ещё десятки тысяч молодых работников. Под урожай 1956 года здесь было распахано более 30 миллионов гектаров.

Важные изменения стали происходить после смерти Сталина и во внешней политике СССР. Уже в конце июля 1953 года подписано соглашение о перемирии между воюющими сторонами в Корее. Хотя Советский Союз не являлся непосредственным участником этой кровопролитной войны, западные историки подчёркивают, что окончанию войны в Корее способствовал приход к власти в Москве нового руководства. Вскоре начались трудные переговоры о прекращении огня во Вьетнаме. После ряда уступок с обеих сторон в 1954 году было подписано соглашение о прекращении огня и установлении разграничительной линии по 17-й параллели. Улучшились отношения между СССР и КНР. В конце сентября 1954 года на празднование пятой годовщины

образования КНР в Пекин вылетела делегация СССР во главе с Хрущёвым, Булганиным и Микояном. Это первый официальный визит Хрущёва в соседнюю страну и его первая официальная поездка за границу. Хрущёв несколько раз встречался и беседовал с Мао Цзэдуном и совершил также большую поездку по Китаю. Было подписано соглашение о выводе советского гарнизона из Порт-Артура и передаче всех сооружений этой крепости Китаю. СССР также передал Китаю свою долю участия в различных смешанных обществах и предприятиях и направил в КНР новые группы советских специалистов.

Большие изменения претерпели и отношения между СССР и Югославией. По настоянию Хрущёва в начале 1954 года была создана комиссия ЦК КПСС для рассмотрения «югославской проблемы». Изучив представленные ей материалы, эта комиссия, возглавляемая Д. Т. Шепиловым, пришла к выводу, что Югославия является социалистическим государством, а не «военно-фашистской диктатурой», как утверждали Сталин и направляемая им пропаганда. Антиюгославская кампания была прекращена, а 20 октября 1954 года в «Правде» появилась статья — к 10-й годовщине освобождения Белграда, которая заканчивалась словами о кровном братстве между народами СССР и Югославии. 28 ноября 1954 года югославское посольство в Москве давало приём по случаю Дня независимости. На приём прибыло почти все руководство СССР: Хрущёв, Булганин, Маленков, Молотов и др. Все обратили внимание на фразу в сообщении ТАСС о том, что «приём прошёл в тёплой обстановке».

Общее улучшение международной обстановки продолжалось и в 1955 году. Успешно завершились переговоры между великими державами о судьбе Австрии. Австрия объявлялась независимым и нейтральным государством, и согласно подписанному в Вене Государственному Договору оккупация Австрии войсками великих держав прекращалась.

В мае 1955 года руководители социалистических стран Европы (кроме Югославии) подписали договор о дружбе, сотрудничестве и военной помощи, который вошёл в дипломатический словарь как

Варшавский Договор. Этот союз был противопоставлен военному союзу НАТО. При Варшавском Договоре создавалось Объединённое командование, а также Политический консультативный комитет (ПКК), в работе которого должны были периодически принимать участие главы коммунистических партий и правительств стран Договора.

В конце мая для нормализации отношений между СССР и Югославией в Белград прибыла советская делегация в составе

Хрущёва, Булганина, Микояна и Шепилова. Руководители СССР прибыли в Югославию, чтобы принести извинения за многолетнюю кампанию нажима и клеветы. Неудивительно, что сотни иностранных корреспондентов собрались в белградском аэропорту, где уже в момент встречи произошёл неприятный для Хрущёва эпизод. Тито помешал Хрущёву произнести ответное приветствие, отодвинув в сторону микрофон и запретив переводить речь Хрущёва, в которой были слова о «провокаторской роли Берия». Переговоры оказались нелёгкими, так как советская делегация не хотела говорить об ответственности Сталина за ухудшение советско-югославских отношений и, напротив, пыталась как-то защитить Сталина от нападок югославских руководителей. И тем не менее именно здесь, в Югославии, как признавал позднее Хрущёв, он отчётливо понял, что его позиция фальшива, что нельзя все беззакония прошлого сваливать на Ежова или Берия. Переговоры всё же завершились успешно. Обе страны взяли на себя обязательство «положить конец всем формам пропаганды и дезинформации, направленным против другой стороны». СССР и Югославия подписали соглашения о развитии научных, экономических и культурных связей. Не успел Хрущёв отдохнуть от насыщенного событиями визита в Югославию, как теперь уже в качестве хозяина он должен был принимать высокого гостя — премьер-министра Индии Дж. Неру. Главе индийского правительства была устроена особо торжественная встреча в Москве. Впервые прибытие иностранного руководителя отмечалось не только церемонией в аэропорту или на вокзале, но и на улицах города. Сотни тысяч москвичей выстроились вдоль всей трассы от Внуковского аэропорта до Кремля, приветствуя стоявших в открытых машинах гостя и руководителей Советского государства. Эта встреча произвела большое впечатление не только на Дж. Неру и его дочь Индиру Ганди, приехавшую с отцом, но и на всю Индию, которая ещё недавно была бесправной английской колонией. После переговоров в Кремле Дж. Неру и Н. Булганин подписали Заявление о развитии экономических, технических и культурных связей между СССР и Индией. Этим желетом Москва торжественно встречала Хо Ши Мина — руководителя партии и правительства Народной Республики Вьетнам.

Начали изменяться отношения СССР со странами Запада. Во второй половине июля в Женеве состоялась встреча глав государств СССР, США, Англии и Франции. СССР был представлен Хрущёвым, Булганиным и Жуковым, США — Д. Эйзенхауэром и Д. Даллесом, Великобритания — А. Иденом и Г.

Макмилланом, Франция — Э. Фором и А. Пинэ. Это была первая встреча глав великих держав после Потсдамской конференции 1945 года. Главы государств обсудили широкий круг вопросов, но не подписали никаких конкретных соглашений, поручив вести дальнейшие переговоры министрам иностранных дел.

Встреча в верхах открыла возможность прогресса в решении германского вопроса. В 1955 году Советское правительство приняло решение о репатриации всех находившихся в нашей стране немецких военнопленных — от 10 до 14 лет они работали в советских трудовых лагерях. В СССР оставались лишь те военные и гражданские лица из немцев, которые были осуждены за совершённые ими преступления. Вскоре в Москву прибыли 79-летний канцлер ФРГ К. Аденауэр и немецкая делегация. Переговоры оказались трудными и острыми, о чём свидетельствовали речи участников переговоров, полностью печатавшиеся в советской прессе (ещё одно нововведение Хрущёва). Аденауэр настаивал на освобождении всех немцев. СССР настаивал на признании Западной Германией независимого восточно-германского государства. В конечном счёте компромисс был достигнут, было решено установить между СССР и ФРГ дипломатические отношения, а также значительно увеличить советско-германские экономические связи. (Освобождение всех находившихся в СССР германских граждан произошло в результате особых переговоров — уже в 1957 году.)

Стали возобновляться экономические и культурные отношения между СССР и США. По инициативе Хрущёва представительная советская делегация выехала в США и Канаду для ознакомления с американскими методами ведения сельского хозяйства. Особое внимание обращалось на методы откорма скота и технологию выращивания кукурузы. СССР закупил у американского фермера-бизнесмена гибридные семена кукурузы и завод по калибровке кукурузы.

В ноябре 1955 года Н. Хрущёв и Н. Булганин вылетели с ответным визитом в Индию. После провозглашения в 1947' году независимости Индии это был первый визит в Индию руководителей одной из великих держав. Хрущёва и Булганина ждал торжественный приём. Огромные толпы народа собирались в Дели, Калькутте, Бомбее и других городах. Почти везде Булганин и Хрущёв произносили эмоциональные речи. Дисциплины у жителей Индии оказалось меньше, чем у жителей Москвы, и одна из встреч едва не кончилась трагически. Толпа, прорвав полицейское оцепление, преградила путь машине Хрущёва и Булганина. Когда Хрущёв вышел из машины, чтобы пожать руки простым людям, его машину буквально разорвали на

части, и она разошлась кусочками по рукам. Возникла давка, все хотели видеть Хрущёва и Булганина, которые спаслись только потому, что охрана, состоявшая из работников советской и индийской тайной полиции, подняла их над толпой, которую с трудом удалось успокоить. Вспоминая эту поездку, председатель КГБ И. Серов говорил, что в его жизни было немало трудных дел, но самой трудной оказалась работа во время визита в Индию Хрущёва и Булганина.

В декабре 1955 года СССР произвёл на большой высоте второй взрыв мощного термоядерного устройства, что свидетельствовало о наличии транспортабельной водородной бомбы. Это событие вызвало оживлённые комментарии мировой печати. Перед этим в советской прессе были опубликованы результаты выборов в Академию наук СССР. Среди избранных в Академию наук новых членов упоминались фамилии И. Б. Тамма, Ю. Б. Харитона и А. Д. Сахарова.

От XX СЪЕЗДА КПСС К ИЮНЬСКОМУ ПЛЕНУМУ 1956-1957

1. XX съезд КПСС

Извещение о созыве очередного XX съезда КПСС появилось в печати ещё в июле 1955 года. Съезд должен был утвердить директивы к шестому пятилетнему плану, а также заслушать Отчёт ЦК КПСС. Предполагалось, что в Отчёте ЦК кратко будет затронут и вопрос о «культе личности», который все более волновал общественность.

Реабилитации, начавшиеся в 1953 — 1954 годах, продолжались и в 1955 году, но шли очень медленно. За год возвратились домой не более 10 тысяч человек, эта реабилитация затронула в основном оставшихся в живых партийных работников 30-х годов. Ещё несколько тысяч человек получили посмертную реабилитацию. Речь шла главным образом о видных членах партийного руководства, таких, как С. Косиор, В. Чубарь, П. Постышев, А. Косарев, Г. Каминский, В. Антонов-Овсеенко, Р. Эйхе, Я. Рудзутак и др. При той процедуре, которая существовала в Генеральной прокуратуре для пересмотра вынесенных в годы террора приговоров, на рассмотрение миллионов заявлений от узников лагерей и родственников расстрелянных и умерших в лагерях советских граждан потребовались бы десятки лет. Нетерпимость подобного положения становилась всё более очевидной.

В 1955 году в Ленинграде, Баку и Тбилиси состоялись судебные процессы по делам ближайших сподвижников Берия. В Ленинграде судили бывшего министра МГБ В. Абакумова и группу работников, ответственных за практическое осуществление «Ленинградского дела». В Баку судили группу работников НКВД и бывших партийных работников во главе с недавним «вождём» Азербайджана М. Багировым. В Тбилиси на скамье подсудимых сидела группа во главе с Рухадзе. Хотя в печати можно было прочесть об этих процессах лишь маленькие заметки, влияние процессов на общественное мнение оказалось значительным. Процессы считались открытыми, на них смогли побывать, сменяя друг друга, тысячи человек из местного партийного актива и недавних политзаключённых. При ЦК КПСС создавались комиссии для рассмртрения некоторых наиболее крупных репрессивных акций сталинского режима. Изучались дела об убийстве Кирова и самоубийстве Орджоникидзе, показательные процессы 1936 — 1938 годов, «дело Тухачевского» и др. Заканчивала работу и комиссия во главе с секретарём ЦК П. Поспеловым, которой было поручено изучить вопрос о культе личности Сталина и его последствиях. Хотя Поспелов был одним

из наиболее активных пропагандистов культа Сталина, возглавляемая им комиссия не могла не указать на множество злоупотреблений властью и Сталиным, и НКВД.

Нельзя было игнорировать и давление со стороны самих заключённых, которое постепенно усиливалось. Мы писали выше о волнениях на Воркуте. В Норильске на шахте «Капитальная» произошло восстание заключённых, часть которых сумела вооружиться. По распоряжению Круглова и под руководством генерала Масленникова это восстание было жестоко подавлено с использованием бронетранспортёров. Погибли сотни людей. Ещё более крупные волнения начались в казахстанских лагерях. Крупное и продолжавшееся больше месяца восстание заключённых вспыхнуло в Кенгире. Оно также было подавлено с использованием танковых частей. Становилось очевидным, что проблему лагерей надо решать как можно быстрее. За несколько дней до открытия съезда партии Круглое был снят со своего поста, и министром внутренних дел стал Н. П. Дудоров.

При обсуждении проекта Отчётного доклада ЦК Хрущёв предложил включить в него специальный раздел о культе личности и его последствиях. Это предложение Президиум ЦК отверг по настоянию Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова. Хрущёв намеревался дать слово в прениях двум-трём недавно реабилитированным партийным работникам. Но и это было отвергнуто. «Ты предлагаешь, чтобы бывшие каторжники судили нас», — сказал Каганович.

XX съезд КПСС открылся 14 февраля 1956 года. По сравнению с XIX съездом состав делегатов значительно обновился, что отражало существенные изменения в составе партийного и государственного руководства на всех уровнях. Никаких особых процедур в память «великого отца и учителя» не проводилось. По предложению открывшего съезд Н. Хрущёва делегаты почтили вставанием память сразу трёх «виднейших деятелей коммунистического движения»: И. В. Сталина, Клемента Готвальда и Кюици Токуда. Ни в докладе, ни в первых выступлениях делегатов не содержалось никаких восхвалений в адрес Сталина.

Руководству партии было что отметить в своём Отчёте. Промышленность страны сделала большой шаг вперёд, сельскохозяйственное производство увеличилось на 20 %, а доходы колхозников — на 100 %, возросло жилищное строительство и производство товаров народного потребления. Укрепилось международное положение СССР. В Отчётном докладе подчёркивалось, что последовательное проведение политики мирного сосуществования создаёт возможность

предотвращения новой мировой войны. Говоря о международном коммунистическом движении, Хрущёв указал на необходимость многообразных форм перехода от капитализма к социализму и отметил, что в некоторых странах рабочий класс мог бы завоевать большинство в. парламенте, облегчив здесь мирное развитие социалистической революции. Хрущёв заявил, что партия взяла под строгий контроль работу органов внутренних дел и государственной безопасности. Но он говорил об этом лишь в связи с «разгромом банды Берия». Докладчик ничего не говорил о Сталине.

Но намерение серьёзно и широко поставить на съезде вопрос о Сталине не оставляло Хрущёва. Через несколько дней после начала съезда он вновь собрал руководство партии и заявил примерно следующее: когда съезд начинает работу, полномочия руководящих органов теряют силу, и все главные проблемы решает сам съезд. Он ничего не сказал о культе личности Сталина и его последствиях в Отчётном докладе от имени ЦК КПСС. Но никто не запретит выступить на эту тему в качестве простого делегата съезда на одном из его заседаний. Если члены Президиума ЦК по-прежнему против этого возражают, то он, Хрущёв, обратится непосредственно к делегатам съезда с просьбой выслушать его выступление.

Это был ультиматум, и противники Хрущёва понимали, что очень трудно помешать ему. После переговоров все пришли к соглашению, что Хрущёв выступит с докладом о культе личности от имени ЦК, но только после выборов нового состава ЦК и на специальном заключительном заседании. Никаких прений по этому докладу не будет. Многие члены партийного руководства опасались, что при ином ходе событий их уже никогда не изберут в ЦК КПСС. Хрущёв начал активно готовиться ко второму докладу, который оказался главным событием XX съезда, а также всей жизни и деятельности самого Хрущёва.

Если судить по опубликованному позднее стенографическому отчёту, доклад Хрущёва «О культе личности и его последствиях» был заслушан на утреннем закрытом заседании 25 февраля, а после перерыва на открытом заседании съезд утвердил Директивы по шестой пятилетке и узнал результаты выборов в центральные органы партии, которые происходили на вечернем заседании съезда 24 февраля. Для участия в закрытом заседании нужно было получить специальные пропуска. В Кремль пригласили около ста реабилитированных партийных активистов, их список Хрущёв просмотрел и утвердил лично. Текст доклада не заслушивался предварительно руководством ЦК, состав которого ещё не был объявлен.

Каким же образом появился на свет этот документ, ставший одним из важнейших документов мирового коммунистического движения?

Известно, что сам Хрущёв не писал текстов своих речей и докладов. Письменная речь давалась ему с трудом. Иногда он поручал готовить доклад работникам аппарата, иногда диктовал текст стенографистке, поручая своим помощникам и референтам редактировать его. Но, выходя на трибуну, Хрущёв часто отступал от имевшегося текста и свободно импровизировал. Эти импровизации нередко составляли наиболее интересную часть его выступлений. Опытный агитатор и пропагандист, Хрущёв легко мог выступить с большой речью без всякой предварительной подготовки, что он иногда и делал во время своих поездок за границу. Хрущёв располагал материалами комиссии Поспелова, а также других комиссий ЦК КПСС. Он беседовал с реабилитированными членами партии, особенно с теми, кого он знал ещё до ареста. Да и собственная память подсказывала теперь многое, о чём он раньше боялся думать. Соединением этих разнородных частей и стал доклад Хрущёва. Позднее доклад критиковали за недостаточную глубину и широту, отсутствие теоретического анализа, множество умолчаний. Но в условиях, в которых готовился доклад, нельзя было сделать большего. Да и никто, кроме Хрущёва, не решился бы на такой шаг. Он оказался единственным человеком в составе партийного руководства, способным смело поставить на съезде партии вопрос об осуждении ошибок и преступлений Сталина.

Потрясённые делегаты и немногие гости молча слушали этот доклад, лишь изредка прерывая докладчика возгласами изумления и возмущения. Несколько человек почувствовали себя плохо, и их вынесли на носилках из зала. Хрущёв говорил о массовых незаконных репрессиях, санкционированных Сталиным, о жестоких пытках, которым подвергались заключённые, в том числе и недавние члены Политбюро, об их предсмертных письмах и заявлениях. Хрущёв говорил о конфликте между Лениным и Сталиным в последние месяцы жизни Ленина и о предложении последнего сместить Сталина с поста Генсека. Хрущёв говорил о многих сомнительных обстоятельствах убийства С. М. Кирова и недвусмысленно намекал насчёт возможной причастности Сталина к этому убийству. Хрущёв говорил о грубых просчётах Сталина в предвоенный период, о его растерянности в первые дни войны и фактическом дезертирстве со своих постов именно в эти первые дни. На Сталина докладчик возлагал ответственность за поражения Красной Армии в 1941 — 1942 годах и оккупацию громадных территорий Советского Союза. По свидетельству

Хрущёва, Сталин уничтожил перед войной более 2/3 состава ЦК и более половины делегатов XVII съезда. В последние годы жизни Сталин готовился к новым репрессиям и отстранил от участия в руководстве партией Молотова, Микояна, Ворошилова и Кагановича. На Сталина докладчик возлагал ответственность и за глубокий кризис в сельском хозяйстве, за грубые просчёты в советской внешней политике. Хрущёв рассказал о том, как Сталин поощрял создание культа его личности, фальсифицировал историю партии и вписывал в свою биографию целые страницы, содержащие неумеренные восхваления в его адрес.

Прений по докладу не было. В постановлении съезда, опубликованном лишь несколько месяцев спустя, съезд одобрял доклад Н. С. Хрущёва и поручал ЦК КПСС «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы»[48].

Вечером 25 февраля, когда был готов отредактированный текст доклада Хрущёва, в Кремль пригласили делегации коммунистических партий, присутствовавшие на съезде. Им дали возможность ознакомиться с докладом Хрущёва, предупредив о его «закрытом» характере. Все экземпляры возвращались в ЦК КПСС. Но доклад Хрущёва не удалось сохранить в тайне, да и сам докладчик, вероятно, не стремился к этому. Не только факт проведения закрытого заседания съезда, но и главные тезисы «секретного» доклада уже на следующий день комментировались в некоммунистической прессе. Опровержениям Хрущёва никто не верил, тем более что через несколько недель Госдепартамент США распространил полный текст доклада в переводе на английский язык.

Мы не будем писать здесь об огромном влиянии доклада Хрущёва на мировое общественное мнение и на коммунистическое движение в особенности. Отметим лишь, что упрёки по поводу того, что Хрущёв произнёс свой доклад на съезде КПСС, а не на Международном-совещании коммунистических партий, нельзя признать справедливыми. Любое Международное совещание компартий при участии в нём таких деятелей, как Мао Цзэдун, Матиас Ракоши, Энвер Ходжа, Вылко Червенков, Болеслав Берут, Морис Торез и др., решительно высказалось бы против разоблачений Сталина. Хрущёв шёл на огромный личный риск, не меньший, чем при аресте Берия. Нужно было действовать быстро и решительно, опираясь на поддержку доверенных людей. Даже сам Хрущёв и его ближайшее окружение не были безгрешны, хотя их ответственность за

преступления прежних лет несопоставима с ответственностью других членов партийного руководства. Не обернётся ли разоблачение Сталина против них самих? Когда Ворошилов узнал о намерении Хрущёва прочесть свой доклад, он воскликнул: «А что с нами будет?» И всё же риск был хотя и велик, но оправдан. В долгосрочной перспективе позитивные результаты разоблачения Сталина оказались намного выше временных издержек. Хрущёв предпочёл пойти на риск, и мы можем быть только благодарны ему за это.

В зарубежной печати поднимался вопрос о мотивах, которыми руководствовался Хрущёв, готовя доклад. Это сложный вопрос. Решение Хрущёва определялось многими причинами, и, возможно, не во всех он сам отдавал себе ясный отчёт.

Высказывалось мнение, что осуждение Сталина на XX съезде предпринималось главным образом для того, чтобы рационализировать систему бюрократического управления и даже укрепить привилегии и власть номенклатуры. Поэтому Хрущёв осудил не все репрессии Сталина, а именно те, которые были направлены против партийных кадров. Не был даже поставлен вопрос о реабилитации участников оппозиций. Иными словами, Хрущёв хотел избавить высшие слои бюрократии от страха репрессии, укрепив их положение в партии. Не секрет, что в 40-е годы многие боялись выдвижения на высшие государственные и партийные посты. Это казалось просто опасным.

Конечно, мы знаем, что от террора в годы Сталина не был застрахован никто, и как раз верхи партийно-государственного аппарата подвергались в те времена особенно жестоким чисткам.

Как маршалы Наполеона устали в конце концов от войн и опасностей и хотели спокойной жизни в своих дворцах, так и министры, маршалы и секретари обкомов, всецело обязанные Сталину своим возвышением, устали от болезненной его подозрительности, от страха репрессий, от ночных бдений в своих кабинетах. Многие из них устали и от необходимости прибегать к постоянному насилию в своих областях, ведомствах, чтобы выполнить непомерные планы заготовок или указания об очередной идеологической кампании. Эти настроения, несомненно, помогли Хрущёву и обеспечили ему поддержку основной части партийных кадров. Но надо иметь в виду, что высшая бюрократия, заинтересованная в ликвидации крайностей сталинского режима, не желала во всём этом чрезмерной гласности, которая могла подорвать и её авторитет. Среди верхов бюрократии было мало людей, не замешанных прямо или косвенно в беззакониях сталинских лет, и потому доклад Хрущёва казался им слишком рискованным и опасным.

Ещё чаще высказывалось мнение, что выступление Хрущёва на съезде стало решающим эпизодом в борьбе за власть в партии. Взяв на себя инициативу, Хрущёв наносил удар по таким ближайшим соратникам Сталина, как Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Микоян, присутствие которых в Президиуме ЦК мешало ему. Своим докладом Хрущёв выбивал почву из-под ног вчерашних «вождей», подготавливая отстранение их от власти. Несомненно, что и в этом есть доля истины.

Многое в поведении Хрущёва связано и с его личными качествами. Солженицын в своё время оказался прав, когда писал, что «чудо» ликвидации лагерей и освобождения миллионов заключённых было также результатом «душевного движения» Хрущёва, сохранившего способность к добрым делам и раскаянию. Хрущёва действительно волновало тяжёлое положение рабочих и особенно крестьян. Его волновало и тяжёлое положение миллионов заключённых, безо всякой вины брошенных на многие годы в лагеря и тюрьмы.

Мы склонны думать также, что многие поступки Хрущёва в 1955 — 1956 годах определялись во многом и качествами кадрового партийного работника, характерными для руководителей среднего и высшего звена партии в 20-е годы, их сумел он, по крайней мере частично, пронести через всю жизнь. Упрощая во многом действительность, можно сказать, что первое поколение профессиональных революционеров-большевиков, возглавивших революцию, всё же не было достаточно сплочённым. Среди этих людей не остыли ещё страсти теоретических разногласий и борьбы личных амбиций, которые сказались и на остроте фракционной борьбы как до, так и после революции. Ленин являлся общепризнанным вождём и авторитетом, но после его смерти борьба в высших слоях партии была почти неизбежной не только из-за различий во взглядах, но и из-за стремления к власти.

Второй эшелон, или новое поколение партийных руководителей, выдвинувшихся в годы революции, гражданской войны, разрухи и в трудные годы нэпа, оказалось более сплочённым, хотя и менее образованным. Работая на местах в условиях разношёрстного и по большей части ещё враждебного окружения, эти люди относились друг к другу обычно с полным доверием, говорили друг другу «ты». Их спаивала воедино та особая дружба партийных функционеров, объединённых общими интересами. К этому слою революционеров относились такие люди, как Киров, Орджоникидзе, Косиор, Чубарь и другие, которым к началу революции было около 30 лет. К этому же слою

относились и более молодые работники, такие, как Хрущёв, которым в 1917 году исполнилось 23 — 25 лет. К ним примыкали и ещё более молодые большевики, как А. Косарев или Н. Островский. Внешняя простота и даже грубость Сталина больше импонировала этим слоям партии, чем утончённая учёность и высокомерие Троцкого или учёный догматизм и интеллигентская нерешительность Каменева и Зиновьева. Второе поколение руководителей революции состояло в основном из людей действия, хотя не всё, что они делали, заслуживает одобрения. Имелись среди них и начинающие теоретики, новая партийная интеллигенция, не успевшая, однако, развернуть свои возможности. У этих людей было немало недостатков, но их отличала простота отношений, готовность к жертвам и риску, дисциплина, твёрдость и преданность идеалам революции. После XVII съезда партии люди данного типа составляли большинство ЦК ВКП(б), основной состав руководства обкомов и горкомов партии и комсомола. И именно эти люди, сохранявшие лояльность к Сталину, были почти полностью уничтожены в 1937 — 1938 годах. Хрущёв уцелел, приняв многие из правил поведения, навязанных Сталиным. Но он не стал настоящим сталинистом. В глубине души он всегда сомневался в виновности своих друзей и руководителей, он не смирился с их гибелью, пусть и открывшей ему возможности более быстрого продвижения.

Оказавшись во главе партии, Хрущёв был озабочен не только хозяйственными делами, но и восстановлением доброго имени своих давних соратников. Он почти сразу вернул из ссылки семью своего друга по Московскому горкому С. З. Корытного, а также членов семьи С. Косиора, А. Косарева и других. Многое из того, что они рассказывали, стало откровением и для Хрущёва. И этот гнев, эта горечь, это возмущение стали важными побудительными причинами доклада на XX съезде.

Известный советский учёный и публицист Ф. Бурлацкий писал не так давно о мотивах выступления Хрущёва на XX съезде КПСС. «Как решился выступить Хрущёв с докладом о Сталине, зная, что подавляющее большинство делегатов будет против разоблачения? Откуда он почерпнул такое мужество и такую уверенность в конечном успехе? То был один из редчайших случаев в истории, когда политический руководитель поставил на карту свою личную власть и даже жизнь во имя высших общественных целей. В составе после сталинского руководства не было ни одного деятеля, который решился бы выступить с подобным докладом о культе личности. Хрущёв и только Хрущёв, на мой взгляд, мог сделать это — так смело, эмоционально, а во

многих отношениях и так необдуманно. Надо было обладать натурой Хрущёва — отчаянностью до авантюризма, надо было пройти через испытания страданием, страхом, приспособленчеством, чтобы решиться на такой шаг. Бесспорно, интересна его собственная оценка момента, прозвучавшая во время встречи с зарубежными гостями: „Меня часто спрашивают, как это я решился сделать тот доклад на XX съезде. Сколько лет мы верили этому человеку. Поднимали его. Создавали культ. И вдруг такой риск. Уж поскольку меня избрали Первым, я должен был сказать правду. Сказать правду, чего бы это ни стоило и как бы я ни рисковал. Ещё Ленин нас учил, что партия, которая не боится говорить правду, никогда не погибнет. Мы извлекли уроки из прошлого и хотели, чтобы такие уроки извлекли и другие братские партии, тогда наша общая победа будет обеспечена“. „Но дело, конечно, не только в чувстве долга, о котором говорил Первый секретарь, — продолжает Бурлацкий. — Мне не раз приходилось слушать воспоминания Хрущёва о Сталине. Это были пространные, нередко многочасовые размышления-монологи, как будто разговор с самим собой, со своей совестью. Он был глубоко ранен сталинизмом. Здесь перемешалось все: и мистический страх перед Сталиным, способным за один неверный шаг, жест, взгляд уничтожить любого человека, и ужас из-за невинно проливаемой крови. Здесь было и чувство личной вины, и накопленный десятилетиями протест, который рвался наружу, как пар из котла“[49].

Слухи о том, что на съезде партии Хрущёв сделал доклад о преступлениях и ошибках Сталина, быстро распространился по стране. Он вызвал возбуждение в Грузии. Не без влияния определённых кругов школьники старших классов, часть студентов решили отметить третью годовщину со дня смерти Сталина. У памятника Сталину собрался огромный митинг, по городу начались массовые демонстрации, большие толпы молодых грузин собрались на центральной площади города. Попытки комсомольских и партийных руководителей республики успокоить демонстрантов не имели успеха, и демонстрации стали перерастать в беспорядки. В город были введены войска, которые разогнали демонстрацию силой оружия. Намеченный на 1957 год визит Хрущёва в Грузию был отменён.

Нам до сих пор неизвестны многие детали этих событий в Грузии, но было бы ошибочно и примитивно объяснять их «грузинским национализмом». Размышляя о причинах мартовской трагедии в Тбилиси в 1956 году, писатель Тенгиз Буачидзе недавно писал: «Возможно ли полностью исключить национальные чувства в мартовских событиях? Разумеется, нет.

Наш народ тогда и вправду гордился Сталиным, его ролью в судьбах мира, его личностью, его делами, его победами — и тем, что Сталин по происхождению был всё-таки грузин, хотя он не принёс нашей нации никакого добра и не выделил её ничем, кроме цепи жесточайших репрессий 1921 года, 1924, 1929 — 1932 годов, 1936 — 1938 годов, 1948 года, 1951 — 1952 — и не знаю, каких ещё!..

Вот в чём, по-моему, трагедия. Но ничего антипартийного, антисоветского и националистического в тех мартовских выступлениях не было.

Вспомните хотя бы переполненную народом площадь Ленина, когда с трибуны прозвучал призыв: члены партии, дадим клятву верности Сталину! — как заалела вся площадь взметнувшимися над головой партбилетами.

Разве это был национализм?

Вспомните пафос речей, произнесённых с той трибуны и на набережной, где стоял тогда монумент Сталину.

Вспомните, как шествовали по улицам и площадям Тбилиси артисты, переодетые и загримированные под Ленина и Сталина и дружно держащиеся за руки.

Вспомните полное единодушие тбилисцев — представителей различных национальностей в те бурные дни.

Вспомните, как посылались телеграммы Молотову с просьбой защитить имя Сталина и советский строй, связанный с этим именем, и встать во главе государства.

Разве это был национализм? Разумеется, нет.

Это был результат того, что именно те люди, по приказу которых в Тбилиси была открыта стрельба и пролилась кровь ни в чём не повинных юношей и девушек, вдалбливали нам в голову на протяжении десятилетий, что Сталин был «вдохновителем и организатором всех наших побед», «гением всех времён и народов», «отцом и учителем народов», что без Сталина погибнет мир.

Так кто же создал «культ личности»: мы, простые люди, или они, тогдашние руководители, которые поистине макиавеллиевскими методами навязали нам и внушили самому Сталину, ползая перед ним на коленях и блея о бессмертности его величия (в надежде спасти себя и своё кресло!), что без него советская власть погибнет и исчезнет?!»[50]

Можно предположить, что именно этот трагический эпизод привёл к решению частично рассекретить доклад Хрущёва. Текст доклада, отпечатанный в специальной типографии, разослали всем райкомам и горкомам партии. С середины марта по всей стране проходили десятки тысяч собраний, на которые

приглашались не только члены партии, но и беспартийные. На этих собраниях работники горкомов и райкомов зачитывали доклад Хрущёва. Прений не проводилось, и собрание закрывалось сразу после чтения небольшой книжки в красном переплёте. Для большинства людей содержание доклада было откровением. Впечатление усиливалось и тем фактом, что «секретный» доклад зачитывался перед всеми. Партия как бы обращалась к трудящимся и с самокритикой, и с просьбой помочь ей в искоренении последствий культа личности Сталина. Я помню хорошо то время.

Это было в конце марта 1956 года. В небольшую сельскую школу в Ленинградской области, где я тогда работал директором и преподавал историю, принесли специальное извещение. В полученной нами бумаге содержалось требование, чтобы все учителя школы на следующий день в 4 часа дня собрались в здании соседнего кирпичного завода. Мы не знали темы неожиданного собрания и не догадывались о нём. В небольшой Красной комнате (так назывались тогда партийные кабинеты на предприятиях) собрались учителя, инженеры и некоторые рабочие кирпичного завода. Собрание открыл инструктор районного комитета партии. Он сказал, что прочтёт полный текст секретного доклада Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС. Одновременно предупредил, что не будет отвечать ни на какие вопросы, мы не должны делать никаких записей или открывать прения. После этого инструктор начал читать текст доклада. Чтение продолжалось четыре часа, и все мы слушали доклад внимательно и безмолвно, почти с ужасом. Когда была прочитана последняя страница, в комнате ещё несколько минут стояла полная тишина, затем слушатели стали молча расходиться.

Было бы странным говорить сегодня, что разоблачение чудовищных преступлений сталинской эпохи укрепило авторитет КПСС и способствовало развитию мирового коммунистического движения. Нет, XX съезд был серьёзным ударом не только по авторитету Сталина. В западных партиях многие коммунисты выходили из их рядов. Они спрашивали, как это могло произойти, но не получали вразумительного ответа. Противники коммунистического движения и ранее писали о терроре Сталина и уничтожении им политических оппонентов, о сотнях концлагерей на севере и востоке СССР. Коммунисты обычно отвергали эти материалы как клевету. И вот теперь из Москвы приходит подтверждение чудовищных преступлений Сталина. Это явилось тяжким испытанием для всех сторонников социализма и друзей СССР. Это вызвало серьёзный кризис в мировом коммунистическом движении.

Но это был неизбежный кризис. Невозможно было вечно скрывать перед народом и миром тяжёлое сталинское прошлое. Рано или поздно оно открылось бы в той или иной форме. Но тогда оно повело бы к ещё более тяжёлым последствиям для коммунистического движения. Можно сожалеть лишь о том, что политическое развитие в нашей стране и в партии после XX съезда проходило сложными путями, внедрение в жизнь новых, подлинно демократических форм и методов задерживалось, и это явно не способствовало ни быстрому оздоровлению общественной жизни в нашей стране, ни быстрому преодолению кризиса мирового коммунистического движения.

Непоследовательность в политике КПСС была связана в первую очередь с обострением внутренней борьбы среди партийного руководства. После XX съезда состав ЦК значительно изменился, и из 125 членов ЦК, избранных на XIX съезде, в новый его состав вошло только 79 человек. При этом его новое пополнение в количестве 54 человек заметно укрепило политическую базу и влияние Н. С. Хрущёва. Сторонники Хрущёва составляли явное большинство в ЦК КПСС. В меньшей мере изменился состав Президиума ЦК. Здесь появились только два новых члена: А. И. Кириченко и М. А. Суслов. Был, правда, значительно пополнен состав кандидатов в члены ЦК КПСС. В их числе мы могли видеть Л. И. Брежнева, Г. К. Жукова, Н. А. Мухитдинова, Е. А. Фурцеву, Н. М. Шверника и Д. Т. Шепилова. Все эти люди активно поддерживали политическую линию Н. С. Хрущёва.

Далеко не на всех партийных собраниях и партийных активах, происходивших в марте 1956 года, удалось избежать обсуждения доклада Хрущёва и попыток углубить критику преступлений и ошибок прошлого. Типичным в этом отношении было партийное собрание в Союзе писателей с повесткой дня «Об итогах XX съезда партии». Многие ораторы говорили о тяжёлом положении литературы в годы культа, о незаконных репрессиях, они требовали наказать доносчиков и клеветников и расширить социалистическую демократию. 70-летний писатель П. А. Бляхин, член партии с 1903 года, говорил на собрании: «Ленин мечтал о создании социалистического аппарата не на словах, а на деле. Как исполнен этот завет Ленина? Ленинские нормы и ленинские принципы ещё не восстановлены. Не следует принимать желаемое за действительное. Вместо социалистического аппарата создан и воспитан аппарат бюрократический, основанный на чиновничестве, бездумии, карьеризме, погоне за тёплым местечком — аппарат, потерявший чувство ответственности. Сталин занял место царя, и он опирался на этот аппарат. Был

недопустимый для советского общества разрыв в материальном уровне… Сталинская эпоха поставила под удар основы конституции, братство народов, социалистическую законность. Здесь уже говорилось о страданиях калмыков. А что сказать о страданиях еврейского народа? Дело Бейлиса на весь мир опозорило царское самодержавие, позорное „дело врачей“ — пятно на партии, и прежде всего на нас — русских коммунистах. Есть люди, которые втихомолку тормозят все перемены, тормозят и реабилитацию. Реабилитировано пока только 7 — 8 тысяч человек. Слова Хрущёва на съезде о количестве заключённых произвели тягостное впечатление. Сколько ещё будут томиться в тюрьме невинные люди? Необходимо предпринять ряд мер для того, чтобы произвести массовую реабилитацию. Единственная гарантия против повторения того, что было при Сталине, — партийная и советская ленинская демократия».

Писатель Е. Ю. Мальцев говорил: «Кадры сверху донизу воспитаны прежним стилем руководства. В Рязанской области председатель колхоза по-прежнему всесилен, секретари райкомов по-прежнему стучат кулаком по столу. И на партийном съезде многие вели себя трусливо… Не надо искать буржуазной идеологии там, где её нет. ЦК должен поскорее разобраться со всеми безобразиями насчёт „пакетов“ ответственным работникам. Секретари обкомов и сейчас от массы никак не зависят. Мне как писателю хочется разобраться, на какой почве возник культ личности, какие социальные причины его породили? Нельзя ведь объяснять все личными свойствами Сталина…»[51]

Выступая на некоторых партийных активах после XX съезда, Хрущёв не стыдился говорить, что он знал многое о неблаговидных делах, творившихся при Сталине, но боялся поднять голос протеста. На одном из активов он получил из зала такую записку: «Как вы, члены Политбюро, могли допустить, чтобы в стране совершались столь тяжкие преступления?» Хрущёв громко прочитал её и спросил: «Записка не подписана. Кто её написал — встаньте!» Никто в зале не поднялся. «Тот, кто написал эту записку, — сказал Хрущёв, — боится. Ну вот и мы все боялись выступить против Сталина». Это был, конечно, неполный, но всё же честный ответ. Многим членам Президиума ЦК было труднее на него ответить, тем более что они поддерживали Сталина ещё с середины 20-х годов.

Нажим внутри руководства на Хрущёва возрастал, и он не всегда мог противиться этому нажиму. Уже в апреле и мае 1956 года многие из попыток углубить критику культа Сталина стали решительно пресекаться. Один из старых большевиков, выступивших на партийной конференции Ленинградского

университета с большой речью о преступлениях Сталина, через несколько дней был исключён из партии. Преподавателя марксизма, попытавшегося в одной из лекций затронуть вопрос о причинах, породивших культ личности, вызвали в горком партии и строго наказали. В «Правде» перепечатали статью из китайской газеты «Жэньминь жибао», в которой утверждалось, что заслуг у Сталина гораздо больше, чем ошибок, и что многие из них могут быть даже полезными, так как они «обогащают» исторический опыт диктатуры пролетариата. Автором статьи, как говорили в партийных кругах, был сам Мао Цзэдун. 30 июня 1956 года ЦК КПСС принял постановление «О преодолении культа личности и его последствий», которое опубликовали все газеты. Это постановление и по содержанию, и по формулировкам явилось шагом назад в сравнении с докладом Хрущёва на XX съезде. Да и сам Хрущёв в ряде своих публичных речей говорил теперь, что Сталин — это великий революционер и великий марксист-ленинец и партия не позволит «отдать имя Сталина врагам коммунизма».

Но повернуть вспять движение, начатое XX съездом, не удалось. Весной и летом 1956 года в нашей стране происходили события, во всех отношениях более важные, чем те или иные статьи или заявления, хотя об этих событиях ничего нельзя было прочесть в газетах или журналах. Главным по своей важности политическим и социальным процессом было массовое освобождение почти всех политических заключённых из лагерей и мест «вечной ссылки». Одновременно происходил столь же массовый и быстрый пересмотр дел и реабилитация большинства погибших в 1937 — 1955 годах узников лагерей и тюрем. Рушились стены Гулага на Колыме, Воркуте, в Карелии, Сибири, Казахстане, на Урале, в Мордовии.

Прежний порядок реабилитации отменялся. По предложению Хрущёва было создано более 90 специальных комиссий, которые имели право рассматривать дела заключённых непосредственно в лагерях или в местах их поселения. В комиссию включались один работник прокуратуры, один представитель из аппарата ЦК КПСС и один из уже реабилитированных членов партии. Комиссия временно наделялась правами Президиума Верховного Совета и могла производить реабилитацию, помилование, снижение сроков заключения. Решение не нуждалось в утверждении и вступало в силу немедленно. Ещё до начала работы комиссий телеграфным распоряжением из Москвы были реабилитированы и освобождены люди, которые находились в заключении по обвинению в критических отзывах о Сталине, распространении анекдотов о Сталине и аналогичных делах.

Специальные комиссии работали на местах несколько месяцев. Дела заключённых разбирались быстро; для этого чаще всего достаточно было краткой беседы с самим заключённым и непродолжительного знакомства с его делом. Уже к концу лета 1956 года из ссылки и лагерей вышли на волю бывшие члены партии и члены семей погибших коммунистов, а также узники лагерей, у которых кончились сроки заключения, но их незаконно продолжали держать под стражей. В более сложных случаях этих людей освобождали без реабилитации, как «отбывших срок заключения», предлагая добиваться реабилитации позднее в индивидуальном порядке. Освобождались беспартийные, ложно осуждённые в «антисоветской деятельности». Получили свободу и немногие оставшиеся в живых члены партий меньшевиков, анархистов, социалистов-революционеров, которые находились в тюрьмах, лагерях и ссылке часто по 25 — 30 лет. В эти же месяцы реабилитировались и все военнопленные и «перемещённые» лица, не запятнавшие себя сотрудничеством с врагом.

Возвращение к своим семьям, в родные места миллионов узников лагерей и реабилитация миллионов погибших жертв сталинского террора были с точки зрения внутренней жизни СССР не менее важными событиями, чем XX съезд партии. Хрущёв обязал все органы власти проявлять максимальное внимание к реабилитированным. При необходимости им в первую очередь предоставлялась жилплощадь, работа, оформлялась пенсия. Мы знаем случай, когда три женщины, не будучи родственницами, провели 17 лет заключения в одном лагере, спали на одних нарах, работали рядом. Они хотели получить в Москве квартиру из трёх изолированных комнат, чтобы не расставаться и после реабилитации. Но только одна из женщин имела право на московскую прописку. Они обратились к Хрущёву, и тот лично распорядился удовлетворить их просьбу.

Справедливости ради надо отметить, что работа по реабилитации шла недостаточно активно. Реабилитация расстрелянных и умерших заключённых проводилась, как правило, только по заявлению родственников или друзей. Если по делу не поступало заявления, то его и не разбирали. Когда такая реабилитация всё же производилась (например, по групповым делам), то никто не разыскивал родственников или детей умершего, чтобы сообщить о реабилитации и выдать небольшую компенсацию. Не проводилась формальная реабилитация участников оппозиционных течений 20-х годов и членов других партий, хотя они и освобождались из заключения. Не проводился пересмотр фальсифицированных процессов 30-х годов. Жена Н. Н. Крестинского в течение 7 лет после XX съезда добивалась

реабилитации мужа, проходившего по процессу вместе с Бухариным. Когда ей, наконец, сообщили, что муж реабилитирован и восстановлен в партии, она умерла от инфаркта, упав на пол рядом с телефонным аппаратом. Жена Бухарина не смогла добиться реабилитации мужа и через 25 лет после XX съезда. Не были реабилитированы тогда Томский, Рыков, Зиновьев, Радек, Каменев, Пятаков, Шляпников, Рязанов и десятки других виднейших деятелей партии, активных участников революции и гражданской войны.

Большинство дел заключённых после их реабилитации сжигалось в местах заключения. Вместо бесчисленных протоколов допросов и доносов оставалась короткая справка о реабилитации. Никто не привлекал к ответственности следователей НКВД, проводивших «дознание» с применением пыток, начальников лагерей и тюрем, надзирателей, известных своим жестоким обращением с заключёнными. Не обнародовались имена доносчиков и клеветников. Лишь в редких, получивших огласку случаях отдельные работники НКВД — МГБ получили партийные взыскания «за превышение власти», «за применение недозволенных методов следствия», «за необоснованные обвинения».

Когда стали возвращаться домой бывшие заключённые, многих доносчиков и следователей охватила паника. Наблюдались случаи помешательства и даже самоубийства. Бывший следователь НКВД, ставший полковником, узнав на улице своего подследственного, упал перед ним на колени и умолял о прощении. Другой следователь, узнав в соседе по больничной палате свою жертву, умер от сердечного приступа. Но были и другие примеры. Когда реабилитированный директор школы после многолетнего заключения пришёл в Министерство просвещения Северной Осетии и узнал в министре своего следователя, то инфаркт случился не у бывшего следователя, а у бывшего директора. В Киеве реабилитированный офицер, встретив садиста-следователя, застрелил его из револьвера. Но такие случаи крайне редки, и беспокойство среди ушедших на пенсию работников НКВД быстро улеглось. Большинство заключённых давно уже покоились в братских могилах с деревянной биркой на ноге.

Впрочем, большинство из тех, кто вернулся, испытывало в первые годы не столько гнев или жажду мести, сколько страх перед возможным новым арестом. Люди боялись рассказывать друзьям и близким о перенесённых страданиях. Многим казалось, что за ними следят, что их телефоны прослушиваются, что их окружают доносчики. От этой мании преследования быстрее

избавлялись те, кого впервые арестовали после войны и кто провёл в лагерях 5 — 8 лет и не пережил самых страшных для Гулага 1937 — 1945 годов. Они быстрее включались в прежнюю работу. Но те, кто провёл в заключении 17 — 20 лет, оказались. психологически сломленными, их здоровье было подорвано. Они не стремились к политической активности. Бывший первый секретарь одного из обкомов в Казахстане Н. Кузнецов пошёл на работу простым лесником. Он избегал людей. После XX съезда редко кто решался писать мемуары или воспоминания о лагерях. Лишь несколько человек начали это делать, но в глубокой тайне. Одна возможность свободно ходить по улицам города, бывать на юге, есть досыта, в том числе мясо, фрукты, конфеты, мороженое, ходить в кино и театр, мыться в ванной — всё это казалось многим из недавних заключённых огромным счастьем. К тому же и власти отнюдь не стремились привлекать бывших заключённых к активной работе. Можно пересчитать по пальцам лагерников, которые вернулись на работу в партийный и государственный аппарат. И лишь единицы пытались бороться за восстановление исторической правды и наказание активных участников репрессий. Такую попытку сделал философ П. И. Шабалкин, но его никто не хотел слушать. Много заявлений поступило в ЦК по поводу преступлений А. Я. Свердлова, сына Я. М. Свердлова. Андрей Свердлов долгое время был следователем НКВД и лично пытал заключённых, в том числе детей видных партийных работников, детей, с которыми он сам учился в особой «кремлёвской» школе'. Но все заявления против него оставались без последствий. Вернувшийся из заключения генерал А. И. Тодорский много энергии отдавал борьбе против фальсификации истории гражданской войны и восстановлению доброго имени видных военачальников. Его усилия обычно наталкивались на сопротивление партийного аппарата. Ссылались неофициально на слова Хрущёва о том, что партия не может устраивать варфоломеевских ночей. Когда к Хрущёву обратились за разъяснениями, он откровенно сказал, что если привлекать к ответственности всех, кто прямо или косвенно участвовал в преступлениях Сталина, то придётся отправить в заключение больше людей, чем освободилось при реабилитации. Поэт С. Липкин писал в то время:

Ещё мы были много лет готовы
Ждать, помнить тех, кто нёс тяжёлый крест,
Но возвращаются из ссылки вдовы,
Уехавшие в возрасте невест.
Страна присутствует на читках громких.

Мы узнаем ту правду, что в потёмках,
В застенке, в пепле, в урнах гробовых,
Была жива, росла среди живых.
И вот в её словах мы слышим ёмких,
На четверть века взятых под арест:
Теперь им волю дал двадцатый съезд[52].

Более точно и кратко о том же написал анонимный поэт:

Без траурных флагов на башнях казённых,
Без поминальных свечей и речей
Россия простила невинно казнённых,
Казнённых простила и их палачей.

Деятельность комиссий при ЦК КПСС продолжалась и после массовых реабилитаций. Проводилось расследование обвинений, предъявленных группе Тухачевского, обвинений, предъявленных в годы войны целым народностям СССР. Эта работа шла медленно. Если в первые недели после XX съезда во многих городах сносились памятники Сталину, то к концу года подобные акции были запрещены. Хрущёв ещё раз заявил, что советский народ будет помнить Сталина и воздавать ему должное и что термин «сталинизм» придумали враги социализма. Тело Сталина продолжало покоиться в Мавзолее рядом с телом Ленина.

2. 1956 год. Проблемы внешней политики

Год XX съезда был чрезвычайно сложным и в области внешней политики СССР. Съезд обнаружил первые трещины в отношениях между СССР и КНР. Чтобы разъяснить политику КПСС и решить ряд экономических проблем, в Китай вылетела представительная советская делегация во главе с А. И. Микояном. Кроме ранее оговорённых проектов Советский Союз принял обязательство помочь строительству ещё 55 предприятий.

В апреле 1956 года Н. Хрущёв и Н. Булганин предприняли первый государственный визит в одну из крупных стран Запада — Великобританию. Он не предполагал никакого соглашения, был объявлен визитом доброй воли. До Калининграда Хрущёв и Булганин ехали поездом. После прогулки по городу они перешли на крейсер «Орджоникидзе», который через день бросил якорь у берегов Англии. Хрущёв с интересом знакомился со страной. Кроме Лондона, он побывал и в других крупных городах. Булганина и Хрущёва приняла королева Елизавета II, несколько раз они встречались с премьером А. Иденом. На одном из обедов, устроенных в честь советских гостей, место рядом с Хрущёвым отвели для Уинстона Черчилля, ещё совсем недавно оставившего пост премьер-министра. Хрущёв и Черчилль оживлённо беседовали друг с другом более полутора часов. Итальянский журналист Доменико Бертоли позднее писал о визите Хрущёва в Англию: «Трижды мне удавалось вблизи увидеть Никиту Сергеевича Хрущёва, который более десяти лет руководил коммунистическим движением и советским миром. Впервые это произошло в Англии в 1956 году. Он был с Булганиным… Низенькие, толстые, одетые причудливым образом в широченнейших брюках и пиджаках, которые казались деформированными, они ходили всегда вместе, внимательно следя за тем, чтобы не обогнать друг друга. На вокзале Виктория премьер-министр Идеи приветствовал их с высоты своей спеси в метр восемьдесят пять. В Оксфорде оба были радостно приняты студентами, хором кричавшими „Пуур олд Джо“ (Бедный старый Сосо), намекая на антисталинскую кампанию, которая только началась. Оба русских приветливо улыбались и делали знаки приветствия студентам. Улыбки исчезли с их лиц, когда им было сообщено о содержании стольких криков и аплодисментов. В одном из великолепных зданий университета посетители обнаружили, что бюсты старинных ректоров и знаменитых учёных загримированы так, что походили на тирана, исчезнувшего три года назад, нахмуренного, в усищах и с наградами на груди»[53].

Об одной из встреч с Хрущёвым вспоминал позднее и Чарли Чаплин. В «Автобиографии» этого великого артиста можно прочесть: «В один из наших приездов в Лондон пришло уведомление, что на приёме, который устраивало советское посольство в отеле „Клэридж“, с нами хотели бы встретиться Хрущёв и Булганин. Когда мы прибыли, народу было уже столько, что трудно было войти. С помощью сотрудника посольства стали пробираться сквозь экзальтированную толпу. Вдруг увидели, что с противоположной стороны также пытаются пробиться Хрущёв и Булганин — но потом им, видно, надоело, и они оставили затею переплыть это людское море. Хрущёв, хотя и раздражённый суетой, пытался шутить. Потом стал подвигаться к выходу, и наш сопровождающий вынужден был окликнуть его. Хрущёв от него отмахнулся, видимо, с него было достаточно. И тут сопровождающий закричал: „Чарли Чаплин!“ Булганин и Хрущёв остановились и повернули назад, приветливо улыбаясь. Я был польщён. Нас представили — прямо в этой толкучке. Через переводчика Хрущёв сказал что-то о том, как русские любят мои фильмы, потом нам предложили водки. Мне показалось, что туда высыпали целую перечницу, но Уне понравилось. Нам удалось стать в кружок, и так нас даже сфотографировали. Из-за шума я не мог произнести ни слова.

— Давайте выйдем отсюда, — сказал Хрущёв. Толпа поняла наши намерения, и последовало настоящее сражение. С помощью четырёх человек мы пробирались в небольшую залу. Как только оказались там, Хрущёв и все мы облегчённо — «фью-у» — вздохнули. Я наконец мог собраться с мыслями и начать разговор. Хрущёв только что произнёс великолепную речь о том, что прибыл в Лондон с добрыми намерениями. Это было как луч света, и я сказал ему об этом, сказал, что у миллионов людей во всём мире появляется надежда…

Вскоре ему сообщили, что на приёме присутствует Гарольд Стассен, который просит несколько минут для беседы. Хрущёв повернулся ко мне и пошутил:

— Вы не будете возражать, ведь он — американец.

— Конечно, нет, — рассмеялся я. Потом в дверь протиснулись г-н и г-жа Стассен… Хрущёв извинился, сказал, что отлучится ненадолго, — и отошёл в дальний конец комнаты… Через некоторое время я сообразил, что беседа скоро не закончится, и мы с Уной поднялись. Когда Хрущёв это заметил, он оставил Стассена и подошёл попрощаться. Мы пожали друг другу руки. Стассен быстро отвёл глаза. Он стоял, опершись о стену, и старался смотреть прямо перед собой, как будто это его не касается. Я попрощался со всеми, игнорируя Стассена, что, как

мне казалось, выглядело, сообразно обстоятельствам, очень дипломатично…

На следующий вечер Уна и я ужинали в «Савое». Посреди десерта вошли и остановились около нашего столика сэр Уинстон Черчилль и леди Черчилль… Я не видел сэра Уинстона с 1913 года… Но после того как в Лондоне пошли «Огни рампы», со мной связались наши прокатчики из «Юнайтед артистс» и попросили разрешения показать фильм в доме сэра Уинстона. Конечно, я был польщён. Через несколько дней пришла записка с выражением благодарности. Он писал, что получил истинное наслаждение. И теперь сэр Уинстон стоял перед нашим столиком, совсем рядом. — Так, — сказал сэр Уинстон. И в этом «так» послышалось что-то неодобрительное. Я быстро поднялся навстречу, улыбаясь, и представил Уну… Леди Черчилль сказала, что прочла в газетах о моей встрече с Хрущёвым.

— Мы всегда отлично ладили с Хрущёвым, — заметил сэр Уинстон.

Но меня не покидало чувство, что сэр Уинстон погружён в глубокую печаль. Конечно, с 1913 года много воды утекло. Его неукротимая смелость и вдохновенное красноречие спасли Англию, но, по моему мнению, он ничего не достиг своей фултонской речью (воздвигнувшей «железный занавес»), кроме того, что началась «холодная война»[54].

Визит Хрущёва в Англию был омрачён странным эпизодом: подводный пловец Граббе по заданию разведывательной службы пытался обследовать корпус крейсера «Орджоникидзе». Пловец исчез, и его судьба остаётся тайной до настоящего времени.

В мае 1956 года в Москве находилась французская правительственная делегация во главе с премьер-министром Ги-Молле.

Эти встречи не смогли, однако, улучшить отношений между Францией, Англией и СССР. Как раз летом 1956 года Египет, возглавляемый Г. А. Насером, национализировал Суэцкий канал. Акция, поддержанная Советским Союзом, вызвала напряжённость в регионе.

На июнь 1956 года был намечен визит И. Б. Тито в СССР. К тому времени углубились разногласия между Хрущёвым и Молотовым по вопросам внешней политики. Хрущёв внёс в эту область новый стиль, основанный на личных контактах глав государств. Молотов не сопровождал Хрущёва и Булганина в поездках в Индию, Югославию, Англию, он не ездил даже на встречу глав государств, состоявшуюся в Женеве, где присутствовали министры иностранных дел западных государств. Он сдержанно относился к слишком тесному сближению с

Югославией. Такая ситуация не могла продолжаться долго. Не случайно поэтому, что в тот самый день, когда Тито пересёк границу Украины, в газетах появилось сообщение о том, что Молотов освобождён от обязанностей министра иностранных дел СССР. На этот пост назначался недавний редактор «Правды» Д. Т. Шепилов. Молотов остался заместителем Председателя Совета Министров СССР.

И. Б. Тито торжественно встречали в Москве. Сотни тысяч москвичей вышли на улицы, чтобы приветствовать Хрущёва, Булганина и Тито. Обычно после переговоров в Москве лидеры иностранных государств отправлялись в поездку по стране в сопровождении советских официальных лиц. Чтобы продемонстрировать особое внимание к гостю, в данную поездку с Тито отправился сам Хрущёв. После возвращения в Москву Тито и Хрущёв подписали Коммюнике о возобновлении отношений между Союзом коммунистов Югославии и КПСС.

Весной и летом 1956 года Москва встречала руководителей Кореи во главе с Ким Ирсеном, руководителей Камбоджи во главе с Нородомом Сианук, шаха Ирана Реза Пехлеви, премьера ГДР Отто Гротеволя, генерального секретаря ООН Дага Хаммершельда. Особенно торжественно встречали в Москве президента Индонезии и героя борьбы за национальное освобождение этой страны — Сукарно.

Осень 1956 года была тревожной.

Разоблачение Сталина на XX съезде вызвало кризис в некоторых странах народной демократии. Сравнительно легко он протекал в Болгарии. Новое руководство Болгарии во главе с Тодором Живковым освободило всех политзаключённых, реабилитировало незаслуженно осуждённых и во многих случаях расстрелянных коммунистов, объявило незаконным фальсифицированный судебный процесс по делу Трайчо Костова, которому посмертно присвоили звание Героя.

Иное положение сложилось в Польше. Ставленник Сталина в этой стране Болеслав Берут, ответственный за многие злоупотребления, умер в марте 1956 года. В Польше в это время уже шли бурные политические дискуссии, порождённые XX съездом. Хрущёв прилетел в Варшаву на похороны Берута, но неожиданно остался ещё на несколько дней, чтобы принять участие в VI пленуме ПОРП. Более того, Хрущёв открыл этот пленум большой речью, в которой повторил основные положения своего доклада на XX съезде КПСС. Во время перерывов он довольно свободно беседовал с ведущими членами ЦК ПОРП и с её новым Первым секретарём ЦК Э. Охабом. Однако новое польское руководство не смогло сохранить контроль в стране.

Рабочие повсюду выражали открыто своё недовольство. Крайне напряжённое положение сложилось в Лодзи, в Силезии, конфликты множились, и их не успевали даже рассматривать на Политбюро. Наиболее крупные демонстрации произошли в Познани, и положение в городе и округе вышло из-под контроля. Демонстранты открыли местную тюрьму, чтобы освободить своих ранее арестованных делегатов, но по версии властей при этом на свободу вышло также много уголовников. Растерявшееся познаньское руководство отдало приказ стрелять, и по рабочим демонстрациям открыли огонь из пулемётов. Расстрел рабочих в Познани потряс страну и ещё более обострил положение. Непрерывно заседало Политбюро. Шли переговоры об обновлении руководства ПОРП и возвращении В. Гомулки к политической жизни в стране. В июле состоялся VII пленум ЦК ПОРП, который исключил из ЦК наиболее одиозных руководителей и избрал в состав Политбюро новых, более популярных деятелей партии, среди которых был и Эдвард Герек. Из заключения вышли В. Гомулка, М. Спыкальский и многие другие партийные и общественные деятели, а обвинения, предъявленные им ещё в 1949 году, были признаны необоснованными. Но политическое положение в стране продолжало обостряться. Не было единства внутри ПОРП, быстро активизировались и политические противники ПОРП. Требование о возвращении В. Гомулки к власти становилось требованием большинства нации. Противиться ему было бы неразумным, и в октябре 1956 годав Польше собрался новый пленум ПОРП, который кооптировал Гомулку и некоторых из его соратников в состав ЦК. Это известие крайне обеспокоило руководителей ЦК КПСС.

Для понимания поведения Хрущёва в дни польского, а также венгерского кризисов важно иметь в виду, что в 1956 году и в Президиуме ЦК КПСС, и за его пределами уже начала складываться оппозиция Хрущёву, которая стремилась использовать любую его оплошность или неудачу. Хрущёв не мог ещё решать многие вопросы единолично и игнорировать давление, которое оказывали на него наиболее консервативные члены партийного руководства. Эти очень влиятельные люди связывали кризис в Польше и Венгрии с «секретным» докладом Хрущёва, который, по их мнению, и нанёс громадный ущерб мировому коммунистическому движению и ведущему положению СССР. Оппозиция. Хрущёву явно находила поддержку и среди китайских лидеров. К тому же и сам Хрущёв был глубоко убеждён, что социалистический лагерь не может потерять Польшу и Венгрию по политическим и стратегическим соображениям.

Поэтому он развил осенью 1956 года чрезвычайно энергичную деятельность.

Как только в Москве узнали о том, что Гомулка кооптирован в состав ЦК ПОРП и активно участвует в работе пленума, Хрущёв понял, что речь идёт о возвращении Гомулки к власти. Что могло это означать для Польши, где происходили волнения рабочих и распадались и без того немногочисленные колхозы? Что могло это означать и для советско-польских отношений? Хрущёв договорился о немедленном прибытии в Варшаву советской делегации, в состав которой вошли Хрущёв, Микоян, Молотов и Каганович. В спешке ни в Москве, ни в Варшаве не успели предупредить пограничников, и навстречу самолёту Хрущёва поднялись польские истребители. Выяснив, что речь идёт о партийной делегации, они пропустили самолёт.

Н. С. Хрущёв летел в Варшаву без официального приглашения уже во время работы VIII пленума ЦК ПОРП. На аэродроме встречать его срочно выехал Охаб, Гомулка, Циранкевич, Завадский и некоторые другие. Выйдя из самолёта, Никита Сергеевич погрозил кулаком польским руководителям и пошёл сначала здороваться с советскими генералами, которые также прибыли на встречу с Хрущёвым. Охаб осмелился открыто сделать замечание Хрущёву. «В польской столице мы хозяева, — сказал Охаб, — и нечего устраивать представления». Острый спор продолжался и в Бельведере, куда поляки приглашали наиболее дорогих гостей. Вначале беседа была очень острой, и Хрущёв не удержался от некоторых грубостей и угроз, включая и угрозу интервенции. Но постепенно страсти улеглись, и обстановка разрядилась. Польские руководители сумели убедить Хрущёва и всю советскую делегацию, что только быстрая смена руководства ЦК ПОРП, а также широкие уступки польским рабочим, требующим создания рабочих советов на предприятиях, и польским крестьянам, требующим роспуска поспешно созданных колхозов, позволит партии сохранить общий контроль за положением в стране. Речь шла также о расширении в Польше свободы слова, собраний и манифестаций. У советских гостей не было иного выхода, как согласиться на перемены с условием, что Польша останется прочным союзником СССР.

Более драматическим и сложным оказался кризис в Венгрии. Прежнее партийное руководство здесь просто распалось, потеряв доверие народа. Командование армии утратило контроль над вооружёнными силами, а органы безопасности перестали функционировать. К власти пришло правительство Имре Надя, недавно восстановленного в коммунистической партии, но не желавшего идти на компромисс с другими её лидерами.

Политическое брожение в стране переросло в национально-демократическую революцию, которая, однако, быстро стала перерождаться в антисоциалистическую. Состав правительства постоянно менялся за счёт включения в него представителей быстро возрождавшихся некоммунистических партий. В Венгрию возвращались десятки тысяч недавних политических эмигрантов, границы страны оказались фактически открыты. По требованию Имре Надя советские войска покинули Будапешт, но остались в Венгрии. Однако правительство не сумело обеспечить контроль за стихийно развёртывающимися событиями. В городе начались убийства недавних работников органов безопасности и расправы над отдельными партийными функционерами. Были разгромлены учреждения коммунистической партии, коммунисты, защищавшие здание горкома партии, погибли.

Тревога в Москве по поводу событий в Венгрии нарастала, и заседания Президиума ЦК происходили почти ежедневно. Для консультации и координации действий в СССР прибыл второй по влиянию лидер КНР Лю Шаоци. Ни Хрущёв, ни другие советские лидеры не имели вначале ясного мнения. На территории Венгрии находились М. Суслов, А. Микоян и Г. Жуков. В Будапеште продолжало функционировать посольство СССР, возглавляемое Ю. Андроповым. Через границу в Венгрию перебрасывались новые советские дивизии. В конце концов Хрущёв принял решение о необходимости вооружённого вмешательства. Но он хотел заручиться согласием других социалистических стран, и особенно Югославии. Слишком много энергии Хрущёв затратил на нормализацию отношений с этой страной, чтобы вновь потерять надежду на вхождение Югославии в лагерь социалистических стран. Надо было также найти контакт с такими видными политическими деятелями Венгрии, которые согласились бы возглавить новое правительство и обновлённую коммунистическую партию. Хрущёв и Маленков вылетели в Румынию и быстро достигли согласия на вмешательство в дела Венгрии. Из Бухареста Хрущёв решил лететь к Тито на Брионские острова. Погода оказалась нелётной, но он слишком спешил, чтобы считаться с погодой. Позднее он вспоминал: «Я много летал, всю войну самолётом пользовался и после войны, но в таких тяжёлых переплётах перелёта я никогда не был. Самолётом управлял очень опытный лётчик — генерал Цыбин, и он тоже доложил, что условия очень тяжёлые… Мы летели на Брионские острова, оборудования никакого не было, это примитивный, военного времени аэродром, да и наш самолёт не был вооружён радиолокационным оборудованием. Но здесь уж мастерство тов. Цыбина дало ему возможность, и он благополучно приземлился.

Тут же нас ожидал автомобиль, мы пересели с самолёта в автомобиль и поехали к пристани, чтобы на катере поехать на остров Бриони, где находился тов. Тито… Мы приехали на остров Бриони. Там нас уже ожидал маршал Тито, он нас радушно принял… Приехали мы в Бриони, где размещался Тито, и доложили ему, зачем мы приехали, и поставили перед ним вопрос, как мы его понимали и как мы хотели его решить, и мнение Тито. Как быть? Я ожидал, что нам придётся сложную атаку выдержать со стороны Тито и более сложную в сравнении с тем, как эти вопросы обсуждали с польскими товарищами. И тут мы неожиданно были приятно поражены. Тито сказал, что абсолютно правильно и надо немедленно пустить в ход войска, оказать помощь Венгрии и разгромить контрреволюцию. Начал горячо доказывать необходимость этого мероприятия. Следовательно, весь наш заряд, который мы готовили, ожидая, что будет какое-то сопротивление и поэтому будет необходимо нам доказывать, а может, сложится и так, что мы уедем, не договорившись до единого понимания, и это ещё больше осложнило бы наше положение, — весь наш заряд копили зря, и вдруг мы получили такое полное признание и поддержку и даже, я бы сказал, такое подталкивание на быстрые и решительные действия в этом вопросе»[55].

В это самое время группа видных венгерских коммунистов во главе с Яношем Кадаром, Анталом Апро и Ференцем Миннихом дала согласие образовать в противовес правительству Имре Надя новое «Революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии». Договорённость с Тито снимала последние колебания. Хрущёв с согласия других членов Президиума ЦК приказал немедленно подавить восстание в Будапеште. Г. Жуков планировал военные действия против восставших в свойственной ему стратегической манере — массированное применение танков и артиллерии, а также мотомеханизированных и пехотных подразделений. Силы были настолько неравны, что восстание было быстро подавлено.

Часть правительства Имре Надя бежала из страны. Кардинал Венгрии Миндсенти, принимавший активное участие в восстании, нашёл приют в американском посольстве, где он потом жил безвыездно много лет. Имре Надь и некоторые из его сподвижников укрылись в югославском посольстве. Имре Надь обратился к Югославии с просьбой о политическом убежище. Тито, получив сообщение об этом, решил удовлетворить просьбу И. Надя. Посольство заручилось согласием местных советских военных властей разрешить проезд автобуса с венгерскими политиками в Югославию. Тем не менее автобус, в котором

находился Имре Надь, был задержан, а сам он арестован. Тито был возмущён. Узнав об аресте Имре Надя, он поручил послу Югославии в Москве провести немедленные переговоры об его освобождении. Посол Микунович встретился с Хрущёвым, но тот не желал вести какие-либо переговоры. В г. Пуле Тито произнёс свою известную речь, в которой обвинил советских руководителей в вероломстве и назвал их всех «сталинистами». Речь вызвала замешательство и гнев в Кремле. Уже в 1977 году Велко Микунович издал в Загребе исключительно интересную книгу «Московский дневник», которая была переведена во всех крупных странах Запада[56]. Микунович подробно записал в своём дневнике содержание очень резкого разговора, который произошёл у него в Кремле с Хрущёвым, Молотовым, Маленковым и Булганиным. Однако после этого грубого разговора Хрущёв предложил Микуновичу подвезти его к югославскому посольству на машине и немного времени спустя в переулке, где располагалось югославское посольство, под шум включённого мотора в морозную ноябрьскую ночь Хрущёв беседовал с Микуновичем, пытаясь доказать ему большой вред от той позиции, которую неожиданно занял И. Б. Тито. Въезд и выезд из переулка были перекрыты машинами КГБ, так что Хрущёв и Микунович могли разговаривать несколько часов[57]. Но Тито не изменил своей позиции, и советско-югославские отношения были значительно ухудшены.

Одновременно с польским и венгерским кризисами развивался острый военно-политический кризис на Ближнем Востоке, где Израиль, а затем Англия и Франция начали военные действия против Египта. Египетская армия сопротивлялась, но у неё ещё не было современного оружия. США заявили о нейтралитете. Большинство членов Совета Безопасности высказались за немедленное прекращение военных действий, но Англия и Франция наложили вето на решение Совета Безопасности. Может быть, решающее значение в развитии конфликта имело то обстоятельство, что СССР не только опубликовал ряд заявлений в поддержку Египта, но и предупредил насчёт возможной военной поддержки Египту. ТАСС объявил, что большое число советских граждан выражают желание отправиться добровольцами для участия в отражении Египтом внешней агрессии. Недавние действия советской армии в Венгрии и не забытая ещё война с китайскими «добровольцами» в Корее показывали, что речь шла отнюдь не о блефе. Возможное появление советских войск на Ближнем Востоке встревожило США. Оказавшись в изоляции, Англия и Франция отдали приказ своим войскам прекратить военные действия и уйти из зоны

Суэцкого канала. Это явилось политическим поражением, вынудившим А. Идена подать в отставку и уже навсегда покинуть политическую арену.

К концу ноября Хрущёв мог считать, что главные внешнеполитические кризисы успешно преодолены. Но и издержки были немалые. Отношения с Югославией испорчены. СССР принял на себя слишком большие политические, военные и экономические обязательства на Ближнем Востоке. Все они требовали громадных средств и тормозили развитие советской экономики.

Несмотря на драматические события в Польше и Венгрии, именно после 1956 года произошло существенное изменение многих важнейших принципов, регулировавших ранее отношения между СССР и странами Восточной Европы. Степень свободы социалистических стран в решении внутренних и внешних проблем заметно возросла. Эти сдвиги стали не только признавать, но и использовать некоторые активные противники коммунизма. Видный сотрудник Института исследований коммунистических стран при Колумбийском университете в США, назначенный в 1981 году директором радиостанции «Свободная Европа», Д. Ф. Браун писал: «Попытки Хрущёва создать в Восточной Европе жёстко связанную и всё же подвижную систему, как и отдельные его успехи в этом направлении, хорошо известны… Хрущёв по-новому сформулировал теоретические принципы равенства в отношениях между правительствами социалистических государств. Исходя из этих принципов, он рассматривал Варшавский Договор и Совет Экономической Взаимопомощи как орудия обеспечения более прочной „жёсткой связи“ как между СССР и странами Восточной Европы, так и между ними самими. В то же время Хрущёв более энергично по сравнению с его предшественниками и преемниками подчёркивал необходимость подвижности стран Восточной Европы, которую считал столь же важной для достижения советских целей, как и „жёсткую связь“… Несмотря на противоречия между концепциями Хрущёва и его необычными методами, следует признать, что он всё же старался оживить коммунистическую систему, сделав её более привлекательной и более устойчивой. Ломая жёсткие рамки сталинской системы, Хрущёв проводил такую же политику непосредственно в СССР. И это косвенно влияло на внутриполитическое положение стран Восточной Европы.

Влияние хрущёвских мероприятий в странах Восточной Европы было огромным — как в области межгосударственных отношений, так и во внутренней политике. Восточноевропейские государства постепенно начали приучаться защищать свои

права… по крайней мере эти страны могли отстаивать свои отличия в масштабах, которые при Сталине были немыслимы… При Хрущёве возник климат, благодаря которому руководство стран Восточной Европы (а в некоторых случаях он сам настоял на переменах в их руководстве) могло добиться в отношениях с Советским Союзом определённой автономии. Тем самым восточный блок приобрёл некоторые типичные черты межгосударственных союзов — он мог оказывать давление на своего основного партнёра — СССР, мог вести с ним переговоры. Достигнутая странами Восточной Европы автономия стимулировала перемены в их внутренней политике»[58].

3. О некоторых проблемах внутренней политики

Материальный уровень жизни советских людей в 1956 — 1957 годах явно улучшился. Правда, 1 апреля 1956 года не было произведено традиционного «первоапрельского» снижения цен. Крупные государственные субсидии использовались для других социальных проблем. Рабочий день в предпраздничные и предвыходные дни сокращался на 2 часа. Укороченная рабочая неделя вводилась для подростков 16 — 17 лет. Зарплата при этом не снижалась. Увеличивались отпуска по беременности и родам. После отмены раздельного обучения мальчиков и девочек в средней школе отменялась и введённая при Сталине плата за обучение в старших классах средних школ, а также в высших и средних специальных учебных заведениях. Крупнейшим социальным мероприятием явился новый Закон о государственных пенсиях рабочим и служащим. Разумеется, все рабочие и служащие и раньше имели право на пенсии по старости, инвалидности, потере кормильца. Но размеры их не пересматривались с довоенного времени, тогда как розничные цены и заработная плата заметно возросли. Для пенсионеров часто оказывалось невозможным обеспечить себе даже самый нищенский уровень жизни. Новый Закон о пенсиях, принятый июльской сессией Верховного Совета СССР, значительно увеличивал все виды пенсионного обеспечения.

К началу августа 1956 года стало ясно, что целина на 30 миллионах гектаров даст стране рекордный урожай. Для Хрущёва это был и желанный политический успех, так как политика крупных капиталовложений на целине подвергалась все более настойчивой критике среди части Президиума ЦК. Хрущёв совершил поездку по целинным районам. Он обсуждал проблему сохранения урожая, потому что на целине было мало хороших дорог и зернохранилищ. Сибирь и Казахстан сдали государству более двух миллиардов пудов зерна. В целом по стране сбор зерна составил 127 миллионов тонн, а заготовки — 57 миллионов. Для того времени — рекордные цифры, среднегодовой сбор зерна в 1949 — 1953 годах составлял 81 миллион тонн, а заготовки — 33 миллиона тонн.

Неплохими оказались итоги в промышленности — прирост производства составил 11 %. Менялся облик Москвы, где быстрыми темпами развивалось жилищное строительство. Как писал недавно журналист Лев Колодный, «стремительное

преобразование юго-западных окраин началось в середине пятидесятых годов, после того как в Москве развернулось массовое строительство жилых домов по типовым проектам. На землях села Черёмушки, вокруг древней подмосковной усадьбы Черёмушки с замечательным дворцом, „Эрмитажем“, конным двором — ансамблем, достойным быть музейным, началось небывалое по масштабам и темпам возведение зданий: пятиэтажных — протяжённых и девятиэтажных — башен, напоминающих своим видом коробки, машины для жилья. И строились они, как машины, из деталей заводского изготовления, блоков и панелей, вытеснивших послуживший сотни лет кирпич… Случилось прежде небывалое: дома, магазины, школы, сады — все появлялось разом, быстро, не для избранных. То было событие, взволновавшее простых людей и великих: Дмитрий Шостакович даже написал музыку оперетты с названием „Москва, Черёмушки“.

К жилым кварталам в ударном порядке проложили подземную линию метрополитена, и вскоре Черёмушки стали символом социальной справедливости, поразив современников размахом и динамизмом. После XX съезда партии, предопределившего эти перемены, начиная с 1956 года, в Москве прибавлялось ежегодно по четыре-пять миллионов квадратных метров жилой площади, в десять раз более того, что строилось в предвоенные и послевоенные годы. Вот тогда-то миллионы москвичей справили новоселье, потянулись из бараков, подвалов, коммунальных перенаселённых квартир, доходных домов и особняков старой Москвы на юго-запад, получая ордера в малометражные, но отдельные квартиры со всеми удобствами, рассчитанные на одну семью.

Связывалось появление Черемушек с именем Н. С. Хрущёва, на своём высоком посту руководителя партии повседневно занимавшегося делами города, где он начинал работу, возглавлял райком, столичную партийную организацию… Как рассказывают архитекторы-ветераны, именно он настоял на сооружении пятиэтажных типовых домов, определил этажность, высоту потолков, размеры комнат и квартир, кухонь, санузлов, благодаря его усилиям медленное строительство превратилось в быстрый монтаж…

Н. С. Хрущёв любил строить. Благодаря ему Москва имеет не только Юго-Запад, Черёмушки, но и другие районы, застроенные приземистыми домами, поблекшими рядом с типовыми корпусами новых поколений. Пятиэтажки москвичи в просторечии называют «хрущобами», в ближайшем будущем их предстоит модернизировать.

Однако с именем Н. С. Хрущёва связано появление и многих уникальных сооружений: Дворца съездов, стадиона в Лужниках, проспекта Калинина, Останкинской телебашни, Московской кольцевой автодороги…[59].

За успехи в хозяйстве многие области и их руководители были награждены. «За успешное руководство в организации подъёма и освоения целинных и залежных земель» орден Ленина и вторую медаль Героя Социалистического Труда К. Е. Ворошилов вручил и Н. С. Хрущёву.

В 1957 году продолжалась реабилитация людей и групп, обвинение против которых не было отменено в 1956 году. Под сильным давлением Хрущёва Президиум ЦК и Верховный суд СССР снял обвинения с большой группы военачальников: М. Тухачевского, И. Якира, И. Уборевича и других, расстрелянных в 1937 году. Эта реабилитация бросала тень на репутацию таких людей, как К. Ворошилов и С. Будённый, активно помогавших Сталину в истреблении военных кадров в 1936 — 1938 годах.

Особое значение имела реабилитация «опальных» народностей, незаконно выселенных при Сталине со своей исконной территории. Так, например, 9 января Указом Президиума Верховного Совета СССР восстанавливалась Калмыцкая АССР. Вскоре восстановили Чечено-Ингушскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Карачаево-Черкесскую АССР. Это была справедливая, но нелёгкая политическая акция. Предстояло вернуть из Казахстана, Сибири и Средней Азии несколько миллионов человек, чьи земли и дома уже заселили миллионы людей из других районов СССР. Планировалось произвести перемещения больших масс людей в течение пяти-шести лет. Но, узнав о реабилитации, о восстановлении своих автономных республик, недавние «опальные» народности стали требовать более быстрого возвращения в родные места, сотни тысяч людей приезжали на родину самостоятельно, не дожидаясь получения компенсации или ссуды. Возвращались из ссылки также курды, греки и турки, проживавшие ранее в Причерноморье и на Кавказе и выселенные на Восток в 1944 — 1945 годах.

Не была, однако, ещё восстановлена справедливость в отношении немцев Поволжья и других немцев, проживавших в СССР и в начале войны обвинённых в «измене Родине» и выселенных на Восток. Концлагеря были ликвидированы, и многие советские немцы реабилитированы. Они могли вернуться в западные районы страны. Многие посёлки с немецким населением возникли на целинных землях. Формальная реабилитация немецкого меньшинства в СССР состоялась только в августе 1964 года, но без восстановления автономной

республики немцев Поволжья.

Хуже оказалось положение крымских татар, сотни тысяч которых были депортированы в 1944 году в Среднюю Азию. Крымская АССР, превращённая в Крымскую область, к 300-летию объединения Украины с Россией в 1954 году перешла из состава РСФСР в состав УССР. Несмотря на явную несправедливость выдвинутых против крымских татар обвинений, во времена Хрущёва они не были даже формально реабилитированы.

Хотя Хрущёв и не стремился поднимать вопрос об ответственности тех или иных людей за преступления сталинского прошлого, избежать этого не всегда удавалось. При восстановлении Чечено-Ингушской АССР выяснилось, что в 1944 году войсками НКВД полностью уничтожен один из аулов, жители которого отказались подчиниться приказу о выселении. Непосредственная ответственность за этот злодейский акт возлагалась на недавнего министра внутренних дел Круглова. Не дожидаясь окончания расследования, он застрелился.

По-видимому, в первой половине 1957 года Президиум ЦК по инициативе Хрущёва отменил пресловутую систему «пакетов», т. е. введённую Сталиным выдачу ответственным работникам в специальных конвертах крупных денежных сумм, превышающих подчас в 2 — 3 раза официально установленную заработную плату. Эта система явно противоречила провозглашённому на XX съезде курсу «на восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни». Ленин был особенно щепетилен в вопросах заработной платы ответственных партийных работников. Ленин не хотел, чтобы они бедствовали, но он настоял на введении так называемого партмаксимума. Все доходы, превышающие партмаксимум, необходимо было сдавать в партийную кассу.

В 1957 году Хрущёв внёс на рассмотрение Президиума ЦК КПСС предложение о коренном изменении в структуре и характере управления народным хозяйством СССР. Предлагалось ликвидировать большинство отраслевых министерств и поручить руководство заводов и фабрик специально созданным территориальным управлениям — Советам народного хозяйства (Совнархозам). Сама идея создания региональных организаций для управления промышленностью, сокращения функций управления «по вертикали» и расширения функций управления «по горизонтали» являлась весьма здравой, но нуждалась в тщательном обсуждении и экспериментальной проверке. К началу 1957 года в СССР имелось более 200 тысяч больших и малых промышленных предприятий и около 100 тысяч строительных площадок. Управлять этим производством из единого центра

становилось всё труднее.

Уже в 1953 — 1956 годах около 15 тысяч предприятий перешли в непосредственное подчинение республиканских министерств. Имелась, однако, потребность в дальнейшей децентрализации.

Многие члены Президиума ЦК КПСС отнеслись к идее создания Совнархозов отрицательно, но воздержались от открытого выступления против предложений Хрущёва. Между тем сомнения о целесообразности быстрого создания новой системы управления являлись вполне обоснованными. Предлагаемая Хрущёвым, эта система нигде ещё не прошла экспериментальной проверки. Она могла оказаться рациональной для таких крупных промышленных центров, как Ленинград или Свердловская область, но нерациональной для областей и республик Северного Кавказа. Азербайджанский Совнархоз мог, возможно, лучше управлять работой нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих предприятий, чем московское ведомство. Но как он будет управлять отраслями, представленными в республике только одним или двумя предприятиями? Кто будет координировать деятельность крупных и родственных предприятий, расположенных в разных регионах страны? Подобных вопросов можно было задать очень много. Но у Хрущёва ещё не было ответов на них.

Сомнения и оговорки членов Президиума ЦК не остановили Хрущёва. Идея Совнархозов, непопулярная среди министров, показалась весьма привлекательной для секретарей обкомов и ЦК компартий республик, которые становились при создании Совнархозов менее зависимыми от Москвы. Пленум ЦК КПСС одобрил тезисы Н. С. Хрущёва, и с весны 1957 года началось интенсивное проведение в жизнь новой системы управления. Краткое обсуждение в печати показывало, что у идеи Совнархозов имеются противники, их доводы звучали убедительно. Но газеты печатали далеко не все поступавшие к ним материалы, а журналы просто не успели принять участия в обсуждении. Искусственно создавалась атмосфера полного согласия, и созванная в мае 1957 года сессия Верховного Совета СССР приняла по докладу Хрущёва закон «О дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством». Из прежних промышленных министерств временно сохранялись лишь министерства авиационной, оборонной, радиотехнической, судостроительной, химической промышленности, среднего машиностроения, транспортного строительства и электростанций. Остальные министерства ликвидировались, а их функции передавались территориальным Совнархозам.

Недовольные реформой, члены Президиума ЦК стали создавать оппозиционную фракцию. Масла в огонь подлила новая акция Хрущёва, предпринятая вообще без согласования с руководством ЦК. Речь идёт о выдвинутом Хрущёвым лозунге: «В течение 3 — 4 лет догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения». На какой основе возник этот лозунг? Данные за первые месяцы 1957 года по производству мяса, молока и масла заметно улучшились в сравнении с первыми месяцами 1956 года, что явилось результатом хорошего урожая. Но в сельском хозяйстве один хороший урожай не решает дела, и расчёты следует делать исходя из многолетних средних данных. На запрос Хрущёва специалисты ответили, что по молоку и маслу СССР может легко догнать США, где эти продукты не пользовались большим спросом, и их производство на фермах не увеличивалось, а уменьшалось. Но мяса на душу населения в 1956 году в США производилось 102 кг, а в СССР — 32 кг, и догнать США в этом отношении СССР сможет, как утверждали специалисты, только в 1975 году.

Хрущёв, однако, отверг их мнение как бюрократическое. Выступая в Ленинграде на совещании специалистов сельского хозяйства, а потом и на большом митинге ленинградцев на Дворцовой площади, он открыто провозгласил указанный выше лозунг, сделав, правда, оговорку, что можно выполнить это задание и за 5 лет, но уж никак не за больший срок. Нереальность хрущёвского лозунга казалась очевидной любому. Производство мяса в стране в 1956 году составило 6, 6 миллиона тонн и возросло в сравнении с 1953-м только на 800 тысяч тонн. Развитие животноводства тормозилось недостатком кормов, низким уровнем механизации, высокой себестоимостью продукции. При существующих закупочных ценах животноводство во всех зонах страны оставалось убыточной отраслью. И при таком положении Хрущёв предлагал поднять производство мяса в СССР к 1961 году до 20 миллионов тонн в год.

Лозунг Хрущёва обсуждался в Президиуме ЦК КПСС после возвращения Никиты Сергеевича из Ленинграда и не нашёл поддержки у большинства членов Президиума. Но Хрущёв отмахнулся от возражений.

5 июня 1957 года Хрущёв и Булганин отбыли в Финляндию с официальным визитом. Советские лидеры пробыли там больше недели и только 14 июня вернулись в Москву. Это отсутствие Хрущёва в столице, прикрываемое Булганиным, было использовано Молотовым, Маленковым и Кагановичем для подготовки заседания Президиума ЦК КПСС с вопросом о смещении Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК КПСС.

4. Июньский Пленум ЦК КПСС

18 июня 1957 года в Кремле собрался Президиум ЦК КПСС. Это заседание было необычным, оно продолжалось три дня. Кремль был взят под усиленную охрану. Участники заседания лишь поздно ночью могли отдохнуть, чтобы утром снова вернуться в комнату для заседаний. Отсутствовал только Ф. Р. Козлов. На 23 июня было намечено торжественное празднование 250-летия Ленинграда. В город на Неве приезжали делегации из других городов страны, многие из них возглавлялись секретарями обкомов. Ждали и Н. С. Хрущёва во главе представительной правительственной делегации. Но Хрущёву было не до юбилеев.

На заседании Президиума ЦК Молотов и Маленков неожиданно поставили вопрос о смещении Хрущёва. Оппоненты Хрущёва, враждовавшие друг с другом, на этот раз объединились и тщательно обсудили вопрос об отстранении Хрущёва, соблюдая при этом строгую конспирацию. Список обвинений был велик. В основном Хрущёва обвиняли в экономическом волюнтаризме, в самочинных и необдуманных действиях. Многие из этих обвинений были несомненно справедливы. Но главное обвинение, которое не высказывалось полностью, но которое являлось наиболее важным для противников Хрущёва, состояло в том, что Хрущёв слишком далеко зашёл в разоблачении Сталина, что он подорвал авторитет КПСС в международном коммунистическом движении и авторитет всего коммунистического движения. Речь шла поэтому о пересмотре решений XX съезда КПСС. Противники Хрущёва, рассчитывая на успех, обсудили заранее и судьбу самого Хрущёва. В случае признания им своих ошибок и согласия на отставку предусматривалось понижение его в должности, например до уровня министра сельского хозяйства СССР. В иных случаях не исключалась возможность ареста Хрущёва. Он был ещё очень популярен не только среди населения, чем можно было и пренебречь, но и среди большинства членов ЦК КПСС. Поэтому оставлять его на свободе казалось опасным. На пост Первого секретаря ЦК КПСС предполагалось избрать В. М. Молотова.

Хрущёв, однако, решительно отверг все обвинения, ссылаясь на достигнутые экономические успехи и на существенные достижения во внешней политике. В острых прениях в его поддержку из членов Президиума выступили только Микоян, Суслов и Кириченко. 7 членов Президиума — Молотов, Маленков, Ворошилов,

Каганович, Булганин, Первухин и Сабуров выступили против Хрущёва. Кандидаты в члены Президиума — Брежнев, Жуков,

Мухитдинов, Шверник и Фурцева поддержали Хрущёва, но они присутствовали на заседании лишь с правом совещательного голоса. Каганович крайне грубо оборвал на одном из заседаний Брежнева, который, разволновавшись, был близок к обмороку. Мнение и позиция Жукова, однако, были крайне важными, так как он ясно дал понять, что армия поддержит Хрущёва. Д. Т. Шепилов вначале поддерживал Хрущёва, но в ходе длительных дебатов Шепилов неожиданно изменил прежней позиции и присоединился к мнению большинства членов Президиума.

В конечном итоге Президиум Центрального Комитета вынес решение о смещении Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК КПСС. Но он, поддержанный своими сторонниками, отказался подчиниться принятому решению. Он заявил, что на пост Первого секретаря ЦК его избрал не Президиум, а Пленум ЦК, и только Пленум может освободить его от этой должности. Он потребовал поэтому созыва Пленума, но Президиум отверг это требование. Группа Молотова — Маленкова, однако, и здесь обнаружила свой догматизм, возложив слишком большие надежды на формальное решение большинства членов Президиума. Хрущёва поддерживала и армия, и КГБ. Он продолжал оставаться главой Секретариата ЦК. Иначе говоря, именно в руках Хрущёва сохранялась в эти решающие дни реальная власть в стране и в партии. Поэтому «операция», которая удалась в начале марта 1953 года, когда небольшая группа лидеров смогла решить у гроба только что умершего Сталина все вопросы по распределению власти, не могла состояться в июне 1957 года.

Пока заседал Президиум, важные события происходили за пределами Кремля. Для наиболее влиятельных членов ЦК не был секретом тот факт, что обсуждается судьба Н. С. Хрущёва. Дали знать в Ленинград Козлову, и тот с группой членов ЦК приехал в Москву. Серов и Жуков сумели быстро обеспечить прибытие в Москву почти всех других членов ЦК, которые стали требовать созыва Пленума. Президиум Центрального Комитета отклонил это требование и даже отказался встретиться с ними. Тогда большая группа членов ЦК направила в Кремль письменное заявление. В нём говорилось:

«В Президиум Центрального Комитета. Нам, членам ЦК КПСС, стало известно, что Президиум ЦК непрерывно заседает. Нам стало также известно, что вами обсуждается вопрос о руководстве Центральным Комитетом и руководстве Секретариатом. Нельзя скрывать от членов Пленума ЦК такие важные для всей партии вопросы. В связи с этим мы, члены ЦК, не можем стоять в стороне от вопроса руководства нашей партии».

Но и это заявление не возымело действия. Тем временем

члены Центрального Комитета стали собираться в Кремле. Делегация ЦК во главе с И. Серовым, которому подчинялась охрана во всех помещениях Кремля, появилась в здании, где проходили заседания Президиума. Большинство Президиума, считавшее Хрущёва едва ли не смещённым с поста главы партии, поручило Булганину как Председателю Совета Министров СССР и Ворошилову как Председателю Президиума Верховного Совета СССР, вступить в переговоры с вошедшими в Кремль членами ЦК. Однако в приёмную, где они собрались, вышли также Хрущёв и Микоян. Эта встреча началась не слишком вежливо. Серов пригрозил Ворошилову, что если Президиум будет противиться созыву Пленума, то Пленум соберётся и без одобрения Президиума, так как члены ЦК не позволят решать вопросы руководства партией без участия членов ЦК КПСС — большинство их в Москве, и они настроены весьма решительно. Стало очевидным, что сговор против Хрущёва потерпел провал, и Президиум согласился на созыв Пленума ЦК.

Подавляющее большинство участников открывшегося Пленума безоговорочно поддержало Хрущёва. Июньский Пленум был также беспрецедентным по продолжительности: он проходил с 22 по 29 июня. Пленум заслушал доклад Хрущёва «О положении в партии». Молотову предоставили возможность подробно изложить свою точку зрения, но все выступавшие затем поддерживали не Молотова, а Хрущёва. В сложившихся условиях Ворошилов, Булганин, Сабуров и Первухин решили выступить с покаянными речами. Признал свои ошибки и Маленков. До конца Пленума упорствовал только Молотов, и только он один воздержался при голосовании за резолюцию Пленума. Все остальные участники его группировки голосовали за резолюцию, осуждавшую их собственное поведение.

Постановление Пленума и краткая информация о его работе были опубликованы лишь 4 июля 1957 года. В решениях говорилось об «антипартийной группе Молотова, Кагановича и Маленкова» и умалчивалось об участии в группе Ворошилова, Булганина и других. И Ворошилов и Булганин сохранили свои посты. Из состава Президиума и из ЦК КПСС были выведены Молотов, Маленков, Каганович и «примкнувший к ним Шепилов». Сабуров потерял пост члена Президиума ЦК, а Первухин стал лишь кандидатом в члены Президиума ЦК. Июньский Пленум увеличил численность Президиума до 15 членов, в состав Президиума вошли недавние кандидаты Л. И. Брежнев, Е. А. Фурцева, Ф. Р. Козлов, Н. М. Шверник. Членами Президиума стали также А. Б. Аристов, Н. И. Беляев и старейший деятель КПСС О. В. Куусинен. Среди 9 кандидатов в члены Президиума

появились имена А. Н. Косыгина, А. П. Кириленко и К. Т. Мазурова. Молотов, Каганович и Маленков потеряли посты заместителей Председателя Совета Министров СССР.

На второй день после Пленума Каганович позвонил Хрущёву, и между ними, по свидетельству последнего, произошёл такой разговор: « — Товарищ Хрущёв, я тебя знаю много лет. Прошу не допустить того, чтобы со мной поступили так, как расправлялись с людьми при Сталине…

— Товарищ Каганович! Твои слова ещё раз подтверждают, какими методами вы намеревались действовать для достижения своих гнусных целей. Вы хотели вернуть страну к порядкам, которые существовали при культе личности, вы хотели учинять расправу над людьми. Вы и других мерите на свою мерку. Но вы ошибаетесь. Мы твёрдо соблюдаем и будем придерживаться ленинских принципов. Вы получите работу, — сказал я Кагановичу, — сможете спокойно работать и жить, если будете честно трудиться, как трудятся все советские люди»[60].

Н. С. Хрущёв сдержал своё слово. Никто из его противников не был тогда исключён из партии, но все они получили назначение вне Москвы. Молотов направлялся послом СССР в Монголию. Каганович стал директором Уральского комбината «Союзасбест» в г. Асбесте, Маленков — директором Усть-Каменогорской ГЭС на Иртыше, а затем Экибастузской ГРЭС. Шепилов получил профессорскую должность в Средней Азии. В июле 1957 года Первухин и Сабуров потеряли посты заместителей Председателя Совета Министров СССР. Первыми заместителями Председателя Совета Министров стали А. Н. Косыгин и Д. Ф. Устинов.

Вскоре после окончания Пленума Хрущёв во главе большой делегации прибыл в Ленинград. Формально речь шла о вручении наград ленинградцам в связи с 250-летием города. Фактически же состоялось повторение юбилейных торжеств. В Ленинграде прошла большая демонстрация трудящихся на Дворцовой площади. На трибуне стояли Хрущёв, Козлов, Ворошилов, Микоян, Брежнев, Куусинен, Фурцева, Шверник и Аристов.

Ещё через несколько дней Хрущёв и Булганин выехали в Чехословакию, где провели около двух недель. Хрущёв без больших стеснений говорил югославскому послу Велко Мичуновичу о том, что у него нет большого желания путешествовать в обществе Булганина, но что это пока необходимо по государственным соображениям. Естественно, что посол Югославии в своём подробном письме к И. Б. Тито о событиях в Москве сообщал, что позиции Булганина явно пошатнулись и смещение последнего с поста премьер-министра

только вопрос времени[61].

В конце июля — начале августа 1957 года в Москве прошёл VI Международный фестиваль молодёжи и студентов — красочный праздник. Впервые за всю историю в СССР приехало так много гостей из других стран мира.

В сентябре 1957 года Хрущёв отдыхал в Крыму недалеко от Ялты. Это был для него первый большой отпуск за многие годы. Ни в конце 30-х, ни в первой половине 40-х годов об отдыхе не могло быть и речи. При Сталине Хрущёв смог провести отпуск на море только один раз — в 1947 году. В 1953 — 1956 годах у него было слишком много забот, чтобы он мог позволить себе продолжительный отдых. Теперь он провёл в Крыму почти целый месяц и вернулся в Москву лишь 2 октября.

5. Об изменениях в военном руководстве и руководстве КГБ

Ещё летом 1957 года Г. К. Жуков получил приглашение от И. Б. Тито посетить Югославию. Он выехал в Югославию в конце сентября, и вскоре ему сообщили пожелание Советского правительства о визите в Албанию. Во время пребывания Жукова в Албании был неожиданно принят, не сразу опубликованный, но немедленно вошедший в силу, Указ Президиума Верховного Совета СССР об освобождении маршала Жукова от обязанностей министра обороны СССР и назначении на этот пост маршала

Р. Я. Малиновского. Хрущёв хорошо знал Малиновского. Во время войны судьба не раз сводила их и при отступлении Красной Армии в 1941 году, и при оборонительных боях 1942 года, когда Малиновский командовал Южным фронтом, и при освобождении Украины в 1943 — 1944 годах, когда он командовал Юго-Западным, а затем 3-м и 2-м Украинским фронтами. В 1957 году Малиновский занимал пост первого заместителя министра обороны СССР и командующего Сухопутными войсками. Для него поэтому не было трудным сразу же взять под свой контроль работу Министерства обороны и деятельность всей системы Вооружённых Сил СССР.

Жуков, отозванный из Албании, прилетел в Москву и сразу же попал на поспешно созванный Пленум ЦК КПСС. Формально в повестке дня стоял вопрос об улучшении партийно-политической работы в армии и флоте. Текущее состояние этой работы Пленум признал неудовлетворительным, а ответственность за это была возложена на Жукова. Его обвинили, в частности, в пренебрежительном отношении к партийно-политическим работникам в армии и в насаждении в военных кругах культа своей личности. Выступили многие известные генералы, адмиралы и маршалы. Отмечая большие заслуги Жукова, ораторы критиковали его за чрезмерную грубость, тщеславие, пренебрежение коллегиальными методами работы и раздувание своих заслуг. Пленум принял решение вывести Жукова из состава Президиума ЦК и из ЦК КПСС и «подыскать ему другую работу». Но Жуков не стал выполнять никакой новой работы и вскоре вышел в отставку в возрасте 61 года.

Смещение Жукова, лишь несколько месяцев тому назад ставшего членом Президиума ЦК КПСС, было на первый взгляд неожиданным решением. У него и у Хрущёва до сих пор не было конфликтов. Его поддержка помогла Хрущёву ликвидировать в

1953 году группу Берия. Он же помог лидеру партии только что одержать победу над группой Молотова — Маленкова. Жуков был честолюбив, но это обычное и даже профессиональное качество большинства военачальников. У него не было ясно выраженных политических претензий, и он ничем не походил на «советского Наполеона». Не имелось никаких оснований предполагать, что он способен на попытку военного переворота. Верно, однако, и то, что при такой самостоятельной и властной фигуре, как Жуков, контроль ЦК КПСС и личный контроль Хрущёва над армией оказался ослабленным. Жуков не любил вмешательства «политиков» в решение чисто военных вопросов и стремился быть полным хозяином в армии. Уже летом 1957 года он осуществил в армии ряд важных решений, не согласованных заранее с Центральным Комитетом партии. Так, например, Жуков обязал политработников в частях изучать военное дело на профессиональном уровне. Он ссылался при этом на то обстоятельство, что в боевой обстановке политработникам приходилось нередко принимать на себя функции строевых командиров. Это распоряжение, однако, вызвало недовольство и возражения у многих рядовых и ответственных политработников. Мало считался Жуков и с рекомендациями Главного политического управления Советской Армии (ГлавПУ), которое имеет статут отдела ЦК КПСС, т. е. подчинено непосредственно не министру обороны СССР, а Секретариату ЦК КПСС. Жуков, который не раз вступал в годы войны в споры со Сталиным при решении оперативно-стратегических вопросов, не был склонен безоговорочно соглашаться и с Хрущёвым, когда речь шла о проблемах армии и обороны. Он был популярен среди солдат и офицеров, а также среди ветеранов войны и в широких кругах советского общества. Но среди высшего командования, среди маршалов и генералов у него имелось немало недоброжелателей, и корни этих чисто личных конфликтов восходили ещё ко временам войны, когда он являлся заместителем Верховного Главнокомандующего. С некоторых пор Хрущёв стал внимательно и даже благожелательно выслушивать различные жалобы на деятельность Жукова и, наконец, принял решение о его смещении, посчитав возросшее после июньского Пленума влияние этого маршала потенциально опасным для своей личной власти: Ф. Бурлацкий не без основания считает, что именно решительное и независимое поведение Жукова в критические дни июня 1957 года напугало не только членов «антипартийной группы», но и самого Хрущёва. В числе противников Хрущёва оказались тогда не только Председатель Совета Министров СССР Булганин, но Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Ворошилов. По распоряжению Ворошилова почти сразу же после начала заседания Президиума ЦК КПСС были приведены в боевую готовность расположенные в Москве ещё с 1953 года Таманская и Кантемировская танковые дивизии. Однако, будучи министром обороны СССР, Жуков не только словами, но и делами поддержал Хрущёва. Он прямо заявил большинству членов Президиума, считавшему уже вопрос о смещении Хрущёва решённым, что «армия против этого решения, и ни один танк не сдвинется с места без моего приказа»[62].

Близкий в то время Н. Хрущёву А. Аджубей не может найти и ныне достаточно разумного объяснения неожиданному для большинства советских людей решению об отстранении Жукова. Аджубей, в частности, пишет: «Странное стечение обстоятельств, объяснение которому дать не могу, но оно, конечно, существует, привело к отставке маршала Жукова, к разрыву, который, по-моему, не проанализировал и сам Хрущёв. Не раз встречал я Георгия Константиновича у Хрущёва, который не просто уважал Жукова, но гордился им. По инициативе Никиты Сергеевича произошло возвращение Жукова в Москву сразу после смерти Сталина. На XX съезде Георгия Константиновича избрали кандидатом в Президиум ЦК, а затем и членом Президиума. В 1955 году он стал министром обороны СССР. Они импонировали друг другу, не было никаких серьёзных противоречий между ними. Была схожесть в жизненных путях. Встречаясь на войне, они находили общий язык. Могу только предположить — никогда не спрашивал об этом Хрущёва, — но, видимо, Никиту Сергеевича в то время, когда в руководстве существовала некоторая нестабильность (только что прошёл Пленум с „семёркой“), испугала возросшая амбициозность маршала, принижение им роли партийного руководства в армии. Быть может, Хрущёв вернулся к каким-то соображениям Сталина о Жукове? Ведь Сталин отсылал маршала командовать далёкими от Москвы военными округами. Кстати, апологеты Сталина не любят говорить на эту тему. Во всяком случае, смещение Жукова не прибавило популярности Хрущёву. Он не мог не почувствовать этого, а быть может, пожалеть о разрыве»[63].

И действительно, много позднее, уже на пенсии, Хрущёв не раз высказывал сожаление о своём решении по поводу Жукова.

Крайне тяжело пережил свою отставку и сам Жуков. В его воспоминаниях мы можем прочесть следующее: «Есть в жизни вещи, которые невозможно забыть. Человек просто-напросто не в состоянии их забыть, но помнить их можно по-разному. Есть три разные памяти. Можно не забывать зла. Это одно. Можно не забывать опыта. Это другое. Можно не забывать прошлого, думая

о будущем. Это третье. Мне пришлось пережить в своей жизни три тяжёлых момента. Если говорить о третьем из них, то тут в чём-то, очевидно, виноват и я — нет дыма без огня. Но пережить это было нелегко…

Когда меня в пятьдесят седьмом году вывели из состава Президиума ЦК и из ЦК, я вернулся после этого домой и твёрдо решил не потерять себя, не сломаться, не раскиснуть, не утратить силы воли, как бы ни было тяжело.

Что мне помогло? Я поступил так. Вернувшись, принял снотворное. Проспал несколько часов. Поднялся. Поел. Принял снотворное. Опять заснул. Снова проснулся, снова принял снотворное, снова заснул… Так продолжалось пятнадцать суток, которые я проспал с короткими перерывами. И как-то пережил всё то, что мучило меня, что сидело в памяти. Все то, о чём бы я думал, с чем внутренне спорил бы, что переживал бы в бодрствующем состоянии, всё это я пережил, видимо, во сне. Спорил и доказывал, и огорчался — все во сне… А потом, когда прошли эти пятнадцать суток, поехал на рыбалку.

И лишь после этого написал в ЦК, попросил разрешения уехать лечиться на курорт. Так я пережил тяжёлый момент»[64].

Хрущёв унизился даже до такой, вообще ему не свойственной, мелочности: вскоре после октября 1957 года распорядился от*о брать дачу у маршала Жукова в Сосновке*. Однако Жуков предъявил документ, подписанный Сталиным и утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б) вскоре после окончания войны: «… закрепить пожизненно за тов. Жуковым».

Говоря об изменениях в военном руководстве, нужно сказать несколько слов и об отставке Главнокомандующего Военно-Морскими Силами СССР Н. Г. Кузнецова ещё в 1956 году. Причиной смещения Кузнецова якобы был взрыв и гибель линкора «Новороссийск», которые произошли всего через 10 — 15 минут после посещения корабля Н. С. Хрущёвым. По слухам, речь шла о покушении на жизнь Хрущёва, который лишь недавно произнёс свой сенсационный доклад на XX съезде КПСС. К сожалению, эти слухи приводились в редактировавшемся мною сборнике «Политический дневник»[65], они повторяются также и в книге «Н. С. Хрущёв. Годы у власти», написанной мною и Жоресом Медведевым и изданной в 1976 году[66]. Эти слухи не соответствуют действительности. На Хрущёва ни после XX съезда КПСС, ни позднее не совершалось никаких покушений. Трагическая гибель линкора «Новороссийск» произошла через полгода после посещения его Хрущёвым. О подробностях, а также вероятных причинах гибели этого корабля и большей части находившейся на нём команды было сообщено в советской печати

только в 1988 году[67].

Конфликт с Н. Г. Кузнецовым возник у Хрущёва ещё до XX съезда КПСС. Вскоре после войны по предложению Сталина Политбюро одобрило решение о строительстве большого числа крупных надводных кораблей как основы Советского Военно-Морского Флота. К 1954 году строительство многих кораблей завершалось, на некоторых крейсерах уже устанавливались дальнобойные орудия. Однако для доведения программы до конца требовались многие миллиарды рублей. Хрущёв не разделял ни военно-морских идей, ни амбиций Сталина. Стараясь найти дополнительные средства для развития экономики, он высказывался за постепенное сокращение военных расходов. Ещё в 1954 году, возвращаясь из Китая, он познакомился с положением дел на Тихоокеанском флоте, и манёвры крупных кораблей произвели на него скорее отрицательное, чем положительное впечатление. Хрущёв полагал, что развитие ракетно-ядерного оружия делает крупные военные корабли лишь удобной мишенью для противника. Он выступал поэтому за преимущественное развитие подводного флота и небольших кораблей, оснащённых ракетным оружием. Точка зрения Хрущёва возобладала, и было решено отправить недостроенные крупные корабли на переплавку. Кузнецов решительно возражал и, уходя с заседания Президиума ЦК, бросил фразу, адресованную прежде всего Хрущёву: «Флот не забудет вам этого». Не забыл флот, но не забыл и Хрущёв. Не самые лучшие отношения сложились и между Кузнецовым и Жуковым. При Сталине существовал самостоятельный Наркомат, а затем Министерство Военно-Морского Флота, и Кузнецов был до 1953 года наркомом, а позднее министром ВМФ СССР. Но с середины 1953 года все Вооружённые Силы СССР подчинялись министру обороны СССР, и Кузнецов стал одним из заместителей министра. Ещё в 1955 году специальная комиссия Министерства обороны СССР проверила работу некоторых военно-морских баз и нашла состояние дел на них неудовлетворительным. Ответственность за это возлагалась на Кузнецова, который в 1955 году потерял свой пост члена ЦК КПСС. В 1956 году после гибели линкора «Новороссийск» Кузнецов был снят с поста Главкома ВМС и лишён звания Адмирала Флота Советского Союза. Новым командующим Военно-Морским Флотом СССР стал адмирал С. Г. Горшков.

Изменения в руководстве КГБ произошли в 1958 году. Известно, что одним из требований группы Молотова — Маленкова было смещение И. Серова с поста председателя КГБ. Серов, конечно, знал об этом, чем, в частности, объяснялось его особенно активное поведение в июне 1957 года. Высокое

положение Серова вызывало недовольство у И. Б. Тито, который не только хорошо знал прошлое Серова, но и возлагал на него ответственность за арест и расстрел Имре Надя. Но Серов был лично предан и близок Хрущёву, и последний старался выгородить его, хотя за ним тянулся длинный список различного рода незаконных акций. Достаточно сказать, что именно Серов руководил выселением некоторых народностей с Северного Кавказа. После XX съезда КПСС и возвращения домой миллионов реабилитированных граждан вскрывались все новые и новые преступления НКВД — МВД — МГБ, и поэтому игнорировать тёмное прошлое председателя КГБ становилось всё труднее. Непосредственным поводом к смещению Серова, по некоторым свидетельствам, послужило дело о короне бельгийского королевского дома. Похищенная нацистами, она находилась на территории Германии, и следы её терялись где-то в Восточной зоне. Но если корона венгерских королей обнаружилась в одном из музеев США, то бельгийская корона, как показало длительное следствие, находилась у Серова. Воспользовавшись своим положением одного из руководителей военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам»), он вместе с многими другими ценными вещами похитил и бельгийскую корону. Без всякой огласки она вернулась в Бельгию, а Серов потерял свой пост председателя КГБ.

На место Серова Хрущёв предложил назначить первого секретаря ЦК ВЛКСМ 38-летнего А. Н. Шелепина. Речь шла при этом не только о замене одного министра другим, но об основательной чистке всех управлений КГБ. Многие работники отправлялись на пенсию, другие назначались в отделы кадров различных учреждений, начальниками различных видов военизированной охраны, в небольшие хозяйственные организации и т. п. Новые кадры КГБ черпались главным образом из числа сравнительно молодых комсомольских работников. Первые секретари городских и областных комитетов ВЛКСМ нередко становились начальниками городских и областных управлений КГБ, инструкторы ЦК или МК ВЛКСМ — следователями КГБ. Второй секретарь ЦК ВЛКСМ В. Семичастный стал первым заместителем председателя КГБ.

Несомненно, чистка КГБ от кадров сталинского времени являлась давно назревшим делом. Но нельзя не сказать, что высший слой комсомольского руководства, сформировавшийся в конце

40 — начале 50-х годов, состоял далеко не из лучших представителей советской молодёжи. Что касается лично А. Шелепина, то под личиной молодёжного лидера скрывался

беспринципный карьерист с безмерными политическими амбициями. Когда Шелепина, ещё 20-летнего студента МИФЛИ (Московский институт философии и литературы), друзья однажды спросили, кем он хотел бы стать, Шелепин, не задумываясь, ответил: «Вождём».

6. Культура и наука в 1956 — 1957 годах

Ещё в 1953 — 1955 годах наметились некоторые признаки оживления в культурной жизни страны. Именно в эти годы Твардовский написал первую редакцию своей поэмы «Тёркин на том свете», получившую известность в списках. Неожиданный резонанс в обществе получила также статья В. Померанцева «Об искренности в литературе», опубликованная журналом «Новый мир». Немалый интерес вызвал очерк Ф. Абрамова «Люди колхозной деревни». Началась публикация повести И. Эренбурга «Оттепель», название которой стало нарицательным. По сравнению с прежними годами значительно укрепились международные связи советской культуры и науки. Многие писатели, артисты, учёные смогли побывать за границей, регулярными стали гастроли за рубежом известных советских театров. Советские деятели литературы, искусства и науки расширили своё участие в международных конгрессах. Так, например, впервые группа советских учёных в 1954 году приняла участие во Всемирном философском конгрессе. В декабре 1954 года в Москве состоялся Второй съезд писателей, обновивший руководство творческого Союза. Как известно, Первый съезд советских писателей проводился ещё в 1934 году. Советский Союз вступил в международную организацию ЮНЕСКО. Заметным событием в культурной жизни страны стали гастроли в СССР некоторых западных театров и концертных групп, а также проведённая впервые Неделя французских фильмов. Начали издаваться новые, быстро ставшие популярными журналы «Юность» и «Международная жизнь».

Оттепель в литературе и искусстве продолжилась и в 1956 — 1957 годах. Немало разговоров и откликов вызвала публикация пьесы эмигрировавшего в СССР турецкого поэта Назыма Хикмета «А был ли Иван Иванович?» Неизменный а н шлаг сопутствовал новой постановке пьесы «Клоп» В. Маяковского в Московском театре сатиры. Начал работу новый театр «Современник», все спектакли которого пользовались большим успехом. Расширение международных связей в области культуры привело к решению о создании Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР.

Все большее влияние на общественную жизнь в стране оказывала литература. Заметным явлением стала повесть В. Овечкина «Трудная весна», которая завершила его цикл «Районные будни», начатый ещё в 1952 году. Горячие отклики вызвал и роман Г. Николаевой «Битва в пути», очерки В.

Солоухина «Владимирские просёлки», повести П. Нилина «Жестокость», В. Тендрякова «Ухабы», «Тугой узел», «Не ко двору», появившиеся в альманахе «Литературная Москва» рассказы А. Яшина «Рычаги», Д. Гранина «Собственное мнение», Г. Троепольского «Кандидат наук» и другие.

С середины 50-х годов начался подъем поэзии. Её общественное звучание заметно возросло, и в литературу вошла плеяда молодых, энергичных и смелых поэтов: А. Вознесенский, Б. Окуджава, Е. Евтушенко/Б. Ахмадуллина, Б. Слуцкий, Ю. Левитанский, Р. Рождественский и другие. Вернулся в поэзию Николай Заболоцкий, многие годы томившийся в заключении. Вспоминая то время, Е. Евтушенко писал в своей «Автобиографии»: «В 1955 году был впервые организован День поэзии, ставший впоследствии национальным праздником. В этот день поэты вставали за прилавки книжных магазинов Москвы, читали стихи и подписывали свои книги. Я вместе с другими поэтами выступал на Моховой, недалеко от университета. Нас буквально вынесли из магазина… Я стал читать стихотворение, написанное, как выражался поэт К., для наших врагов. Но молодёжь почему-то не восприняла их как нападки на нашу страну, а как оружие в борьбе с тем, что мешает стране строить своё будущее… И полторы тысячи пар молодых рук, взнесённых в аплодисментах, как бы проголосовали за эту борьбу… Газеты, радио, телевидение явно отставали от стремительных перемен в жизни народа. Критика плелась в хвосте событий. Проза разворачивалась слишком медленно. Поэзия была более мобильным жанром. Я избрал полем сражения трибуну. Я выступал на фабриках и заводах, в институтах, лабораториях, учреждениях, школах. Аудитории были от двадцати до тысячи человек»[68].

Наибольший успех выпал, однако, на долю писателя В. Дудинцева, опубликовавшего в журнале «Новый мир» роман «Не хлебом единым». Этот роман впервые затронул тему несправедливых и незаконных репрессий, хотя рукопись романа поступила в журнал ещё до XX съезда КПСС. О романе говорили везде, студенты многих вузов проводили открытые неофициальные читательские конференции. Большое впечатление на общественность произвели обсуждение романа на собрании писателей Москвы и особенно резкое, страстное выступление здесь старейшего русского писателя К. Паустовского, текст которого быстро распространился в списках по всей стране.

Н. С. Хрущёв не был ещё готов к тому, чтобы поддержать эту «оттепель» в области литературы. На большой государственной даче под Москвой в мае, июне и июле 1957 года состоялись

встречи Хрущёва и других членов Президиума ЦК КПСС с деятелями литературы и искусства. Эти встречи проходили в относительно непринуждённой обстановке с обильным угощением, неофициальными беседами. Однако в своих выступлениях Хрущёв обрушился с несправедливой критикой на В. Дудинцева, назвав его роман «кривым зеркалом». Он осудил и альманах «Литературная Москва», издание которого было прекращено. При этом Хрущёв очень грубо обошёлся с поэтессой М. Алигер, взявшей под защиту этот альманах. В журнале «Коммунист» осенью 1957 года появилась обширная статья Н. Хрущёва «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», полная догматических штампов, не открывавшая никаких новых горизонтов перед советской культурой[69]. Робкие попытки журнала «Вопросы истории» по-новому взглянуть на некоторые проблемы истории КПСС, и в частности подвергнуть критике отдельные аспекты деятельности Сталина в 1917 году, вызвали не только осуждение со стороны Хрущёва, но и специальное постановление ЦК КПСС, в котором осуждалась «объективистская» позиция журнала и «ослабление его борьбы с буржуазной идеологией»[70]. Почти вся редакционная коллегия журнала была заменена.

И всё же вернуть прежние времена и порядки в области культуры оказалось невозможным. К. Симонов был освобождён с поста редактора «Нового мира», главным редактором вновь стал А. Твардовский, который значительно укрепил литературный и общественный престиж журнала. Живой и интересной стала газета «Комсомольская правда», во главе которой стоял зять Н. С. Хрущёва А. И. Аджубей. Через несколько лет его назначили главным редактором «Известий». На культурную жизнь страны оказывало влияние и появление новых изданий. В 1956 — 1957 годах начали выходить в свет такие журналы, как «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Вопросы литературы», «Музыкальная жизнь», «Современный Восток», «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», «Мировая экономика и международные отношения», «Культура и жизнь», газета «Литература и жизнь» и некоторые другие, как общественные, так и специальные журналы, альманахи и газеты. Возобновилось издание ежегодных общих и отраслевых статистических сборников. Началась работа над изданием 55-томного Полного собрания сочинений В. И. Ленина, над многотомной «Всемирной историей», «Исторической энциклопедией», «Всеобщей историей искусств». Интересней стали советские кинофильмы (особый успех имел фильм «Летят журавли»), новые веяния затронули изобразительное искусство.

Несмотря на свои догматические выступления, Н. С. Хрущёв не утратил в 1955 — 1957 годах своей популярности в кругах творческой интеллигенции, чему способствовал, естественно, и XX съезд КПСС и июньский Пленум ЦК. Даже Анна Ахматова говорила в конце 50-х годов: «Я ведь хрущёвка. Хрущёв сделал для меня самое большое, что может сделать один человек для другого: вернул мне сына»[71].

Значительными были успехи нашей страны и в области науки. Ещё в 1954 году в г. Обнинске Калужской области начала работать первая в мире промышленная электростанция на атомной энергии. В дополнение к новым научным станциям, которые проводили исследовательскую работу в Арктическом бассейне и на Северном полюсе, организуется первая комплексная антарктическая экспедиция. В Антарктиде появились советские научные станции «Восток» и «Советская». Огромная работа потребовалась и для создания первого атомного ледохода «Ленин», спущенного на воду в 1957 году. Один за другим открываются новые исследовательские институты и центры: Объединённый институт ядерных исследований в г. Дубне под Москвой с участием учёных всех социалистических стран, Институт радиационной и физико-химической биологии, Институт физики Земли и физики атмосферы, несколько институтов по изучению автоматизации производственных процессов, Академия архитектуры и строительства, Институт по изучению Китая и другие исследовательские центры.

Важным начинанием, связанным с именем Хрущёва, стало создание Сибирского отделения Академии наук СССР и строительство крупнейшего научного центра недалеко от Новосибирска — Академгородка. Идея такого строительства была высказана академиками М. А. Лаврентьевым, С. А. Христиановичем и С. А. Лебедевым при обсуждении директив XX съезда КПСС. В статье, опубликованной «Правдой», эти академики обратили внимание на тот факт, что почти все ведущие научные институты сосредоточены в Москве и Ленинграде, вдали от важных производственных центров. Хрущёв поддержал эти соображения в своём докладе на съезде. Он несколько раз принимал академика Лаврентьева и беседовал с ним. Вскоре Совет Министров принял постановление о создании Сибирского отделения АН СССР. Совет Министров выделил 30 новых вакансий академиков и членов-корреспондентов АН СССР для учёных, которые дадут согласие на постоянную работу в Сибири. Это позволило выбрать в Академию наук немало молодых и талантливых учёных. Хрущёв лично следил за строительством Академгородка, объявленного ударной стройкой. Вскоре здесь

начали вести работу более десяти крупных институтов, призванных решать не только региональные проблемы Сибири и Дальнего Востока, но проводить также фундаментальные исследования в естествознании и экономике. В последующие годы при поездках в восточные районы СССР Никита Сергеевич неизменно посещал и Новосибирский Академгородок.

Самой большой сенсацией для всего мира стали, однако, успехи Советского Союза в области космических исследований.

Различные эксперименты по созданию ракет проводились в нашей стране ещё до войны. Работа получила новый импульс в послевоенное время. Главной задачей тогда считалось создание ракет боевого назначения, способных сбивать американские высотные самолёты, которые безнаказанно вели разведку над территорией СССР. Цели этой работы, однако, расширялись, и в 1955 году, когда стало известно о планах США запустить в космос искусственный спутник Земли в рамках международного геофизического года, Хрущёв поставил вопрос о возможности СССР запустить подобный спутник раньше американцев. Научная программа по запуску первого спутника начала формироваться летом 1955 года под руководством М. В. Келдыша и С. П. Королева. Центральной задачей советских учёных теперь стало создание достаточно мощной ракеты-носителя. Работа шла быстро, и научные коллективы, возглавляемые академиками С. П. Королёвым, М. В. Келдышем, В. П. Глушко, Н. А. Пилюгиным, В. П. Барминым, М. К. Янгелем, создавали все более совершенные конструкции ракет. Наконец, появилась и конструкция такой ракеты-носителя, которая обладала способностью развить первую космическую скорость и вывести на околоземную орбиту искусственный спутник Земли. Это свидетельствовало не только о прогрессе в ракетостроении, но и в области электроники, вычислительной техники, небесной механики, приборостроения и многих других разделов науки и техники.

Н. С. Хрущёв постоянно следил за работами, поторапливая и учёных, и строителей. Вот как описывала пять лет назад «Правда» начало строительства знаменитого сейчас Байконура: «Вызов в Москву был срочный, и Георгий Максимович Шубников вылетел через полтора часа после получения приказа. Шубникова сразу же привезли к секретарю ЦК. Хозяин кабинета представил его Королеву.

— Не устали с дороги? — поинтересовался секретарь.

— Привык.

— Теперь, действительно, не до отдыха, — секретарь улыбнулся. — Дорогой Георгий Максимович, вам поручается задание особой государственной важности. Не скрываю,

чрезвычайно трудное, сложное, непривычное.

— И как всегда, это сооружение нужно было вчера? — попробовал пошутить Шубников.

— Не сооружение, — секретарь не ответил на шутку, — а принципиально новое… — он помедлил, подыскивая подходящее слово, — не знаю, как и назвать.

— Космодром, — подсказал Королев.

— А не преждевременно? — секретарь внимательно посмотрел на Королева. — Не будем опережать события. Сначала сделаем дело, а потом поищем подходящее для него название. Согласия вашего не спрашиваю, — обратился секретарь к Шубникову, — это приказ партии и Родины. Подробности вам расскажет Сергей Павлович. Побывайте у него, это, поверьте, интересно»[72].

Излишне говорить, что секретарём ЦК был Н. С. Хрущёв.

День запуска спутника — 4 октября 1957 года — отныне стал справедливо считаться началом космической эры. Пропагандистский эффект этого события оказался громадным, неожиданным даже для самого Хрущёва. Печать всего мира пестрела сообщениями о первом спутнике Земли. Крайне существенными стали не только психологические, но и военно-политические последствия космических успехов Советского Союза. Ещё в конце августа 1957 года ТАСС сообщило не только о проведении в СССР новых испытаний атомного и водородного оружия, но и об успешном испытании советских межконтинентальных баллистических ракет. Однако отклики за границей на эти сообщения были умеренными. Теперь о советских достижениях в ракетостроении говорили все. Под влиянием этих достижений началась перестройка системы общего образования в США, менялись школьные и университетские программы. Президент Эйзенхауэр принял решение о создании особого федерального научного аппарата. Пересматривались и многие программы в области вооружений. Между тем Советский Союз запустил в ноябре 1957 года второй искусственный спутник Земли с подопытным животным на борту. Америка переживала эти успехи как национальное унижение.

Достижения в космосе стали хорошим подарком к 40-летнему юбилею Октябрьской революции, который торжественно отмечался по всей стране. Для участия в празднике в Москву одна за другой прибывали делегации всех социалистических стран и почти всех коммунистических партий мира. Со многими делегациями Хрущёв встречался, обсуждая накопившиеся проблемы. Именно Н. С. Хрущёв делал доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР.

Популярный американский журнал «Тайм» по традиции объявляет в начале января «человека года», т. е. человека, чья деятельность в наибольшей степени повлияла на события в мире в истёкшем году. «Человеком 1957 года» был объявлен Н. С. Хрущёв, портрет которого появился на обложке первого номера журнала за 1958 год. Хрущёв изображён здесь с короной в форме Кремля на голове и со спутником в руках.

На вершине власти

1. Н. С. Хрущёв — Председатель Совета Министров СССР

В ночь на 1958 год Хрущёв устроил в Большом Кремлёвском дворце грандиозную встречу Нового года. Присутствовали члены Президиума ЦК КПСС, министры СССР, крупнейшие хозяйственные и военные руководители, известные деятели культуры, главы посольств и миссий, высшее духовенство. Хрущёв как радушный хозяин провозглашал тосты. Столы ломились от яств. После обильного угощения начался концерт с участием лучших артистов страны. Это был и личный праздник Хрущёва, он победил оппозицию, его влияние и власть казались неограниченными.

Хрущёв в конце 50-х годов был полон уверенности в себе, оптимизма. Это отражалось даже на его внешнем облике и поведении. Не было ни напряжения, ни того чувства усталости и раздражительности, о которых писали наблюдатели в 1963 — 1964 годах. Часто видевший Хрущёва Федор Бурлацкий писал недавно: «В ту пору ему (Хрущёву. — *Р. М* .), наверное, минуло лет шестьдесят, но выглядел он очень крепким, подвижным и до озорства весёлым. Чуть что, он всхохатывал во весь свой огромный рот с выдвинутыми вперёд и плохо расставленными зубами, частью своими, а частью металлическими. Его широкое лицо с двумя бородавками и огромный лысый череп, крупный курносый нос и сильно оттопыренные уши вполне могли принадлежать крестьянину из среднерусской деревни или подмосковному работяге, который пробирается мимо очереди к стойке с вином. Это впечатление, так сказать, простонародности особенно усиливалось плотной полноватой фигурой и казавшимися непомерно длинными руками, потому что он почти непрерывно жестикулировал. И только глазки, маленькие карие глазки, то насыщенные юмором, то гневные, излучавшие то доброту, то властность, только, повторяю, эти глазки выдавали в нём человека сугубо политического, прошедшего огонь, воду и медные трубы и способного к самым крутым поворотам, будь то в беседе, в официальном выступлении или в государственных решениях»[73].

Бурлацкий пишет о том, о чём все мы, современники Хрущёва, слишком хорошо знали и часто даже выражали недовольство, — Хрущёв был излишне разговорчив, временами даже болтлив. По свидетельству Бурлацкого, ему нередко приходилось присутствовать на встречах Хрущёва с зарубежными

лидерами, во время которых он буквально никому не давал вымолвить слова. Воспоминания, шутки, политические замечания, мнения относительно тех или иных деятелей, нередко проницательные и острые, анекдоты, подчас довольно вульгарные, — всё это создавало образ человека непосредственного, живого, раскованного, но одновременно и не очень серьёзно и ответственно относящегося к своим словам. Иногда это становилось причиной дипломатических осложнений.

Чего не любил Хрущёв, так это долго сидеть в Москве. Уже в первые дни нового 1958 года он выехал в Польшу для краткого отдыха и обсуждения ряда деловых проблем, из Польши прибыл в Минск для беседы с руководителями республики и участия в совещании передовиков сельского хозяйства.

В марте 1958 года в Кремле открылась первая сессия Верховного Совета пятого созыва. По установившемуся обычаю, Председатель Совета Министров СССР, в данном случае Н. Булганин, направил в адрес вновь избранного Верховного Совета письмо, где, в частности, говорилось: «В соответствии со статьёй 70 Конституции СССР и в связи с тем, что вопрос об образовании Правительства СССР поставлен на рассмотрение Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР считает свои полномочия исчерпанными и слагает их перед Верховным Советом СССР».

Приняв к сведению это заявление, Верховный Совет постановил одобрить деятельность Совета Министров СССР. Затем взял слово К. Е. Ворошилов и предложил назначить новым Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущёва. Это предложение было одобрено единогласно, и Хрущёв, оставаясь Первым секретарём ЦК КПСС, принял на себя обязанности главы правительства. Заместителями Хрущёва по Совету Министров СССР утверждались Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, А. Ф. Засядько, И. Кузьмин и Д. Ф. Устинов. Недавний глава Правительства Н. А. Булганин получил пост председателя Правления Государственного банка СССР. Хрущёв возглавил также и Совет Обороны СССР, сосредоточив отныне в своих руках все основные рычаги партийной, государственной, хозяйственной, и военной власти в стране.

Расширение и укрепление власти в руках Хрущёва сопровождалось активизацией внешней политики СССР. Хрущёв неоднократно делал заявления о готовности улучшить отношения с западными странами. Одно за другим следовали предложения — о запрещении испытаний ядерного оружия, о заключении с западными странами договоров о ненападении, об объявлении Центральной Европы зоной, свободной от всех видов атомного оружия, о сокращении вооружённых сил. Конкретных результатов

эта кампания не принесла, если не считать подписания соглашения о расширении технико-экономических отношений с ФРГ и соглашения о репатриации оставшихся в СССР немецких офицеров и гражданских лиц, отбывавших наказание за совершенные в годы войны преступления.

Укреплялись отношения с социалистическими странами. Во главе представительной делегации Хрущёв совершил длительные поездки в Венгрию, Болгарию и ГДР. Между тем отношения с Югославией стали ухудшаться. Опубликованный в Белграде «Проект программы Союза коммунистов ФНРЮ» советские идеологи определили как «ревизионистский». В нашей печати публиковались статьи из «Женьминь жибао» с грубыми нападками на Югославию. Хрущёв был явно раздражён независимым поведением Тито и отменил предполагавшийся визит Ворошилова в Югославию. Но Тито, избавившись от опеки Сталина, не хотел возвращаться под опеку нового лидера, пусть даже более гибкую и мягкую. Югославия обрела полную независимость и стремилась равномерно развивать свои отношения как с Западом, так и с Востоком. Именно в это время происходило становление движения «неприсоединившихся стран», во главе которого стояли такие лидеры, как Неру, Сукарно и Тито.

Раздражение толкнуло Хрущёва на ряд несправедливых санкций. КПСС не послало своей делегации на 7-й съезд Югославской компартии. На съезд в Любляну 'не приехали делегации от всех социалистических стран, а также от всех компартий Европы, кроме Норвегии и Дании. СССР задержал поставки пшеницы в Югославию, несмотря на заключённые ранее соглашения. Более того, в мае 1958 года СССР отложил предоставление кредитов Югославии, договорённость о которых состоялась ещё в 1956 году. Эти кредиты давались на льготных условиях, более выгодных, чем западные кредиты. Конечно, Советский Союз не страдал избытком капиталов, и договор о кредитах являлся уступкой Югославии. Теперь Хрущёв без объяснений аннулировал заключённые соглашения, что было ошибочным не только с политической, но и юридической точки зрения, так как Югославия уже произвела немалую часть работ по строительству химических предприятий, для завершения которых и предназначались советские кредиты.

Укреплялись отношения между СССР и ОАР (Египет и Сирия объединились в это время в одно государство — Объединённую Арабскую Республику). В конце апреля 1958 года Москва торжественно встречала президента ОАР Г. А. Насера. Между СССР и ОАР складывался военно-политический союз, которому

Хрущёв придавал большое значение. Сотни советских специалистов направлялись в ОАР, чтобы помочь там созданию современной армии и промышленности.

Летом 1958 года обстановка на Ближнем Востоке вновь обострилась. В Ираке революция свергла проанглийский режим Нури Саида. Под угрозой оказалась и власть христианского президента Ливана Шамуна, про просьбе которого в Ливане высадились американские войска. Между Советским Союзом и США произошёл обмен резкими дипломатическими нотами. Насер ещё раз прилетел в Москву с кратким деловым визитом.

Хрущёв считал важным изложение советской точки зрения не только в дипломатических посланиях. Он хорошо понимал значение прессы в западных странах и часто встречался с многими журналистами. В первые месяцы 1958 года он подробно беседовал с немецким издателем А. Шпрингером и главным редактором газеты «Ди вельт» Гансом Церером, с одним из редакторов английской «Таймс» А. Макдональдом, с корреспондентом мексиканской газеты «Эксельсиор», с корреспондентами французской газеты «Фигаро» С. Гуссаром и американской газеты «Джорнэл оф коммерс» Э. Ридером и Г. Лидике, итальянской газеты «Темпо» Д. Паллоци и многими другими. Хрущёв принимал в Кремле и представителей демократической и коммунистической печати, и представителей правых, консервативных газет и журналов. Он встречался с владельцем газетно-журнальной корпорации в США В. Херстом, имя которого в нашей стране стало нарицательным для обозначения правой и даже «жёлтой» прессы. Тексты этих бесед, после согласования текста, обычно публиковались и в западной, и в советской печати. Как и все политики, Хрущёв часто уходил от прямого ответа на многие вопросы. Но нередко он проявлял находчивость и ставил своего собеседника в трудное положение. Хрущёв хорошо знал корреспондентов ведущих газет, аккредитованных в Москве, и на пресс-конференциях обращался к ним прямо по имени.

2. Реформы в сельском хозяйстве и в народном образовании

В конце 1958 года на Пленуме ЦК КПСС по докладу Хрущёва состоялось решение о реорганизации машинно-тракторных станций (МТС) и продаже сельскохозяйственной техники колхозам. Верховный Совет СССР принял Закон о реорганизации МТС. Эта реформа ещё раз показала, как верная по мысли и направлению реорганизация в результате торопливости и шаблона, непродуманности деталей, отсутствия предварительных экспериментов и экономического анализа может принести в конечном счёте не пользу, а немалый вред народному хозяйству страны.

Известно, что МТС возникли в СССР ещё в конце 20-х годов для помощи первым колхозам, не имевшим ни средств для приобретения техники, ни кадров для работы на ней. Перед войной в стране имелось около 7 тысяч МТС, в 1958 году — более 8 тысяч. Ещё в 30 — 40-е годы следовало не только развивать МТС, но и поощрять приобретение техники самими колхозами, особенно крупными хозяйствами. Но Сталин считал продажу техники колхозам принципиально недопустимой в социалистическом обществе, ибо это расширяло бы сферу товарного обращения, превращая в товар часть средств производства. Колхозам разрешалось приобретать только грузовые автомашины. Между тем по мере укрупнения колхозов и роста их доходов неизбежно возникал вопрос о расширении возможностей и прав коллективных хозяйств в деле механизации. Система, при которой на земле имелось два хозяина, один из которых отвечал за механизацию, а другой — за проведение работ и транспортировку продуктов, превращалась в тормоз развития колхозного производства. Способность коллективных хозяйств рационально использовать собственную технику показал и эксперимент, проведённый в 1957 году на Ставрополье, где 12 крупным колхозам передали технику соседних МТС. Но этот эксперимент проводился в особо благоприятных условиях. Между тем система МТС — колхозы, складывавшаяся десятилетиями, имела много вариантов, что требовало продолжения эксперимента и разумной постепенности при проведении реформы. Отчасти это понимал и Хрущёв, который говорил на сессии Верховного Совета о *постепенной* реорганизации с учётом местных особенностей и условий. Он призывал не спешить с реорганизацией в районах с менее развитым сельским хозяйством

и относительно слабыми колхозами. Хрущёв говорил, что «реорганизация МТС должна проводиться в течение 2 — 3 лет, а кое-где и больше. С этим не следует торопиться»[74].

Все эти предостережения оказались, однако, скоро забытыми. В течение всего лишь *трёх месяцев* после принятия нового закона большая часть МТС была ликвидирована. К концу 1958 года свыше 80 % колхозов купили технику МТС. На декабрьском Пленуме ЦК в 1958 году после «обмена мнениями» Хрущёв потребовал продать технику и слабым колхозам, чтобы «не развивать у них иждивенческих настроений». На 1 января 1959 года из 8 тысяч МТС сохранилось лишь 385. Подобная поспешность принесла значительный ущерб сельскохозяйственному производству. Колхозам пришлось потратить громадные суммы денег не только на покупку техники, но и на строительство помещений для её хранения и ремонта. Не менее миллиарда рублей в год надо было расходовать на горюче-смазочные материалы. Надо было оплачивать и труд механизаторов, которые превратились из рабочих в колхозников. Между тем в 1958 году только 40 % всех колхозов экономисты относили к числу крепких. Впрочем, и крепким хозяйствам пришлось нелегко. Хотя закон предусматривал рассрочку платежей за технику в течение 3 — 5 лет, под давлением сверху большая группа колхозов объявила о своём желании всего за один год рассчитаться за полученную технику. Хрущёв поддержал эту инициативу, и под давлением обкомов такие обязательства стали принимать средние и слабые колхозы. Большинству из них пришлось отложить на несколько лет другие проекты и даже сократить оплату труда колхозников. На покупку машин в отдельных случаях шла часть оборотных средств. Естественно, что колхозы предпочитали покупать лишь новые и исправные машины. На усадьбах МТС скопилось поэтому много непроданной техники, которую разумно было бы продавать по сниженным ценам или передавать бесплатно. Но местные органы понуждали колхозы покупать и такую технику. При этом цены на неё только за 1958 год повышались дважды. Ещё более высокие цены устанавливались на запасные части, бензин и другие материалы технического назначения.

Реорганизация МТС отразилась на работе предприятий сельскохозяйственного машиностроения. После покупки техники у колхозов не осталось денег для приобретения вновь производимых машин. Вместо предоставления долгосрочных кредитов колхозам государство начало сокращать производство сельскохозяйственных машин, заменяя их другой продукцией. Поставка новых машин сельскому хозяйству стремительно

сокращалась. Уже в 1958 — 1959 годах деревня получила вдвое меньше комбайнов, грузовиков и другой техники. Между тем подсчёты экономистов показывали, что использование техники в колхозах стало теперь хуже, чем ранее в МТС.

Не была продумана и своевременно создана новая система обслуживания и ремонта техники. Колхозы могли обеспечить текущий, но не капитальный ремонт. На усадьбах многих прежних МТС стали возникать предприятия «Сельхозтехники», которая оказалась экономически заинтересованной в том, чтобы колхозная техника как можно чаще и дороже ремонтировалась (подобно стекольщику, который заинтересован в том, чтобы разбивалось больше стёкол). Механизаторы из бывших МТС, превращаясь в колхозников, теряли важные льготы по социальному обеспечению. В экономически слабых колхозах доходы механизаторов заметно уменьшились, и десятки тысяч трактористов и комбайнёров ушли в города на более выгодную работу. У них всё же имелись паспорта, которых не было у колхозников. Общим результатом реорганизации МТС оказалась громадная «перекачка» средств из колхозных касс в государственную казну. При этом на ближайшие 7 — 8 лет использование техники в деревне не улучшилось, а заметно ухудшилось. Колхозному производству и всему сельскому хозяйству страны наносился неоправданный ущерб.

Не слишком удачной оказалась и реформа системы народного образования в СССР. Ещё в июле 1958 года Н. С. Хрущёв направил членам ЦК Записку «Об укреплении связи школы с жизнью», которая зачитывалась на собраниях руководителей народного образования и вскоре появилась в газетах. «Записка» Хрущёва содержала справедливую критику положения дел в школах. Известно, что при Сталине советская школа отказалась от популярных в 20-е годы идей политехнического обучения и соединения обучения с производительным трудом. Ученики покинули цеха предприятий, в школах ликвидировались мастерские, закрылись рабфаки — школы для молодых рабочих. Общеобразовательные школы ориентировались на поступление выпускников в высшие учебные заведения. Для подготовки квалифицированных рабочих создавалась система ремесленных училищ, куда поступали в основном дети из малообеспеченных семей. Но уже в 50-е годы только меньшая часть выпускников средних школ могла продолжить обучение в вузах, большая часть недавних школьников пополняла ряды рабочих и служащих, к чему юноши и девушки не были подготовлены ни морально, ни практически. Обострялось противоречие между школой и жизнью, между

системой народного образования и системой народного хозяйства.

Неудивительно, что в начале 50-х годов возродилась идея политехнического обучения, в школах стали создаваться небольшие мастерские, на трудовое обучение в разных классах отводилось от 2 до 4 часов в неделю. При сельских школах появились хозяйства с правильным севооборотом, фермы и птицефабрики, В южных областях получили развитие школьные бригады. В некоторых городских школах создавались цеха для производства товарной продукции — мебели, инструмента, игрушек, значков, аквариумов, простых видов одежды и белья. Подобные «школьные» цеха возникли и на территории отдельных предприятий. Эти поиски выявили не только различные формы соединения обучения с трудом, но и множество сложных проблем, требующих серьёзного изучения и анализа. Чтобы расширить фронт исследований, в 1957 году в 50 школах РСФСР срок обучения был продлён на 1 — 2 года. На производственное обучение и производительный труд отводилось не менее 12 часов в неделю. Эксперимент оказался успешным, и с 1958/59 учебного года в стране имелось уже около 200 одиннадцатилетних средних школ с производственным обучением. В это время Хрущёв и обнародовал свою «Записку».

Общий лозунг Хрущёва о подготовке всех школьников к труду на предприятиях, в совхозах, колхозах, учреждениях являлся совершенно верным. Но Хрущёв представил и конкретные предложения, очень плохо подходившие к условиям 50-х годов. Главным ориентиром служили его воспоминания о рабочих факультетах и заводах-втузах первой половины 20-х годов, когда общеобразовательная средняя школа занимала скромное место в советской системе народного образования. Поэтому Хрущёв предлагал вообще упразднить ставшую уже привычной для населения общеобразовательную среднюю школу. Он, в частности, писал: «В городах и рабочих посёлках дети, получившие 7 — 8-летнее образование, должны, может быть, идти в школы типа фабзавуча (фабрично-заводского обучения. — *Р. М.)*. Они будут продолжать учёбу, но чтобы эта учёба была тесно связана с профессиональным образованием, помогала учащимся приобрести производственные знания и трудовые навыки. В сельской местности учащиеся после 7 — 8 лет обучения в школе должны будут получить практические навыки и знания по агрономии и другим отраслям сельского хозяйства или обучаться 2 — 3 года какому-либо ремеслу… Но можно пойти и по такому пути: заканчивать первый этап получения среднего образования молодёжью 8-летним образованием с тем, чтобы

после окончания восьмилетки все юноши и девушки шли работать на производство. При такой организации общеобразовательной школы нам придётся ежегодно определять на работу в ближайший период времени от 2 до 3, 5 миллионов подростков, причём примерно 40 % из них в городе, остальных в деревне»[75].

Что касается полного среднего образования, то Хрущёв предлагал давать его в вечерних (сменных) школах с 3 — 4-летним обучением при 2 — 3 днях в неделю, свободных от производства. Обычные общеобразовательные школы он советовал сохранить лишь «в относительно небольшом числе».

Предложения Хрущёва содержали и верные мысли, и много существенных ошибок, главная из которых состояла в недооценке привычных и территориально близких для населения дневных общеобразовательных средних школ, а также в подмене политехнического обучения и посильного производительного труда школьников принудительным профессиональным образованием с крайне ограниченными возможностями выбора профессии. Тем не менее события и в данном случае развивались с ничем не оправданной быстротой. В ноябре 1958 года газеты опубликовали тезисы ЦК КПСС о перестройке школы, а в декабре после формального «всенародного обсуждения» Верховный Совет СССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Правда, не столько положения нового закона, сколько практика его проведения в жизнь существенно отличалась от предложений Хрущёва. Основой среднего образования осталась всё же дневная средняя школа, в которой примерно 1/3 учебного времени в 9 — 11-х классах отводилась на производственное обучение и производительный труд учащихся. Повсеместную организацию подобного рода средних школ с производственным обучением предполагалось завершить в течение пяти лет.

Этот срок являлся на деле нереальным. У системы образования имеется своя логика, и быстрые преобразования невозможны. За пять лет нельзя создать материальную базу и обеспечить педагогические кадры для политехнического и производственного обучения десятков миллионов учащихся. Пока на новую систему переходили несколько тысяч школ, уже накопивших немалый опыт трудового обучения и тесно связанных с соседними предприятиями, недостатки проводимой реформы казались не столь заметными. Но для 70 — 80 % школ перестройка оказалась формальной, реальным же фактом стало ухудшение и качества обучения, и воспитания. Ещё более затруднило положение средней школы неожиданно принятое

через несколько лет Хрущёвым решение вновь сократить обучение в школе до 10 лет. Это потребовало сложных изменений в учебном плане, результаты которых отрицательно сказались на организации трудового воспитания в школе.

3. Спокойные месяцы 1959 года

Время до конца лета 1959 года оказалось во многих отношениях самым спокойным в жизни Н. С. Хрущёва. Спокойно прошёл в начале года внеочередной XXI съезд КПСС, который заменил действующий пятилетний (1956 — 1960) новым семилетним планом развития народного хозяйства (1959 — 1965). Основным поводом для такого решения явилась реорганизация управления народным хозяйством, так как отныне планы нужно было рассчитывать не только по отраслям, но и по совнархозам. Иные условия сложились и в деревне после продажи техники МТС. Семилетний план предусматривал высокие темпы прироста продукции основных отраслей промышленности и сельского хозяйства. Даже журнал «Крокодил», забыв о своём амплуа сатирического журнала, писал: «Контрольные цифры семилетки в тезисах доклада Н. С. Хрущёва словно звёздная россыпь на синем шёлковом пологе. Цифры горят и переливаются, как звезды. Они живут, излучают энергию, от их лучей зажигаются сердца. Ослепительным белым светом горит цифра выплавляемой стали. Зелёным отсвечивают цветные металлы. Золотом сверкает цифра пшеницы. Цветами радуги переливаются цифры тканей. Мы видим картину рождения этих цифр, поразивших воображение человечества… За каждой цифрой — её творцы, хозяева страны, строители коммунизма. Каждая цифра — сгусток творческой энергии. В целом это картина плановой экономики, всенародного управления социалистическим хозяйством»[76].

Разумеется, Хрущёв продолжал много работать и в 1959 году. Он совершил поездки в Рязанскую и Тульскую области, на Лейпцигскую торговую ярмарку в ГДР. В Москве он принимал британского премьер-министра Г. Макмиллана и генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, премьера КНР Чжоу Эньлая и группу редакторов социал-демократических газет ФРГ. Выступления, беседы и речи Хрущёва появляются в печати не менее 3 — 4 раз в неделю. Он отличался утомительным многословием, что вызывало немало насмешек и явно вредило его репутации. Однако многие его выступления были интересны, он очень часто отступал от заранее подготовленного текста, и редакторам приходилось немало трудиться, чтобы подготовить для печати его свободные импровизации. Так, большая речь Хрущёва в Лейпциге, произнесённая 7 марта, напечатана в «Правде» только 27 марта 1959 года.

В конце марта Хрущёв решил отдохнуть, сначала в Сочи,

затем в Ялте. Но и здесь он продолжал встречаться с самыми разными людьми. Радушно принял он крупного американского фермера и главу кампании по производству семян гибридной кукурузы Р. Гарста. Позднее Гарст ещё не раз будет встречаться с Хрущёвым и станет едва ли не личным другом последнего. В Сочи Хрущёв получил письмо от бывшего вора, человека четырежды судимого, который жаловался, что не может устроиться на работу, хотя решил, наконец, начать честную жизнь. Никита Сергеевич пригласил автора письма на свою дачу, долго беседовал с ним и помог не только устроиться на хорошо оплачиваемую работу портового грузчика, но и получить квартиру. Позднее под влиянием этой «инициативы», о которой сам Хрущёв рассказал в одной из своих речей, в нашей стране началась большая кампания «взятия на поруки» коллективами различных предприятий и учреждений людей, совершивших не слишком тяжёлые уголовные преступления. Кампания эта не привела, однако, к уменьшению преступности в стране.

День своего 65-летия Хрущёв встречал в Ялте в кругу семьи. Он получил много поздравлений из разных стран, некоторые из них были опубликованы. Лишь в конце апреля Хрущёв вернулся в Москву. По установившейся традиции в конце этого месяца Всемирный Совет Мира присуждает Ленинские премии мира. Одна из пяти премий за 1959 год была присуждена Н. С. Хрущёву.

В мае 1959 года Хрущёв во главе советской делегации посетил Албанию. Сообщения о речах Хрущёва и Энвера Ходжи из Тираны публиковались под заголовком «Дружба на века». Действительное положение дел было иным. Ещё при жизни Сталина в Албании проводились жестокие, незаконные репрессии. Многие партийные деятели, обвинённые в симпатиях к Югославии или в оппозиции к Энверу Ходже, погибли под пулями палачей. Разоблачение Сталина на XX съезде и восстановление нормальных отношений с Югославией поставило албанских лидеров в трудное положение. Они не желали проводить никаких реабилитаций и продолжали враждовать с Тито. Однако в руководстве Албанской партии труда возникла оппозиция, включавшая и членов Политбюро. Члены этой оппозиции приезжали в СССР и просили Хрущёва о помощи, которой он оказать, однако, не смог. В Албании арестовали наиболее видных членов оппозиции и, несмотря на личное вмешательство Хрущёва, уничтожили их. При этом была расстреляна и член Политбюро АПТ Лири Гега, которая ждала рождения ребёнка. Нетрудно представить, что визит Хрущёва в Албанию проходил в трудной обстановке. Не прошло и двух лет после этого визита, как Албания порвала все отношения с СССР, а

Энвер Ходжа стал одним из наиболее яростных критиков Хрущёва.

В июне 1959 года в Москве состоялся Пленум ЦК для обсуждения проблем технического прогресса. Хрущёв пригласил сотни хозяйственных руководителей и учёных. Это стало вскоре традицией — проводить расширенные заседания Пленумов ЦК, причём число приглашённых достигало часто двух-трёх тысяч человек. Даже на отдельные заседания Президиума ЦК или нового органа Центрального Комитета — Бюро ЦК КПСС по РСФСР приглашалось нередко до 150 — 200 и более человек. С 1959 года я работал заместителем главного редактора издательства «Просвещение», и мне пришлось однажды присутствовать на таком расширенном заседании, где среди множества других вопросов обсуждались и некоторые проблемы издания учебной литературы. В повестке дня наши проблемы стояли на последнем месте, но вместе со всеми приглашёнными мы с интересом слушали обсуждение различных проблем Рязанского и Калужского обкомов партии. Конечно, присутствовать на таких заседаниях и видеть, как решаются вопросы в высших органах партии, было не только интересно, но и поучительно. Однако имелась и негативная сторона, так как деловое обсуждение сложных проблем в трёхтысячной аудитории часто становилось невозможным.

В тот период Хрущёва все более занимала проблема улучшения отношений с США. Ещё в сентябре 1958 года он тепло принял в Кремле крупного американского бизнесмена и общественного деятеля Сайруса Итона. Именно Итон стал инициатором регулярных встреч видных учёных разных стран, получивших по месту первой встречи наименование «Пагоушского движения». После беседы в кремлёвском кабинете Хрущёв пригласил гостя прогуляться по Кремлю и улице Горького. Москвичи, узнавая Хрущёва, приветствовали его. Такая простота отношений удивила Итона, но для Хрущёва подобного рода прогулки были нередки. Случались при этом и забавные эпизоды. Однажды во время прогулки Хрущёв пригласил Тито в «Кафе-мороженое» недалеко от Центрального телеграфа. Угостив гостя мороженым и кофе, Хрущёв, однако, не смог расплатиться, он не взял с собой денег. Пришлось обратиться к работнику охраны, сидевшему за соседним столиком, и занять у него десять рублей.

В начале 1959 года в США вылетел А. И. Микоян, который обсуждал с Д. Эйзенхауэром и Д. Даллесом проблемы политики, торговли, а также вопрос о возможной поездке Хрущёва в США. Была достигнута, в частности, договорённость об устройстве

советской выставки в Нью-Йорке и американской — в Москве. Советская выставка открылась в июне 1959 года и пользовалась большим успехом. В конце июля в Москве в парке «Сокольники» открылась американская выставка. Хрущёв и другие руководители посетили её за несколько часов до официального открытия. Их встречал прибывший в Москву вице-президент США Ричард Никсон. Н. С. Хрущёв придирчиво осматривал многие экспонаты. Его внимание привлёк типовой домик для одной семьи, показавшийся не очень основательным; сделанный в основном из фанеры, Домик мог служить лишь 20 — 25 лет. «Мы должны так строить дома, — сказал Хрущёв, — чтобы они служили нашим детям и внукам». «Но у детей и внуков, — возразил Никсон, — могут быть другие вкусы и требования». «Ну, мебель пускай меняют, — заметил Хрущёв, — но зачем менять дом?» Эта полемика «на кухне» затронула не только кухонные проблемы, но и различные аспекты американо-советских отношений. Разгорячённый спором, Хрущёв заявил, что, если США попытаются испытать прочность СССР, наша страна покажет Америке «кузькину мать». Американский переводчик перевёл это выражение как «мать Кузьмы», и Никсон ничего не понял. Впрочем, советский переводчик внёс нужные разъяснения. Этот эпизод стал предметом многих шуток. На официальном открытии выставки Никсон произнёс большую речь, в которой восхвалял американский образ жизни, существующую в США свободу слова, печати, передвижений, благосостояние средней американской семьи и пр. По указанию Хрущёва речь Никсона появилась в советской печати без купюр.

Никсон провёл в Москве ещё несколько дней. Он вёл переговоры об отношениях США и СССР и передал Хрущёву приглашение президента Эйзенхауэра посетить Соединённые Штаты. Хрущёв принял это приглашение. В печати было объявлено о поездке Хрущёва в США в сентябре «для ознакомления со страной и народом» и о том, что президент США Эйзенхауэр позднее посетит СССР. Речь шла об официальных визитах, не ставящих целью заключение каких-либо соглашений. В воскресенье 26 июля Хрущёв и Никсон совершили прогулку на катерах по Москва-реке. В этот жаркий, летний день на берегах реки отдыхали тысячи москвичей. Катер часто приставал к берегу, Хрущёв и Никсон выходили из него, и Никита Сергеевич вступал в непринуждённую беседу с отдыхающими. При этом он неизменно обращался к своему гостю с вопросом: «Ну что, похожи эти люди на рабов коммунизма?» Август 1959 года Хрущёв провёл возле Ялты. Возвращаясь в Москву, он посетил в Вешенской писателя М. А. Шолохова и пригласил его поехать в

США. Шли последние приготовления к этому визиту. 12 сентября советская ракета достигла поверхности Луны, доставив туда специальный вымпел. 15 сентября в «Правде» на фоне летящей к Луне ракеты и атомохода «Ленин» был изображён самолёт Ту-114, на борту которого выделялась надпись: «Москва — Вашингтон». Здесь же сообщалось, что «сегодня Н. С. Хрущёв отбывает с визитом в США».

4. Поездки Н. С. Хрущёва в США. СССР и страны Запада

Первая поездка Н. С. Хрущёва в США — не просто знаменательное, но историческое событие, ибо это первый визит главы Советского государства и КПСС в Соединённые Штаты, визит во многих отношениях необычный. Соединённые Штаты видели на своей земле многих глав государств. Но двухнедельный визит Хрущёва в США до сих пор помнит старшее поколение американских граждан и советских людей. На протяжении многих дней внимание сотен миллионов людей во всём мире было приковано к личности и поведению советского лидера, и можно сказать, что Хрущёв выдержал трудный экзамен. После поездки Хрущёва в Америку вряд ли возросло число приверженцев коммунизма. Но личная популярность Хрущёва среди американцев и во всём мире заметно возросла, как внимание американцев к Советскому Союзу. Гражданам США понравились непосредственность, активность, напористость, трудолюбие, находчивость, простота и грубоватый юмор Хрущёва — «коммуниста № 1», как его окрестила американская пресса. Хрущёв не терялся ни при каких обстоятельствах.

Мы не будем подробно излагать здесь все факты, связанные с поездкой Хрущёва. Во второй половине сентября американские и советские газеты уделяли этому визиту огромное внимание. В Москве уже в октябре 1959 года вышла в свет книга «Жить в мире и дружбе!», в которой собраны репортажи и тексты почти всех выступлений Хрущёва в Америке. Ещё через месяц группа ведущих советских журналистов — А. Аджубей, Н. Грибачёв, Г. Жуков, Л. Ильичёв, П. Сатюков, О. Трояновский и другие — составила книгу «Лицом к лицу с Америкой», которая разошлась большим тиражом. В рамках биографии Хрущёва мы упомянем лишь о центральных фактах поездки Хрущёва по Соединённым Штатам.

Поездка началась утром 15 сентября. Утром того же дня, по американскому времени, самолёт Ту-114 приземлился на военно-воздушной базе Эндрюс недалеко от Вашингтона. В советскую делегацию входили А. А. Громыко, министр высшего образования В. П. Елютин, председатель Днепропетровского Совнархоза Н. А. Тихонов, председатель Комиссии по мирному использованию атомной энергии В. С. Емельянов, писатель М. А. Шолохов и некоторые другие официальные лица. Здесь же была жена Хрущёва Нина Петровна и некоторые члены его семьи. Ту-114 —

новый самолёт, и Хрущёв предложил конструктору А. Н. Туполеву лететь в США. Туполев отказался из-за плохого здоровья, но предложил взять своего сына А. А. Туполева. «Самолёт новый, и мой сын будет залогом того, что всё в порядке и вы перелетите океан». Хрущёва сопровождала большая группа журналистов.

На аэродроме ВВС Н. С. Хрущёва встречали президент США Д. Эйзенхауэр и госсекретарь США К. Гертер. Затем в открытой машине Эйзенхауэр и Хрущёв направились в Вашингтон; по сторонам дороги, ведущей в столицу, их приветствовало множество американцев. После отдыха Хрущёв появился в Белом доме, где в его честь давался обед. После обеда состоялась не слишком продолжительная беседа. Хрущёв устал, день 15 сентября из-за разницы в часовых поясах продолжался 32 часа.

16 сентября состоялась новая встреча Хрущёва и Эйзенхауэра, но обед давал теперь Хрущёв в отведённой для него резиденции. Обсуждались главным образом вопросы разоружения, германский вопрос о Берлине, проблемы советско-американской торговли. Точки зрения двух лидеров не совпадали, но они выразили уверенность в необходимости политики разрядки напряжённости. Хрущёв осмотрел Вашингтон, беседовал в Конгрессе с группой сенаторов, среди которых находился и Джон Кеннеди. Главным событием дня стало выступление Хрущёва в Вашингтонском клубе печати. После речи Никита Сергеевич ответил на вопросы, показав себя неплохим полемистом. «Если вы мне будете подбрасывать дохлых крыс, — грубовато сказал Хрущёв, — то и я могу вам немало дохлых кошек подбросить». Эта встреча с журналистами транслировалась по всей Америке.

Следующие два дня, проведённые уже в Нью-Йорке, оказались очень напряжёнными. На приёме у мэра города Р. Вагнера присутствовало около двух тысяч человек, к которым Хрущёв обратился с большой речью. Затем состоялся более узкий приём у видного дипломата и общественного деятеля А. Гарримана. Вечером Хрущёв должен был присутствовать на обеде в свою честь в Экономическом клубе Нью-Йорка. Как писали газеты, «это было самое большое собрание крупных бизнесменов, которое когда-либо происходило под одной крышей». И здесь Хрущёв произнёс большую речь и ответил на многочисленные вопросы. На следующий день Никита Сергеевич осмотрел город, посетил вдову президента Ф. Рузвельта, осмотрел Дом-музей Рузвельта и возложил венок на его могилу. Затем он проследовал в главное здание ООН, где проходила осенняя сессия Генеральной Ассамблеи. Хрущёв произнёс большую речь, главными темами которой являлись разоружение, германский вопрос, вопрос о приёме КНР в ООН.

19 и 20 сентября Хрущёв провёл в Калифорнии, посетил Лос-Анджелес, Сан-Франциско. В Голливуде в его честь состоялся большой приём. Советский премьер побывал в магазине самообслуживания и в столовой самообслуживания; эти формы торговли и общественного питания стали вскоре широко применяться и в СССР. В г. Сан-Хосе он осмотрел завод счётных машин. У него состоялась острая дискуссия с лидерами американских профсоюзов, после которой Никита Сергеевич прошёлся по улицам Сан-Франциско и посетил штаб-квартиру портовых грузчиков. Различными встречами и прогулкой по заливу был заполнен и день 21 сентября.

22 и 23 сентября Хрущёв посетил штат Айова, в столице которого он осмотрел завод сельскохозяйственного машиностроения, мясокомбинат, торговую палату. Утром 23 сентября Никита Сергеевич посетил большую ферму своего знакомого Р. Гарста, где группа советских комбайнёров проходила обучение технике возделывания кукурузы без применения ручного труда. Вечером Хрущёв вылетел в г. Питсбург и побывал на большом машиностроительном заводе.

24 сентября Хрущёв вернулся в Вашингтон. Советское посольство устроило большой приём для дипломатов и высших чинов официального Вашингтона. Присутствовали и другие лица, например молодой пианист Ван Клиберн, занявший в 1958 году первое место на Конкурсе им. Чайковского в Москве и быстро ставший исключительно популярным.

День 25 сентября Хрущёв провёл в загородной резиденции американских президентов — Кэмп-Дэвиде. Беседы и переговоры с Эйзенхауэром продолжались и на следующий день, а также утром 27 сентября. Часть встреч проходила «с глазу на глаз», правда, не без помощи переводчиков. Хрущёв побывал на личной ферме президента и познакомился с его семьёй. 27 сентября Никита Сергеевич выступил с речью, которая транслировалась по основным каналам американского телевидения. Вечером Хрущёв вылетел в Москву. Отдыхал он только в самолёте. Почти сразу после прибытия в Москву во Дворце спорта состоялся митинг, на котором Хрущёв подводил итоги своего визита в США. Через день он снова поднимался на борт самолёта, чтобы лететь на Восток — для участия в торжествах по случаю 10-летия КНР.

Результатом поездки Хрущёва в США явилась общая разрядка в отношениях между СССР и западными странами. Об этом свидетельствовал даже такой небольшой по значению факт, как поздравление Хрущёвым У. Черчилля по случаю 85-летия бывшего английского премьера. Черчилль был приятно удивлён полученной телеграммой. В своём ответе он писал, что тронут

поздравлениями Хрущёва и надеется, что «мы найдём путь, который приведёт к урегулированию для всех». Улучшились отношения с Италией, президент страны Дж. Гронки предпринял официальный визит в Москву. В конце марта 1960 года состоялся визит Хрущёва во Францию, который привлёк внимание всей Европы. У власти во Франции с 1958 года находился генерал Шарль де Голль. Он выступал за независимость Франции, за ослабление её политической зависимости от США и военного блока НАТО. Де Голль повёл решительную борьбу против расистских и правых групп в Алжире и склонялся к заключению мира в этой стране. Все эти тенденции, естественно, находили позитивный отклик в Москве. Де Голль встречал Хрущёва во Франции, и их переговоры начались в первый же день. Никита Сергеевич провёл в Париже три дня, осмотрел город, выступил в муниципалитете, в Торговой палате и Ассоциации демократической прессы. Затем он совершил поездку по стране, побывал в Марселе, Бордо, Ниме, Арле, Дижоне и других городах. Всюду его приветствовали десятки тысяч жителей, иногда по нескольку часов ожидавших вдоль дорог и улиц почётного гостя. Было видно, однако, что Франция — это страна не только с сильными левыми партиями, но и влиятельными правыми группировками, которые старались срывать приветственные плакаты. В происходивших столкновениях один рабочий был убит, а несколько человек ранено. Даже на Елисейских полях, на пути следования Хрущёва и де Голля, полиция арестовала бармена, у которого под стойкой нашли бомбы. В последние два дня визита Хрущёв вёл переговоры с де Голлем, встречался с лидерами французских профсоюзов, посетил завод «Рено», слушал в театре оперу «Кармен». Он выступил с большой речью по телевидению и после заключительной пресс-конференции вернулся в Москву.

Улучшение отношений между СССР и странами Запада привело к идее провести новую встречу глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции, чтобы п родолжи ть обсуждение проблем, начатое на аналогичной встрече в Женеве в 1955 году. Вскоре все предварительные вопросы были согласованы, и встреча глав государств должна была состояться в середине мая 1960 года. Ещё через месяц намечалась поездка президента США Д. Эйзенхауэра в Советский Союз. Но все эти планы рухнули вместе с американским самолётом-разведчиком, который утром 1 Мая пересёк с юга границу СССР и который удалось сбить ракетой в районе Свердловска.

Надо отметить, что полёты американских сверхвысотных самолётов-разведчиков, производивших фотографирование

советской территории, происходили ещё во времена Сталина. Эти самолёты пролетали даже над Ленинградом и Москвой, иногда в дни наиболее торжественных советских праздников. Советская печать ничего не сообщала об этих унизительных для СССР вторжениях, так как у нашей страны не имелось тогда средств помешать подобными полётам. Лучшие советские истребители поднимались на высоту не более 16 километров, высота в 20 километров оказалась недостижимой и для зенитной артиллерии. Военные специалисты докладывали Сталину, что лучшим способом прекратить американские разведывательные полёты могло бы стать создание особой зенитной ракеты «земля-воздух». Этим отчасти и объясняется раннее развёртывание в СССР работ по ракетостроению. И вот теперь, в 1960 году, достаточно точные зенитные ракеты поступили на вооружение советских войск ПВО.

Ещё летом 1959 года перед визитом Хрущёва в США Д. Эйзенхауэр дал директиву временно прекратить полёты над СССР. Но в апреле 1960 года полёты возобновились. Советские ракетчики смогли, однако, сбить американский самолёт только 1 Мая 1960 года. Хрущёв объявил об инциденте 5 мая на сессии Верховного Совета СССР, умышленно не назвав ни района, в котором упал самолёт, ни того факта, что спустившийся на парашюте лётчик Ф. Пауэрс захвачен живым и невредимым. Предполагая, что самолёт и лётчик уничтожены, госдепартамент США сделал заведомо ложное заявление о «метеорологическом самолёте», который якобы исследовал верхние слои атмосферы над Турцией и Ираном и случайно пересёк границу СССР. Лишь после этого Хрущёв объявил, что самолёт сбит над Уралом, что лётчик жив и даёт показания советским властям и что среди остатков самолёта найдена фотоплёнка со снимками советских военных объектов. Правительство СССР направило ноту протеста правительству США. Американская сторона не принесла даже формальных извинений Советскому Союзу. Более того, госсекретарь США Гертер пытался оправдать полёты американских самолётов над советской территорией «излишней секретностью СССР».

До совещания в верхах оставались между тем считанные дни. Н. Хрущёв вылетел в Париж вместе с А. Громыко и маршалом Р. Малиновским. На предварительной встрече глав государств Хрущёв заявил, что он будет участвовать в совещаниях в том случае, если Эйзенхауэр осудит и запретит полёты американских самолётов над СССР и накажет виновных. Президент США отказался принять это требование, он сообщил лишь о временном прекращении полётов и выдвинул предложение об «открытом небе» над США и СССР, которое Хрущёв немедленно отклонил.

Совещание в верхах оказалось сорванным. Советская сторона отменила и намечавшийся визит Эйзенхауэра в СССР ввиду того, что советские граждане «не могут в сложившейся обстановке принять президента США с должным гос т епри имством». В советской печати резко увеличилось количество материалов с осуждением США.

Советско-американские отношения ухудшились и в связи с положением на Кубе. В 1960 году отчётливо наметилось перерастание национально-демократической революции на Кубе в революцию социалистическую. Куба вызывала все большую симпатию в СССР и неприязнь в США. Крупнейшие американские политики заявляли, что Соединённые Штаты не могут и не должны терпеть существования в Западном полушарии коммунистического режима. Америка объявила полный торговый бойкот Кубы, отказавшись покупать кубинский сахар и продавать нужные ей товары. Началась также подготовка военной операции, которую при поддержке американских вооружённых сил должны были осуществить отряды кубинских эмигрантов, стремившихся свергнуть режим Фиделя Кастро. Советский Союз, напротив, увеличил свою экономическую и политическую поддержку Кубы.

Каждую осень в Нью-Йорке проводится сессия Генеральной Ассамблеи ООН, и советская делегация в первую неделю сессии возглавляется обычно министром иностранных дел. 2 сентября 1960 года стал известен состав делегации СССР на XV сессию Генеральной Ассамблеи. На этот раз главой советской делегации оказался Н. С. Хрущёв, а Громыко стал одним из членов делегации. Это сообщение явилось политической сенсацией для всего мира.

Президент США не мог приехать в СССР без приглашения. Между тем глава Советского государства мог приехать в США без приглашения и излагать свои взгляды по любым проблемам. Эта возможность определялась тем, что именно Соединённые Штаты предоставили свою территорию для штаб-квартиры ООН. Появление Хрущёва в США было для американского правительства нежелательным. Эйзенхауэр был оскорблён отменой его визита в СССР. Даже Япония, куда американский президент намеревался прибыть после поездки в СССР, предложила Эйзенхауэру отложить визит из-за массовых протестов левых партий. В США вступала в решающую фазу кампания по выборам президента, в которой вели борьбу кандидат от республиканской партии Ричард Никсон и кандидат от демократической партии Джон Кеннеди. Визит Хрущёва не только отвлекал внимание от избирательной кампании, но мог отразиться на шансах республиканской партии, стоявшей у

власти. К тому же главы государств многих стран мира также вскоре заявили, что они возглавят свои делегации на сессии ООН.

Хрущёв предпринял ещё один эффектный шаг. Он решил отправиться в Нью-Йорк морем. Самолёт доставил советскую делегацию только до Калининграда. Здесь делегация СССР, а также Украины и Белоруссии во главе с Н. Подгорным и К. Мазуровым, Венгрии во главе с Я. Кадаром, Болгарии во главе с Т. Живковым, Румынии во главе с Г. Деж поднялись на борт турбоэлектрохода «Балтика». 9 сентября, т. е. задолго до открытия сессии Генеральной Ассамблеи, «Балтика» отошла от пирса Калининграда и в сопровождении кораблей Балтийского военно-морского флота взяла курс на Запад. После пролива Ла-Манш, перед выходом в Атлантический океан, корабли военного эскорта повернули обратно. К 14 сентября «Балтика» прошла половину пути до Нью-Йорка.

В эти дни многие страны пересматривали состав своих делегаций. На сессию ООН собирались прибыть В. Гомулка из Польши, И. Б. Тито из Югославии, король Иордании Хусейн, премьер Индии Д. Неру, Фидель Кастро из Кубы, Кваме Нкрума из Ганы, премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан, а также главы многих других государств Азии, Африки, Европы, премьеры Австралии и Новой Зеландии. В истории ООН не было ещё подобного собрания политических лидеров. Американские власти объявили, что по соображениям безопасности ограничат передвижение Хрущёва островом Манхэттен, где расположены здания ООН. Подобные же ограничения вводились и для Фиделя Кастро.

19 сентября «Балтика» вошла в порт Нью-Йорка, и Хрущёв вместе с другими государственными деятелями вступил на американскую землю. Советской делегации отвели особняк на Парк-Авеню, вокруг которого стояли усиленные наряды полиции и постоянно дежурили сотни корреспондентов. 20 сентября Хрущёв отправился в негритянский район города — Гарлем, где в небольшой гостинице располагалась кубинская делегация. Это была первая встреча Хрущёва и Фиделя Кастро.

По традиции заседания Генеральной Ассамблеи начинаются с приёма новых членов ООН. В 1960 году в ООН вступило рекордное количество новых членов — более 20 стран, что лишний раз подчёркивало быстрый распад колониальной системы. Затем началась общая политическая дискуссия.

23 сентября 1960 года Хрущёв прочёл на пленарном заседании Ассамблеи доклад, опубликованный затем под заголовком: «Свободу и независимость всем колониальным народам. Решить проблему всеобщего разоружения». Доклад

вызвал много откликов в мировой печати. Всеобщее внимание привлекли также выступления Кваме Нкрумы, Фиделя Кастро, Г. Насера, И. Б. Тито. Значительно меньший резонанс имели выступления Д. Эйзенхауэра и Г. Макмиллана. В ходе сессии происходили многочисленные приёмы и встречи. Хрущёв встречался с Сукарно, Ф. Кастро, Д. Неру и многими другими. Всеобщее внимание привлекла встреча Хрущёва с И. Б. Тито, первая встреча после трёх лет отчуждения и взаимных обвинений. В советской резиденции состоялся большой приём в честь делегаций социалистических стран, а затем приём в честь государств, только что принятых в ООН. Хрущёв встречался с лидерами некоторых западных стран.

Большинство глав государств покинуло Нью-Йорк через несколько дней, но Хрущёв оставался здесь больше трёх недель. 30 сентября он выступил в Ассамблее с речью о восстановлении законных прав Китая в ООН. Когда делегат Испании взял слово для ответа Хрущёву, последний покинул зал. Несколько раз Хрущёв выступал в ООН по различным вопросам, пользуясь правом ответа. Иногда он терял терпение, и вместо ответа прерывал очередного оратора пространной репликой с места или грубостью. «Чья бы корова мычала, а ваша бы молчала!» — выкрикнул он во время выступления американского представителя при обсуждении проблем деколонизации. Ещё более грубо обругал Хрущёв делегата Филиппин, когда тот заявил, что и Советский Союз должен освободить свои колонии и зависимые страны. Хрущёв прервал выступление филиппинского министра, назвав его «слюнтяем, ничтожеством, шутом гороховым, лакеем американского империализма», который не имеет никакого права выдвигать вопросы, не имеющие отношения к делу. Для делегата страны, лишь недавно завоевавшей независимость и стремившейся как раз в конце 50 — начале 60-х годов ликвидировать привилегии американского капитала, это было не только оскорбительное, но и несправедливое заявление, глубоко уязвившее многие страны «третьего мира». В более подробном ответе Хрущёв попытался сгладить произведённое его репликой неблагоприятное впечатление, назвав того же делегата Филиппин «неплохим человеком». Кроме того, в советской печати был на следующий день опубликован полный ответ филиппинского министра на реплику и выступление Хрущёва. Несколько раз Хрущёв устраивал на заседаниях Ассамблеи обструкции, начиная вместе с делегатами от социалистических стран стучать кулаками по пюпитру. В историю ООН вошёл случай, когда Хрущёв, недовольный выступлением дипломата одной из западных стран, снял ботинок и начал громко стучать

им по столу, прервав заседание ООН. Председатель Генеральной Ассамблеи растерянно глядел по сторонам, не зная — как поступить. Лишь Гарольд Макмиллан, не потеряв свойственного англичанам спокойствия и юмора, громко сказал: «Мне должны это перевести». Хотя и в прежние годы прения в ООН не отличались особой вежливостью, поступок Хрущёва вызвал осуждение в кругах ООН, и советская делегация была оштрафована за нарушение порядка на сумму в 10 тысяч долларов. Выступая позднее на XXII съезде КПСС, зять Хрущёва А. Аджубей изображал этот эпизод чуть ли не как пример решительной борьбы советского лидера против империализма. Впрочем, многим американцам Хрущёв понравился и на этот раз. Как писал позднее американский советолог Х. Робинсон: «Инцидент, в котором Хрущёв, со сверкающей лысиной, снял ботинок и стучал им по столу в ООН, протестуя против замечаний западной делегации, видели миллионы телезрителей. В этом проявлении личности Хрущёва было что-то грубое и неприятное, но также трогательно человеческое и душевное, что американцы могли понять и оценить»[77].

Когда турбоэлектроход «Балтика» находился ещё далеко от Нью-Йорка, некоторые политики США призывали печать игнорировать Хрущёва и не писать о его пребывании на американской земле. Но органы массовой информации не собирались следовать этим призывам. На пресс-конференции Хрущёва присутствовали сотни корреспондентов, а репортажи из зала ООН занимали часто больше места в американских газетах, чем приближавшаяся к концу президентская избирательная кампания. Перед отъездом на родину Хрущёв принял участие в острой дискуссии, которая транслировалась по телевидению. Обратный путь в Москву на Ту-114 занял всего десять часов.

5. Отношения с Китаем. Мировое коммунистическое движение

Мы уже писали о тех трудностях, которые возникли в мировом коммунистическом движении после XX съезда КПСС. Преодолению этих трудностей должно было служить Совещание представителей 12 коммунистических партий социалистических стран, состоявшееся в Москве 14 — 16 ноября 1957 года. Затем в Москве началось Совещание представителей 64 коммунистических и рабочих партий, продолжавшееся до 19 ноября. Эти Совещания положили начало новой форме совместной работы коммунистических партий, для участия в которой прибыли лидеры почти всех коммунистических партий мира, включая и Мао Цзэдуна. Выступления и дискуссии, происходившие в Кремле, не были, однако, опубликованы. В печати появились только Итоговая декларация и Манифест мира, принятые на Совещаниях. В документах полностью одобрялись решения XX съезда КПСС.

Решения Московских Совещаний коммунистических и рабочих партий не помешали незаметному для внешних наблюдателей расширению трещины в отношениях между СССР и КНР, между Н. С. Хрущёвым и Мао Цзэдуном. В 1958 году в Китае начался пресловутый «великий скачок». Это вызвало много новых просьб и даже претензий Китая к СССР, которые советская сторона не торопилась выполнить. В беседах, носивших конфиденциальный характер, Хрущёв крайне скептически отнёсся и к идее и практике создания «народных коммун». Но и в Китае в 1957 — 1958 годах Мао Цзэдун провёл серию конфиденциальных совещаний, на которых критиковал как внешнюю, так и внутреннюю политику СССР.

Между тем именно в 1958 году крайне обострилась общая обстановка на Дальнем Востоке. Отношения между КНР и гоминдановским государством на Тайване никогда не были добрососедскими. Новый конфликт возник из-за нескольких островов в Тайваньском проливе, расположенных недалеко от материкового Китая, но находившихся под контролем тайваньских властей. Артиллерия КНР начала подвергать острова регулярным обстрелам, к побережью подводились войска. Опасаясь военно-морского десанта и попытки захватить спорные острова, американские военно-морские силы взяли под свою охрану Тайваньский пролив, открыто демонстрируя поддержку режима Чан Кайши на Тайване. Корабли и самолёты США стали

намеренно нарушать морскую и воздушную границы Китая. Пекин сделал Соединённым Штатам первое «серьёзное предупреждение», и число этих «предупреждений» стало исчисляться вскоре десятками, а затем сотнями.

Не исключено, что конфликт между КНР и Тайванем расширялся намеренно, чтобы как-то отвлечь внимание китайского народа от провалов «великого скачка» и для ужесточения дисциплины в КНР и в КПК. Тем не менее Хрущёв совершил кратковременный визит в Китай — с 31 июля по 3 августа 1958 года. Он ежедневно встречался и беседовал с Мао Цзэдуном. Позднее стало известно, что как раз во время этого визита Мао настаивал на увеличении помощи СССР в деле создания китайского ракетно-ядерного оружия. Советский Союз, однако, не был склонен ускорять и увеличивать свою помощь Китаю в этом отношении. Хрущёв лишь публично заявил, что в случае серьёзного конфликта с США Советский Союз поддержит Китай всей мощью своих Вооружённых Сил.

Через год с небольшим Хрущёв снова прилетел в Пекин, чтобы принять участие в торжествах по случаю 10-летия КНР. 29 сентября 1959 года в пекинском аэропорту Хрущёва встречали Мао Цзэдун и Лю Шаоци, а также члены советской делегации, прибывшие на несколько дней раньше. Встреча была вежливой, но далеко не сердечной. Население не оповещали, и, когда машина с Мао

Цзэдуном и Хрущёвым проезжала по улицам Пекина, их никто не приветствовал — разительный контраст с недавними встречами в США. Китайские лидеры не скрывали своего недовольства недавним визитом Хрущёва в США и попытками СССР вести политику разрядки с США. Различные трения возникали между советскими специалистами и китайцами в ходе «великого скачка», при котором нарушались и все разумные экономические пропорции, и необходимые технические условия. Неудивительно, что первая беседа Хрущёва с Мао Цзэдуном оказалась очень короткой и не слишком тёплой. Мао избегал серьёзных переговоров, ссылаясь на занятость. Чтобы не осложнять атмосферу, Хрущёв вскоре после официальных праздничных церемоний покинул Китай, проведя там всего несколько дней. Это были его последний визит в Китай и последняя встреча с Мао.

Отношения с Китаем осложнились и из-за конфликта Китая и Индии, принявшего вскоре характер вооружённых столкновений. Дело в том, что граница между Китаем и Индией не была точно установлена и находилась далеко от политических центров этих стран. Существовала, однако, традиционная линия границы. По

версии Китая, отряд индийских войск вторгся на китайскую территорию. По индийской версии, напротив, китайский вооружённый отряд вторгся на территорию Индии. Советский Союз опубликовал версии обоих правительств и предложил посредничество, что вызвало раздражение в Китае. Как союзник СССР Китай рассчитывал на автоматическое одобрение в Москве китайской версии. Однако советские эксперты не были убеждены в правоте КНР, и Советское правительство предпочло занять в китайско-индийском конфликте нейтральную позицию. Хрущёв откликнулся на предложение Индии и направил в эту страну делегацию в составе К. Е. Ворошилова, Ф. Р. Козлова и Е. А. Фурцевой. Одновременно шла оживлённая переписка с Пекином. В феврале 1960 года Хрущёв на пути в Индонезию остановился на четыре дня в Индии, встретился дважды с Дж. Неру, посетил некоторые города, и в частности металлургический завод в Бхилаи, где работали сотни советских специалистов и рабочих. Этот демонстративный визит вызвал недовольство в Пекине.

Дискуссии между КНР и СССР, затрагивавшие все более широкий круг проблем, проводились главным образом посредством обмена конфиденциальными письмами. 5 апреля 1960 года Советское правительство пригласило Мао Цзэдуна в СССР для отдыха и переговоров. Но Мао отклонил это предложение. В опубликованных к 90-летию со дня рождения Ленина статьях китайская партийная печать подвергла критике отдельные положения из Декларации Совещания коммунистических партий 1957 года, хотя под ней стояла и подпись КПК. Масштабы разногласий расширялись. В июне 1960 года ЦК КПСС направил другим коммунистическим партиям «Информационную записку», в которой критиковались теоретические взгляды и претензии руководства КПК. В свою очередь ЦК КПК направил другим компартиям своё письмо.

Дискуссия между партиями отразилась и на межгосударственных отношениях СССР и КНР. Китай сократил объём своих закупок в СССР и странах СЭВ. Среди советских специалистов начали распространять в Китае различные материалы с критикой КПСС. Ответные действия СССР оказались очень решительными; в июле 1960 года Советское правительство отозвало из КНР всех советских специалистов. Для того времени это было поспешное решение, продиктованное во многом раздражением Хрущёва. Из-за провала «великого скачка» Китай как раз в 1960 году испытывал огромные экономические трудности. Теперь руководство КПК получало возможность объяснить большую часть своих неудач отзывом советских специалистов.

КПСС предложила провести новое Международное совещание коммунистических партий. Это предложение было принято, и в октябре 1960 года в Москве начала работать редакционная комиссия по подготовке документов Международного совещания. Уже на подготовительной стадии китайская делегация потребовала исключить из всех документов ссылку на историческое значение XX съезда КПСС. Конечно, для Хрущёва подобный шаг был неприемлем.

Международное совещание коммунистических и рабочих партий происходило в Москве с 10 ноября по 1 декабря 1960 года. Среди представителей 81 партии не было, однако, делегации Союза коммунистов Югославии. Делегация КПК с самого начала выступила с рядом критических замечаний по проблемам стратегии и тактики коммунистического движения. Эти замечания не поддержали другие компартии, и, оказавшись в изоляции, делегация КПК, возглавляемая Лю Шаоци и Дэн Сяопином, подписала Итоговое Заявление Совещания. Сразу же после Совещания Хрущёв пригласил китайскую делегацию совершить поездку по СССР. Делегация КПК приняла предложение и побывала в нескольких городах нашей страны. В беседах с китайскими лидерами Хрущёв всячески подчёркивал желание преодолеть разногласия. В печати появилась фотография, на которой мы видим Хрущёва, обнимающего Лю Шаоци и Дэн Сяопина. Газета «Женьминь жибао» писала

10 декабря 1960 года: «Нынешний визит председателя Лю Шаоци, без всякого сомнения, ещё более укрепил и развил великую дружбу и сплочённость народов Китая и Советского Союза и вписал золотую страницу в историю советско-китайской дружбы».

Такие же слова имелись и в приветственной телеграмме Мао Цзэдуна Хрущёву и Брежневу по случаю нового 1961 года. Но прошло не очень много времени, и разногласия между КПК и КПСС вспыхнули с новой силой.

б. Конец 50-х годов. Политические и экономические проблемы СССР

Положение в сельском хозяйстве страны в конце 50-х годов не очень радовало Хрущёва. Не слишком удачным оказался уже 1957 год. Продукция земледелия сократилась по сравнению с 1956 годом на 2 %, продукция животноводства возросла, правда, на 10 %, но не об этом мечтал Хрущёв, выдвигая свой лозунг «За 3 — 4 года догнать и перегнать США». В феврале 1958 года Хрущёв выступил с большой речью на совещании хлопкоробов в Москве. Его призывы к ним оказались уже более скромными. Он выдвинул лозунг «За 12 — 15 лет увеличим производство хлопка в 2 раза!»

Летом 1958 года на полях страны созревал хороший урожай, и это радовало Хрущёва. Ещё в августе он посетил многие хозяйства Смоленской, Волгоградской и Куйбышевской областей. В октябре он побывал в разных районах Ставропольского и Краснодарского краёв и Ростовской и Курской областей. Он побывал и в своей родной деревне Калиновке, где провёл целый день. Калиновцы жили хорошо, не без помощи своего знатного земляка. Калиновский колхоз получал от государства немалые субсидии, соседи называли их «звёздной рентой».

Урожай зерновых по стране составил в 1958 году 8, 6 миллиардов пудов, что почти на миллиард пудов превосходило рекордный урожай 1956 года. По сравнению с 1953 годом сбор зерна увеличился на 71 %, а заготовки — на 83 %. Это был значительный, но, к сожалению, последний крупный успех в зерновом хозяйстве.

Иное положение складывалось в животноводстве, где производство мяса возросло за год только на 3 % и лишь на 33 % превысило данные 1953 года. Пришлось фактически отказаться от лозунга «Догнать и перегнать США по производству мяса за 3 — 4года». Утверждённый в декабре на Пленуме ЦК план на ближайшие 7 лет предусматривал увеличение производства мяса в 1965 году в 2 раза, т. е. до 15 — 16 миллионов тонн в год. И всё же Хрущёв не отказывался от мысли добиться резкого скачка в производстве мяса. Не без одобрения Хрущёва руководители Рязанской области выступили с необычным обязательством — всего за один 1959 год увеличить производство мяса в области в 3, 8 раза, а государственные заготовки — в 3 раза. Область, продавшая в 1958 году государству 48 тысяч тонн мяса, обещала продать в 1959 году 150 тысяч! Редакция «Правды» отказалась вначале публиковать эти нереальные обязательства. Они

появились в печати лишь после личного вмешательства Хрущёва. Под нажимом сверху и другие области увеличивали свои только что принятые обязательства. Ставропольский и Краснодарский края обещали увеличить за год производство мяса в 2, 5 раза, Московская область — в 2 раза, Белоруссия — также в 2 раза. Это рискованное «движение» мало отличалось от «великого скачка» в Китае.

Писатель Николай Шундик недавно вспоминал о событиях в Рязанской области. В газете «Приокская правда» он писал: «В моей памяти живы драматические события, которые разыгрались на Рязанщине в конце пятидесятых, в начале шестидесятых годов. Был задуман дерзкий эксперимент: втрое увеличить производство продуктов животноводства в колхозах и совхозах Рязанской области. Вся рязанская земля стала своеобразной сценой, на которую были направлены прожекторы ослепительного света, чрезвычайно пристального общественного внимания не только нашей страны. Ярко высветились два главных героя тех драматических событий: Н. С. Хрущёв и первый секретарь Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионов. На мой взгляд, эти фигуры тоже были весьма драматическими. И, чтобы постигнуть мотивы их поступков, тут мало арифметики, тут нужна алгебра, нужен волшебный фонарь диалектики.

Хрущёву, которому было хорошо понятно, что сделали с сельским хозяйством сталинские методы строительства так называемой новой деревни, хотелось все как можно быстрее поправить, он жаждал чуда.

Вот так и вышло: с одной стороны, мужество человека, который вознамерился выдержать взгляд самой суровой правды о положении дел в сельском хозяйстве нашего Отечества, с другой — переоценка собственных сил, прожектёрство, банальнейший волюнтаризм. Отсюда одна из попыток Хрущёва превратить в этакий рычаг Архимеда стебель кукурузы, с помощью которого хотелось ему, если не перевернуть земной шар, то все перевернуть в лучшую сторону на землях одной шестой части нашей планеты.

Я помню приезд Хрущёва в Рязань, его выступление на партийно-советском областном активе. Как ему хотелось сотворить добро! Этим была пронизана вся его речь, порой сумбурная, корявая, где мечта о завтрашнем благословенном дне перемежалась с цифровыми выкладками якобы научно обоснованных планов, сердечная апелляция демократа к народной душе с категорическим императивом грубого наказа, даже приказа в прежней манере худших сталинских времён.

Я наблюдал за Ларионовым. С непроницаемым видом слушал

он Хрущёва, и можно было только догадываться, какое страшное внутреннее напряжение при этом испытывал. Ларионов был реалистом. И в Рязани есть люди, которым хорошо известно, что поначалу он отчаянно пытался доказать, насколько планы задуманного эксперимента нереальны. Но вот Ларионов предстал перед Хрущёвым, у которого он был на особой примете как маленковец. И в этом тоже был расчёт Никиты Сергеевича: дескать, вывернется Ларионов из собственной шкуры, а сделает все, чтобы, так сказать, отмыть себя и доказать свою личную преданность новому лидеру. Личная преданность. Я ещё вернусь к этой мысли, потому что в ней таятся разгадки многих наших несчастий.

О том, что Рязанская область берётся выполнить три упомянутых плана, было окончательно решено на встрече Хрущёва и Ларионова в областном комитете партии. На этом твёрдо настаивал Хрущёв. Но на встрече с партийно-советским активом он тыкал в сторону Ларионова пальцем и с чрезвычайно лукавым видом повторял: «Учтите, не мы сверху давим на вас, а вы, вы снизу заверяете всю страну, что планы ваши реальны. Может, всё-таки остановитесь на двух планах?» «Нет, Никита Сергеевич, три и только три, даже с гаком», — ответил ему Ларионов. «Что ж, народ свидетель, — Никита Сергеевич указывал в зал, — вы, вы сами взялись за гуж, не говорите, не дюж. Пусть это будет вам дополнительным скипидарчиком!»

Поначалу казалось, что эксперимент удастся на славу. Плодились поросята, кролики, озера были забиты гусями, утками. Но главное, на село пошла молодёжь из городов, многие возвращались в родные деревни. Ларионов умел убеждать. Надо только вспомнить, как он до этого покорил своей сердечностью рязанских доярок. Но в данном случае события получили иной оборот.

Гремели победные рапорты. В газетах появлялись о рязанских делах восторженные статьи. Однако пристальный взгляд мог заметить, что уже подкрадывается несчастье, которое неизбежно, когда безответственно эксплуатируется революционный энтузиазм народа»[78].

Хотя в 1959 году главное внимание Хрущёв уделял проблемам внешней политики, он много занимался и экономическими проблемами страны, работая ежедневно по 12 — 14, а иногда и по 15 — 16 часов в сутки. Он никогда не соблюдал только что принятого закона о сокращении рабочего дня.

Первый год семилетки заканчивался, казалось бы, успешно. Прирост промышленного производства составил в 1959 году 11 % при плане в 7 — 8 %. Сверх годового плана промышленность дала

продукции на 50 миллиардов рублей (в прежнем исчислении цен).

Гораздо меньшие успехи имелись в сельском хозяйстве, хотя именно с сельским хозяйством, а не с энергетикой или машиностроением Хрущёв прочно связал свой личный престиж государственного руководителя.

В декабре 1959 года состоялся очередной Пленум ЦК КПСС. Один из разделов большой речи Хрущёва назывался «Чему учит пример тружеников Рязанской области». Как раз перед началом Пленума рязанские руководители объявили, что область выполнила свои обязательства и продала государству 150 тысяч тонн мяса. Они даже обещали в 1960 году довести заготовки мяса до 180 — 200 тысяч тонн. Но Хрущёв ещё не знал, или не хотел знать — какой дорогой ценой заплатили колхозы и колхозники области за эти дутые цифры. В целом хвалиться было нечем. Урожай зерновых оказался ниже, чем в 1958 году, и продукция земледелия сократилась за год на 6 %. Ни одна из областей не выполнила сверхвысоких обязательств по росту производства мяса. Общий прирост в животноводстве по СССР составил всего 7 — 8 %, но это был результат сравнительно урожайного предыдущего года, позволившего заготовить больше кормов. Валовая продукция сельского хозяйства в 1959 году не увеличилась по сравнению с 1958 годом, и это воспринималось Хрущёвым как крупная неудача.

Деньги, полученные государством от продажи техники МТС, быстро кончились. Испытывая постоянную нехватку средств, Хрущёв предложил на одном из заседаний Президиума ЦК произвести сокращение Вооружённых Сил СССР на 1/3, ссылаясь на «потепление» международной обстановки и лучшее техническое оснащение армии. Это предложение встретило возражения военных руководителей. Однако в середине января 1960 года специальная сессия Верховного Совета СССР приняла по докладу Хрущёва Закон «О новом значительном сокращении Вооружённых Сил СССР». Было объявлено, что Вооружённые Силы СССР будут сокращены на 1 миллион 200 тысяч человек. Хрущёв считал вполне достаточным оставить в армии и флоте 2 миллиона 400 тысяч человек. Начавшиеся вскоре увольнения из армии вызвали недовольство многих военачальников. Большая группа маршалов, генералов и адмиралов направила в ЦК КПСС письмо, утверждая, что при таком значительном сокращении Вооружённых Сил безопасность СССР не может быть гарантирована.

Недовольство в армии сочеталось с недовольством в офицерском корпусе милиции. Хрущёв неожиданно принял

решение о ликвидации общесоюзного Министерства внутренних дел, сохранив министерства только в республиках. Они именовались теперь Министерствами охраны общественного порядка, или МООП. Раздробление в управлении милицией мешало проводить следствие и осуществлять другие функции прежнего МВД. К тому же офицеры милиции лишались некоторых льгот в заработной плате и пенсионном обслуживании. Как заявил Хрущёв в одной из бесед, офицеры милиции не являются военными в полном смысле этого слова, так как они живут в городах со своими семьями как обычные граждане, а не как офицеры Вооружённых Сил СССР. Хрущёв полагал, что органы МВД получали при Сталине неоправданно большие льготы и что в борьбе с преступностью нужно больше полагаться на помощь общественности. Поэтому стало всячески поощряться создание народных дружин, т. е. групп рабочих и служащих, которые безвозмездно патрулировали улицы городов и рабочих посёлков. Хрущёв не хотел считаться с тем, что работа милиции является не только крайне сложной, но временами опасной и что заработная плата работников милиции, и особенно рядовых милиционеров, очень невысокая, что мешает привлечению молодёжи к их работе.

Выступая за рубежом, Хрущёв заявлял, что в Советском Союзе в последние годы нет случаев привлечения к уголовной ответственности по политическим мотивам. Это — не вполне искреннее и точное заявление. Осуждённых по политическим мотивам было немного, и они все отбывали наказание в исправительных лагерях.

Ещё в дни венгерского восстания 1956 года в Москве возникли небольшие студенческие группы, которые выражали своё сочувствие венгерским повстанцам и осуждали советское военное вмешательство. Эти группы организовали ряд выступлений на комсомольских собраниях и распространяли листовки. В МГУ этим занимались, в частности, Л. Краснопевцева и её группа, не менее десяти членов которой было арестовано и осуждено на сроки от 3 до 10 лет заключения. В Ленинграде в 1957 году оказалась в заключении небольшая группа молодёжи, возглавляемая Револьтом Пименовым. Репрессиям подверглись группы В. Трофимова, М. Молоствова С. Пирогова и некоторые другие. Была арестована группа Ю. Машкова и В. Цехмистера, придерживавшаяся «югославского» направления. Собрания молодёжи у памятника Маяковскому в Москве становились всё более организованными и принимали явно оппозиционный характер. Один из участников собраний И. Бокштейн был арестован, а сами собрания запрещены и разогнаны дружинниками. Проводились отдельные аресты в республиках за

«национализм», а в некоторых областных центрах «за критику культа личности Хрущёва». В 1960 году в Мордовии в исправительно-трудовой колонии-7 содержалось несколько сот человек, осуждённых по политическим мотивам. Разумеется, это несравнимо по масштабам с репрессиями сталинских лет, и я не могу исключить, что о большинстве арестованных студентов сам Хрущёв ничего не знал. Группы «диссидентов» конца 50 — начала 60-х годов являлись, как правило, конспиративными. Они не искали «паблисити» и не стремились установить связи с западными корреспондентами, которые в свою очередь ничего не знали о существовании этих групп. Иными словами, в годы Хрущёва имелось небольшое количество политических заключённых и не существовало открытых оппозиционных движений, которые возникли только во второй половине 60-х годов.

Надо сказать и о режиме в исправительно-трудовых лагерях. После 1955-го и особенно 1956 года режим в лагерях значительно смягчался для всех почти категорий заключённых, что вызывало постоянные протесты со стороны работников МВД. Недовольство оказалось столь значительным, что на одной из сессий Верховного Совета прозвучала редкая на таких заседаниях критика в адрес правительства за установление «курортных условий в исправительных лагерях». Хрущёв не мог не заметить, что эти слова были встречены общими аплодисментами депутатов. Склонный часто к резкой перемене настроений, он дал директиву о решительном ужесточении режима в лагерях. В Уголовный кодекс включалась статья, предусматривающая даже применение расстрела «за бесчинства заключённых, терроризирующих тех, кто встал на путь исправления, или дезорганизующих деятельность администрации».

В начале 1960 года состоялся очередной Пленум ЦК КПСС, который произвёл важные изменения в руководстве партией.

Полноправными членами Президиума ЦК стали А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный и Д. С. Полянский. Из состава Президиума, Секретариата и из ЦК КПСС был выведен А. И. Кириченко. Кириченко вошёл в Президиум ЦК в 1955 году и стал здесь активным сторонником Хрущёва. Хотя Кириченко имел репутацию не только грубого, но и во многих отношениях невежественного человека, он пользовался тогда полным доверием и расположением Хрущёва. В Секретариате ЦК именно Кириченко стал вскоре после июньского Пленума 1957 года вторым человеком, и он обычно председательствовал на заседаниях Секретариата и Президиума ЦК во время продолжительных поездок Хрущёва по стране и за границу. С

другими членами партийного руководства Кириченко держался крайне грубо и нередко злоупотреблял властью. Инспектируя однажды южные области Украины, он оборудовал под свою резиденцию большой теплоход, превратив служебную поездку в увеселительную экскурсию. Члены Президиума ЦК предприняли совместный демарш против Кириченко, который был обвинён также в плохом руководстве народным хозяйством в 1959 году. Он лишился всех ответственных постов и был назначен директором небольшого предприятия в Пензенской, а потом Ростовской областях.

Новым секретарём ЦК КПСС был избран Ф. Р. Козлов, сохранивший и пост первого заместителя Председателя Совета Министров СССР. Отныне Козлов становится вторым человеком и в Секретариате ЦК, и в Совете Министров СССР. По своим моральным качествам Козлов мало отличался от Кириченко, и усиление власти и влияния Козлова вызвало явное беспокойство в Ленинграде, где его знали лучше, чем в Москве. Когда он возглавлял ленинградскую партийную организацию, к Хрущёву приезжала специальная делегация ленинградских коммунистов, которая просила его не рекомендовать Козлова на областной партийной конференции в качестве секретаря обкома. Однако Хрущёв взял под защиту Козлова и не стал проверять выдвинутые против него серьёзные обвинения. «Мы только рекомендуем, — заявил Хрущёв ленинградцам, — а вы можете и не выбирать Козлова своим руководителем. У вас же тайное голосование».

Из Президиума ЦК КПСС был выведен и Н. И. Беляев, возглавлявший в 1957 — 1960 годах партийную организацию Казахстана. Хрущёв возложил на Беляева ответственность за плохое положение дел на целине. Урожаи и сборы зерна уменьшились, несмотря на распашку все новых и новых земель. Первым секретарём ЦК КП Казахстана был вскоре избран Д. Кунаев.

На состоявшейся вскоре сессии Верховного Совета СССР депутаты проводили с почётом на пенсию К. Е. Ворошилова. Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал Л. И. Брежнев. На той же сессии Верховного Совета СССР депутаты приняли Закон «Об отмене налогов с рабочих и служащих». Отменялся подоходный налог и налог с «холостяков» для всех граждан с зарплатой до 500(50) рублей в месяц. Окончательная отмена налогов по всем зарплатам и ставкам до 2000(200) рублей в месяц предусматривалась к 1965 году. Сессия одобрила Закон о завершении в 1960 году перехода на 7-часовой рабочий день (а на подземных работах — на 6-часовой). Верховный Совет принял ещё один закон, оказавшийся непопулярным. Речь шла об изменении

масштаба цен и всех выплат и зарплат в соотношении 10: 1. Формально от изменения масштаба цен и зарплат не страдал никто. При этом втрое сокращались расходы на изготовление денежных знаков, облегчалось применение торговых и иных автоматов, упрощались расчёты. Но население не любит денежных реформ и обмена привычных денежных знаков. К тому же автоматическое снижение цен в 10 раз в государственных магазинах не сопровождалось таким же автоматическим снижением цен на колхозных рынках и в сфере частных услуг. Денег всегда не хватает, а теперь их, казалось, стало ещё меньше. В своём стремлении к экономии Хрущёв неожиданно предложил отменить многие надбавки к зарплате, которые получали жители Сибири и Дальнего Востока. Это ошибочное решение увеличило миграцию населения из Сибири в европейскую часть СССР.

Летом 1960 года Хрущёв побывал на строительстве экспериментальных домов в Усове, а затем на строительстве Московской кольцевой автомобильной дороги. Было решено считать автодорогу границей Москвы и передать в распоряжение Московского горисполкома такие подмосковные города и посёлки, как Тушино, Перово, Бабушкин, Ховрино и др.

В конце июля 1960 года Хрущёв отправился на отдых в Ялту и пробыл там до конца августа. Ещё со времён Сталина большинство государственных дач в Крыму размещалось в бывших царских Дворцах или дворцах придворной аристократии. Это не нравилось Хрущёву и противоречило известному ленинскому декрету о передаче всех крымских имений царской семьи народу для организации санаториев и домов отдыха трудящихся. По предложению Хрущёва все бывшие дворцы превратились вскоре в музеи, открытые Для посещения отдыхающими. Но не очень далеко от бывших царских имений выделялись участки для строительства новых государственных дач, которые создавались с учётом современных требований комфорта и современной архитектуры. Большая государственная дача строилась и в 20 километрах от г. Гагры Абхазской АССР на мысе Пицунда. Часть пляжа и реликтового лесного заповедника отделялась от строящегося здесь же курорта двух километровой бетонной стеной. В дальнейшем именно эта дача стала местом отдыха Хрущёва.

После богатой событиями осени 1960 года декабрь прошёл для Хрущёва сравнительно спокойно. Его можно было видеть на большинстве концертов Декады украинского искусства в Москве. Он присутствовал на торжественном открытии Университета дружбы народов, который получил вскоре имя П. Лумумбы. По замыслу Хрущёва, предложившего идею этого нового учебного

заведения, оно призвано было помогать подготовке кадров для молодых государств Азии, Африки и Латинской Америки и одновременно распространению идей социализма и симпатий к СССР среди молодой интеллигенции в странах «третьего мира»

Хрущёв мог быть доволен развитием промышленности, но с разочарованием знакомился с итогами сельскохозяйственного производства за 1960 год. Валовые сборы зерна и большинства других культур оказались меньшими, чем в 1958 году. Поголовье крупного рогатого скота увеличилось за год в колхозах и совхозах на 5 миллионов голов, а в частном владении уменьшилось на 2 миллиона, что свидетельствовало о массовой закупке скота у частных владельцев. Предполагалось, что на колхозных и совхозных фермах скот можно использовать более продуктивно. Но обычная во всех подобных кампаниях торопливость привела к обратным результатам. Производство мяса в стране в 1960 году уменьшилось на 200 тысяч тонн, а производство молока осталось на прежнем уровне. Лозунг, выдвинутый в 1957 году, о необходимости «догнать и перегнать Америку за 3 — 4 года» вспоминали теперь лишь в многочисленных анекдотах.

Печать не информировала больше о «подвиге» тружеников Рязанской области. Мнимые успехи явились результатом обмана и фактического беззакония. В области отправили на мясокомбинаты в 1959 году значительную часть основного стада и молочных коров. Под фиктивные расписки отбирался скот у частных владельцев, который также шёл на мясокомбинаты. За деньги колхозов и взятые в банках кредиты приобретался скот в соседних областях, в результате чего многие хозяйства оказались разорёнными. В 1960 году область не смогла выполнить даже плановых заданий, не говоря уже о повышенных обязательствах. Убедившись в крахе своей авантюры, первый секретарь обкома А. Н. Ларионов покончил жизнь самоубийством. ЦК КПСС и Правительству пришлось принимать срочные меры по оказанию помощи разорённым хозяйствам Рязанской области.

Продолжало уменьшаться и поступление сельскохозяйственной техники в деревню, а показатели её использования ухудшились. Сельское хозяйство оказалось в тупике. Выход из него был возможен только на путях интенсификации, расширения механизации, квалифицированного применения минеральных удобрений, разумной мелиорации, увеличения и эффективности капиталовложений, новых мер по повышению личной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в развитии производства, разумного использования и даже расширения индивидуальных хозяйств, увеличения и улучшения сети всех видов дорог в сельской местности,

строительства элеваторов, крытых токов, закрепления в деревне кадров механизаторов и т. п. Это был бы путь длительного, но прочного развития сельского хозяйства. Однако Хрущёв по-прежнему искал какого-то быстрого выхода из тупика. Ему казалось, что можно найти более «дешёвые» способы развития сельского хозяйства на путях различного рода организационных перестроек, создания новых схем управления, внедрения новых культур, ещё большего расширения посевов кукурузы или перемещения скота из частного владения в колхозное и совхозное стадо.

7. Н. С. Хрущёв и проблемы культурной жизни в 1958 — 1960 годах

Наиболее известным событием культурной жизни СССР в 1958 — 1960 годах и одновременно одной из позорных страниц в истории советской культуры стала кампания против крупнейшего советского поэта Бориса Пастернака, которому в октябре 1958 года была присуждена Нобелевская премия по литературе за роман «Доктор Живаго». Роман создавался в середине 50-х годов. Его основная тема — судьба человека, запутавшегося в событиях революции и не сумевшего определить своё положение в годы гражданской войны, — отнюдь не являлась новой для советской литературы. Именно эта тема является главной в знаменитом романе «Тихий Дон», классическом произведении советской литературы. Пастернак отнюдь не считал свой роман «антисоветским» и передал Рукопись в редакцию «Нового мира», возглавляемую тогда К. Симоновым. Мнения в редакции разделились, и в конце концов «Новый мир» отказался публиковать роман. Лишь после этого Пастернак решил передать рукопись одному из «левых» итальянских издателей, и в 1957 году «Доктор Живаго» вышел в Италии, а затем и в некоторых других странах Запада. Роман вначале не вызвал никакой сенсации, не вызвал он и каких-либо публичных нападок на писателя. Советская печать просто замалчивала происшедшее. Но замолчать присуждение Пастернаку, первому из советских писателей, Нобелевской премии по литературе оказалось невозможным. «Правда» опубликовала пространную статью Д. Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка». Заславский утверждал, что Пастернак якобы никогда не был «подлинно советским писателем» и «даже в самое золотое своё время не числился в мастерах первого класса». Новый роман Пастернака, которого ещё В. Маяковский относил к создателям лучших образцов «новой поэзии, великолепно чувствующим современность», Заславский назвал «политическим пасквилем, не имеющим никакого отношения к литературе». Главного героя романа — русского интеллигента, страдающего при виде жестокостей гражданской войны, — Заславский назвал «моральным уродом». Одно из погромных собраний, специально направленное против Пастернака, было устроено Московской писательской организацией. Как раз в разгар этой кампании в Москве собрался Первый съезд писателей РСФСР. Главный докладчик — писатель Л. Соболев обрушился на Пастернака как

на «представителя декадентствующей интеллигенции», «собрата всех холодных циников» и даже «предателя». Эти грубые и несправедливые обвинения поддержали другие участники съезда. Были, разумеется, забыты слова М. Горького, который считал Пастернака не только замечательным лирическим поэтом, но и «настоящим социальным поэтом, социальным в лучшем и глубочайшем смысле понятия».

Кампанию против Пастернака поддержала и верхушка комсомола. Первый секретарь ЦК ВЛКСМ, выступая на пленуме ЦК комсомола, назвал Пастернака «внутренним эмигрантом» и заявил, что было бы хорошо, чтобы Пастернак «действительно стал эмигрантом, отправился бы в свой капиталистический рай». Великий поэт, являвшийся не только «мастером первого класса», но и несомненным классиком русской поэзии, был исключён из Союза писателей. Опасаясь за свою судьбу, Пастернак был вынужден заявить, что он отказывается от Нобелевской премии и что он ни при каких условиях не может покинуть Советский Союз. Бурная политическая кампания вокруг романа «Доктор Живаго» и присуждения поэту Нобелевской премии принесла Пастернаку давно заслуженную международную известность. Но сам он тяжело переносил обрушившиеся огульные поношения и измену некоторых друзей. Переживания отразились на здоровье Пастернака, и в мае 1960 года он скончался в своём доме в писательском посёлке Переделкино под Москвой. «Литературная газета» кратко известила о смерти «члена Литфонда» Б. Пастернака. Однако его похороны стали заметным событием общественной и культурной жизни Москвы, проводить великого поэта пришли многие представители советской интеллигенции.

Н. С. Хрущёв лично не выступал против Пастернака, но не являлось секретом, что вся «проработочная» кампания проводилась с ведома и одобрения Хрущёва, хотя сам он не читал «Доктора Живаго», а лишь просмотрел некоторые тенденциозно надёрганные цитаты из романа. Недавно в одном из интервью бывший комсомольский вождь В. Е. Семичастный, который тогда обрушился на Пастернака, заявил, что текст его выступления был продиктован самим Хрущёвым:

— Нас пригласили к Хрущёву в Кремль накануне Пленума (имеется в виду Пленум Союза писателей, где должно было произойти осуждение Пастернака. — *Р. М.)*. Там был и Суслов. И он сказал: «Ты завтра делаешь доклад?» Я говорю: «Да».

Далее в интервью Семичастного говорится о том, что Хрущёв стал лично диктовать текст выступления, которое должен был произнести Семичастный, а редакторскую правку попросил сделать Суслов.

— Надиктовал он две странички. Конечно, с его резкой позицией о том, что «даже свинья не позволяет себе гадить… ». То есть возмутителен факт, что человек тут вырос, воспитался, получил образование и плюнул вам в лицо — опубликовал роман за границей. Там такая фраза ещё была: «Я думаю, что советское правительство не будет возражать против того, чтобы Пастернак, если ему так хочется дышать свободным воздухом, покинул пределы нашей Родины». Когда он это диктовал, я говорю: «Никита Сергеевич, я не могу говорить от имени правительства!» Он мне: «Ты произнесёшь, а мы поаплодируем. Все поймут». Так и случилось.

Сегодня трудно проверить насколько достоверно свидетельство Семичастного. Надо сказать, что Хрущёв вовсе не являлся человеком, равнодушным к литературе, и особенно к поэзии. Но его вкусы и пристрастия формировались ещё в молодости средой, которая его тогда окружала. Любимым поэтом Хрущёва был Некрасов. В ряду таких великих поэтов XIX века, как Пушкин, Лермонтов и Некрасов, Хрущёв неизменно выделял именно Некрасова, хотя хорошо знал и других поэтов. «Что пишет Пушкин об осени?» — говорил в дружеском кругу Хрущёв:

Унылая пора! очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса…

Какая уж тут краса, — замечал Хрущёв, — какое «очей очарованье», если наступили холода, а одежды и обуви у крестьянина нет, если урожай не очень богат, а впереди суровая зима. То ли дело Некрасов:

Поздняя осень. Грачи улетели. Лес обнажился. Поля опустели. Только не сжата полоска одна, Грустную думу наводит она».

И далее Хрущёв мог при подходящем настроении часами читать наизусть стихи Некрасова. Из советских поэтов он больше всех любил и ценил А. Твардовского. Именно Твардовского Хрущёв спросил как-то в 1959 году, действительно ли Пастернак является крупным поэтом? «Вы меня считаете поэтом?» — спросил в свою очередь Твардовский. Хрущёв ответил, что очень любит стихи и поэмы Твардовского. «Так вот, по сравнению с Пастернаком я не слишком крупный поэт», — ответил Александр Трифонович.

В мае 1959 года в Москве собрался Третий съезд советских писателей, на котором Хрущёв решил выступить с речью. Он прямо сказал писателям, что очень волновался перед выступлением, так как решил обратиться к писателям без каких-либо заранее подготовленных текстов, а это «тяжёлый хлеб» для ораторов. Он без обиняков заявил, что не собирается учить

писателей и поэтов их ремеслу, тем более что сам он в последние годы читал не слишком много романов и повестей. «Гораздо больше приходится читать сообщений послов, нот министров иностранных дел и того, что сказал президент США или глава другого правительства». Хрущёв всё же осудил как «очернителей» советской действительности, так и «лакировщиков», не называя при этом никаких имён. Он также ничего не сказал о недавней громкой кампании против Пастернака, она и без того вызвала слишком много неодобрительных откликов за рубежом. Фактически это было сигналом к прекращению недостойной кампании. Хрущёв стал более осторожно относиться к проблемам, связанным с оценкой литературных произведений. Когда в г. Калуге по инициативе К. Паустовского вышел в свет большой сборник «Тарусские страницы», в котором были опубликованы многие повести, рассказы и стихи, не пропущенные цензурой в Москве, Ленинграде и некоторых других городах, это вызвало возмущение консервативных литераторов и стало предметом специального заседания Бюро ЦК по РСФСР. Партийное руководство Российской Федерации не только исключило из партии директора Калужского издательства и строго наказало руководителей Калужского обкома партии, но приняло также решение «раскритиковать сборник „Тарусские страницы“ в партийной печати». Однако новая погромная кампания так и не началась. К. Паустовский сумел добиться приёма у Н. С. Хрущёва, и тот отменил решение Бюро ЦК по РСФСР.

Время с 1958 по 1960 год оказалось не слишком богатым с точки зрения развития советской культуры, однако некоторые события тех лет оставили прочный след в сознании советских людей. Всеобщее внимание привлекли напечатанная в «Правде» новая поэма А. Твардовского «За далью даль» и публикация первых повестей киргизского писателя Ч. Айтматова, особенно повести «Джамиля». Одна за другой начали выходить в свет книги мемуаров советских военачальников. В прежние годы никто из государственных и военных деятелей не решался не только публиковать, но даже просто писать свои воспоминания. Этот страх прошлого стал проходить именно в годы Хрущёва. Не случайно, конечно, что одним из первых обнародовал свои мемуары наиболее близкий Хрущёву военачальник — маршал А. И. Ерёменко. В конце 50-х годов впервые проводятся Международный конкурс скрипачей и пианистов им. П. И. Чайковского и Международный московский кинофестиваль. Из фильмов память сохранила только работу режиссёра Г. Чухрая «Баллада о солдате», имевшую значительный успех и во многих странах Запада. Из спектаклей наибольший успех выпал,

пожалуй, на постановку пьесы А. Арбузова «Иркутская история» в театре им. Е. Вахтангова. Главные роли исполняли Ю. Любимов, М. Ульянов и Ю. Борисова. Большим событием в художественной жизни страны стала выставка картин Дрезденской картинной галереи, которые были вывезены в 1945 году из разрушенного Дрездена в СССР и только теперь по решению Советского правительства должны были возвратиться в Дрезден. По личной инициативе Н. С. Хрущёва стал издаваться особый журнал «За рубежом», в котором публиковались наиболее интересные статьи из мировой прессы. Хрущёв поддержал также предложение А. Аджубея о выпуске еженедельника «Неделя», очень быстро ставшего одним из наиболее популярных советских изданий.

Хрущёв продолжал лично заниматься проблемами, которые касались советских космических исследований. Советский Союз продолжал лидировать в этой области, и каждый новый запуск советских спутников или ракет в сторону Луны вызывал оживлённые комментарии во всём мире. Расширялись, хотя и очень медленно, международные связи советской науки, возрастал научный потенциал Сибирского филиала АН СССР. Получила развитие социология, советские учёные не только приняли участие в Международном совещании по социологии, но и смогли образовать Советскую социологическую ассоциацию. Сохранялось, однако, глубокое отставание нашей биологической и сельскохозяйственной науки. Хрущёв продолжал оставаться под сильным влиянием Т. Д. Лысенко и превозносил его в выступлениях по проблемам сельского хозяйства. Когда в 1959 году при посещении Сибирского филиала АН СССР он узнал, что директором Института генетики назначен «менделист-морганист» и противник Лысенко академик Н. Дубинин, то с гневом, не слушая возражений, потребовал немедленно снять его с этой должности.

УХУДШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРЕННЕГО ПОЛОЖЕНИЯ СССР КРИЗИС РЕЖИМА Н. С. ХРУЩЁВА

1. Подготовка к новому съезду партии. Неудачи на земле и успехи в космосе

Осенью 1961 года Хрущёву предстояло делать Отчётный доклад на очередном XXII съезде КПСС, и неудачи сельского хозяйства вызывали у него тревогу. Было решено провести реорганизацию союзного и республиканских министерств сельского хозяйства. Эти министерства освобождались от обязанностей оперативного руководства и планирования сельскохозяйственным производством, финансирования и снабжения деревни техникой. Главной задачей министерств становилось научное руководство сельским хозяйством, распространение передового опыта, селекция, семеноводство, племенное дело и издание сельскохозяйственной литературы. Новым министром сельского хозяйства СССР стал теперь М. А. Ольшанский, один из ближайших приверженцев Т. Лысенко. Прежний министр В. Мацкевич потерял многолетнее расположение Хрущёва и был назначен председателем облисполкома Целиноградской области в Казахстане. Все министерства сельского хозяйства должны были в срочном порядке переехать из Москвы и столиц союзных республик в пригородные совхозы, чтобы сотрудники «могли проверять свои научные рекомендации на практике». Такое решение, конечно, мало обрадовало работников министерств. Они продолжали жить на своих городских квартирах, и на работу их доставлял специальный автобус. Нелегко приходилось и посетителям министерств, а тем более командированным.

Первые месяцы 1961 года Хрущёв посвятил поездке по стране. Его сопровождали Г. Воронов и Д. Полянский. Он побывал на Украине, в Ростовской области, в Грузии, в Воронежской области, в Свердловске, Кургане и Новосибирске и почти везде проводил совещания работников сельского хозяйства. В марте он посетил Алма-Ату и районы целинных земель.

Неудачи на земле смягчались всё же новыми успехами в космосе. Ещё в мае 1960 года на орбиту вокруг Земли был выведен спутник весом в 4, 5 тонны для отработки возможного запуска человека в космос. В августе 1960 года удалось возвратить на землю особую капсулу-аппарат спутника с двумя собачками на борту. В декабре этот эксперимент повторился так же удачно. С. П. Королев доложил Хрущёву о готовности полёта человека в космическое пространство. Небольшая группа особо отобранных лётчиков уже давно проходила специальную

подготовку. В начале 1961 года вес кораблей-спутников увеличился до 6, 5 тонн. Всё говорило о том, что полёт человека в космос — дело близкого будущего. «Вспоминаю то незабываемое утро 12 апреля 1961 года, — писал позднее космонавт-2 Герман Титов. — … Заканчивались последние приготовления. Стрелка часов приближалась к решающей отметке. Внутреннее напряжение каждого из присутствующих здесь членов Государственной комиссии, конструкторов, учёных-исследователей, космонавтов возрастало.

Громко звучали усиленные динамиком слова предстартовых указаний.

Доклад Юрия Гагарина председателю Государственной комиссии. Он говорил уверенно и чётко: К полёту готов!

Прозвучала команда:

— Пуск!

— Поехали! — услышали мы голос нашего товарища.

Было 9 часов 7 минут по московскому времени. В небо уходил первый в мире пилотируемый космический корабль «Восток» с первым советским космонавтом на борту»[79].

Известие о полёте Гагарина мгновенно распространилось по всему миру. Во многих учреждениях Москвы работа прекратилась, и все служащие слушали по радио сообщения о полёте советского космонавта. Корабль-спутник пролетел над Латинской Америкой, Африкой… и, наконец, сообщение об успешном приземлении. Гагарин докладывает по телефону Н. С. Хрущёву об успешном окончании полёта. Многие москвичи, особенно студенты, вышли на улицу. Красная площадь, Манежная площадь, улица Горького заполнены десятками, а может быть, сотнями тысяч людей, поздравляющих друг друга. Отклики во всём мире почти так же многочисленны, как и при запуске искусственного спутника Земли.

14 апреля Москва торжественно встречала Юрия Гагарина. Хрущёв и члены руководства встретили героя на аэродроме и проследовали в Кремль в открытых машинах. На Красной площади состоялся грандиозный митинг, прошла демонстрация. Демонстранты приветствовали Гагарина и Хрущёва, но советские люди даже не знали имён тех, кто создал и запустил в космос первые спутники и космические корабли. Только через несколько лет из опубликованного некролога мы узнали, что Главным конструктором космических ракет являлся академик С. П. Королев. Эта странная практика засекречивания многих выдающихся учёных, инженеров и конструкторов сохранилась и при Брежневе.

Летом 1961 года газеты опубликовали для обсуждения проект

новой Программы КПСС. Известно, что на протяжении 20 — 50-х годов у партии не имелось строгой Программы, её заменяли решения пленумов и съездов. Принятая в 1919 году Программа РКП (б) устарела уже через 2 года из-за введения новой экономической политики. Только на XX съезде КПСС было вынесено решение о подготовке новой Программы КПСС, разработка которой стала проводиться под личным руководством Хрущёва.

В нашу задачу не входит анализ основных положений Программы КПСС, перечислявшей достижения партии и задачи на ближайшие десятилетия, а также содержавшей главные идеологические установки для членов партии. Нельзя не отметить, однако, прожектёрский характер многих положений Программы, в которых чувствуется почерк Хрущёва. В Программе КПСС выдвигался демагогический лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Отсюда вытекало требование Программы: в течение 20 лет, т. е. к 1980 году, «завершить в СССР в основном построение коммунистического общества».

Помнится, в середине 1960 года я присутствовал на общегородском совещании идеологических работников во Дворце спорта в Москве. Доклад делал заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Л. Ильичёв. После доклада он отвечал на многочисленные вопросы. Одна из записок гласила: «Тов. Ильичёв! Не можете ли Вы сказать — за сколько лет в СССР будет построен коммунизм?» В аудитории раздался общий смех. Также улыбаясь, Ильичёв ответил, что к подобным вопросам нельзя подходить столь упрощённо и что никто не может указать конкретных сроков построения коммунизма. Может быть, для этого потребуется 40 или 50 лет, но может быть, и значительно больше. Однако прошёл всего один год, и мы узнали конкретный срок построения «в основном» коммунизма — к 1980 году. И Ильичёв стал теперь одним из активных пропагандистов этого тезиса.

В соответствии с такой установкой Программа КПСС содержала конкретные контрольные задания по экономическому развитию СССР на ближайшие 10 и 20 лет. Предполагалось, что ежегодный прирост производства в стране сохранится на уровне — не ниже 10 % в год и что СССР уже в 1970 году перегонит Соединённые Штаты не только по валовому производству, но и по производству на душу населения. Всем гражданам страны будет обеспечен материальный достаток, они будут иметь благоустроенные жилища, колхозы и совхозы станут высокопроизводительными и будут получать большие доходы,

исчезнет тяжёлый физический труд и т. д. Что касается 70-х годов, то тут составители Программы проявляли особую щедрость. К 1980 году наше общество должно стать «в основном» коммунистическим и перейти к распределению «по потребности». В Программе содержались задания по производству электроэнергии, стали, нефти, угля, минеральных удобрений, тканей, обуви, мяса и зерна, а также других продуктов на 1980 год. Эти задания в 5 — 6, а то и в 9 — 10 раз превышали достигнутые в 1960 году уровни производства.

Публикация нового проекта Программы КПСС не вызвала, однако, • особого воодушевления в стране. Большинство людей думало в первую очередь о реальных трудностях, а не о громадных цифрах и успехах отдалённого будущего.

2. Международное положение. СССР и США. Берлинский кризис

Отношения между СССР и США продолжали ухудшаться главным образом из-за ситуации в Карибском бассейне. Соединённые Штаты не ограничились разрывом дипломатических и торговых отношений с Кубой, а продолжали в глубокой тайне готовить интервенцию. Напряжение нарастало. Над советскими кораблями, идущими в Гавану, все чаще проносились на низкой высоте американские истребители. Вторая годовщина кубинской революции сопровождалась необычным военным парадом — через Гавану семь часов шли отряды повстанческой армии и народной милиции.

В январе 1961 года в Соединённых Штатах вступил на свой пост новый президент Джон Кеннеди, одержавший победу над Р. Никсоном. Кеннеди не отменил готовящейся против Кубы военной операции, хотя и существенно сократил американскую поддержку. Интервенция на Кубе началась в день рождения Хрущёва — 17 апреля 1961 года. Отряды кубинских эмигрантов высадились на побережье Хирон в провинции Матанос. Силы вторжения, численностью около 1500 человек, захватили часть прибрежной территории, но не смогли продвинуться в глубь острова. Некоторые из десантных кораблей затонули, наткнувшись на прибрежные рифы. Операция «бригады № 2506» началась почему-то ночью, и уже утром обстановка в районе плацдарма оказалась совсем иной, чем это планировали эксперты из Пентагона. Завязались бои, которыми с кубинской стороны руководил лично Ф. Кастро. Советское правительство немедленно опубликовало специальное Заявление, заверяя Кубу в своей помощи и поддержке. Одновременно Хрущёв направил личное послание Джону Кеннеди. Но кампания протеста против вторжения на Кубу не успела набрать силу, так же как не успели поддержать «бригаду 2506» другие батальоны, проходившие подготовку главным образом в Никарагуа. К 20 апреля силы вторжения потерпели полное поражение, и отряды Кастро взяли под свой контроль последние опорные пункты противника. Расчёт ЦРУ на нестабильность нового кубинского режима оказался несостоятельным. Неудавшаяся интервенция привела к увеличению враждебности со стороны США и, напротив, к сближению между СССР и Кубой. Советский Союз стал оказывать все большую помощь молодой кубинской армии. На острове появились советские военные специалисты.

Поражение «бригады 2506» совпало с поражением проамериканских правых сил в Лаосе, возглавляемых генералом Носаваном. Едва удерживалось у власти и прозападное правительство Нго Дин-Дьема в Южном Вьетнаме. Это создавало обстановку нервозности среди влиятельных кругов Вашингтона, которые рассматривали как своё поражение и многие события, происходившие в 1959 — 1960 годах на Ближнем Востоке и в Африке. Американские политики не привыкли отступать, спокойно смиряясь с уменьшением своего влияния в мире. Но надо было смириться и с быстрым ростом национально-освободительных движений в Азии, Африке, Латинской Америке, и с тем фактом, что Советский Союз увеличивал арсенал межконтинентальных баллистических ракет, способных доставить ядерное оружие в любое место на Земле. Создав ранее сеть военных баз вокруг Советского Союза, американские стратеги могли планировать нанесение удара по основным центрам СССР и его союзников, не опасаясь ответного удара по своей национальной территории. Отныне этой неуязвимости приходил конец. Американским лидерам приходилось считаться не только с возможностью образования коммунистических режимов в Азии, Африке и Латинской Америке, но и с возможностью создания здесь опорных пунктов и военных баз СССР. Одна мысль об этом казалась невыносимой для американского истэблишмента.

Хрущёв работал весной 1961 года с обычной интенсивностью. Он принял в мае в Кремле бельгийскую торговую делегацию, делегацию кубинской молодёжи, а затем египетских парламентёров, возглавляемых Анваром Садатом. Затем он вылетел в Ереван, чтобы принять участие в праздновании 40-летия Советской Армении. Хрущёв никогда не был в Армении и внимательно знакомился с достопримечательностями горной республики. Через несколько дней Хрущёв прибыл в Тбилиси, где отмечалось 40-летие Советской Грузии.

А в это время в Вашингтоне Джон Кеннеди проводит совещания ближайших помощников, чтобы определить главные контуры внешней политики новой администрации.

Американская печать уделяла много места альтернативам внешней политики США. Хрущёв с большим вниманием читал прессу, особенно выделяя таких обозревателей и аналитиков, как У. Липпман и Дж. Рестон. Некоторые из их статей по личному распоряжению Хрущёва опубликовались в «Правде». Так, например, 5 мая в День печати «Правда» опубликовала две статьи Дж. Рестона из «Нью-Йорк таймс» с оговоркой, что «редакция „Правды“, разумеется, не может согласиться с рядом высказываний Рестона». В «Правде» можно было прочесть:

«Кеннеди похож на молодого боксёра, который изящно играл со своим противником, время от времени нанося удары и принимая приветствия зрителей, а затем неожиданно получил удар в челюсть. Это его сильно задело. Очарование двух первых месяцев прошло. Короче говоря, он виновник не просто поражения, но некрасивого поражения, после которого он стал читать нотации прессе и общественности, как будто виновны они. И все это делалось в момент, когда Ричард Никсон, которому он нанёс поражение на выборах, получив лишь на 100 000 голосов больше, собирается начать по всей стране политическую кампанию. Поэтому президент не может просто стоять в стороне и после Кубы игнорировать Лаос. Ведь он человек. Кеннеди не только умный человек с аналитическим складом ума, окончивший Гарвардский университет, но и задиристый ирландец и политический деятель, и его друзья в Конгрессе, а также люди, присылающие ему письма со всей страны, требуют того, чтобы он Действовал… Инициатива в руках Хрущёва. Он застал нас врасплох в Лаосе и выставил в смешном положении на Кубе. Франция воюетс мятежниками, а весь Запад выглядит несколько сентиментально и немного глупо. Естественно, что Хрущёв хотел бы воспользоваться своим преимуществом. Беда только, что Гитлер тоже так думал. Рейн, Австрия, Данциг, Чехословакия — всё шло для него хорошо, пока не погасли огни. Хрущёв, быть может, не будет испытывать своё счастье таким образом, но всё-таки он может пойти на это. Здесь-то и кроется опасность».

Хотя на Кеннеди и оказывалось сильное давление, он не спешил принимать вызов в невыгодных условиях. Он решил вначале просто познакомиться со своим противником и предложил провести встречу с Хрущёвым в одной из нейтральных стран. Хрущёв принял это предложение, и скоро все узнали, что встреча состоится в Вене 3 — 4 июня 1961 года.

Хрущёв выехал из Москвы поездом 27 мая, два дня провёл на Украине — в Киеве и в г. Каневе, побывал у могилы Тараса Шевченко. Затем в Словакии встретился с президентом ЧССР А. Навотным. 2 июня он прибыл в Вену. Но и Кеннеди выехал в Европу в конце мая. В Париже он долго беседовал с де Голлем, а в Лондоне с Г. Макмилланом.

3 июня произошла первая встреча Хрущёва с Кеннеди. Журналисты Е. Литошко и М. Подключников писали в эти дни: «Нельзя закрывать глаза на трудности и сложности происходящей сейчас в Вене беседы. Её участники — люди разного склада ума, убеждений, воспитания и традиций. С одной стороны, сын рабочего и сам рабочий, закалённый в боях революционер, убеждённый коммунист, неутомимый борец за мир и дружбу

между народами, руководитель могучей социалистической державы. С другой — сын миллионера и сам миллионер, набожный католик, человек, выражающий интересы своего класса, защищающий политику самой большой страны капиталистического мира»[80].

В течение 3 июня и на следующий день Хрущёв и Кеннеди встречались несколько раз. Встречи не носили характера формальных переговоров, и по их окончании не было опубликовано никаких соглашений или коммюнике. Как говорили затем Хрущёв и Кеннеди, их встречи происходили в атмосфере доброжелательства, при которой оба государственных руководителя откровенно, но вежливо изложили свои точки зрения. Д. Кеннеди, выступая в США по телевидению, сказал: «Я отправился в Вену для встречи с руководителем Советского Союза господином Хрущёвым. Мы вели трезвые и интересные беседы, и я считаю своим долгом искренне и открыто рассказать об этих беседах. Г-н Хрущёв и я имели весьма широкий и откровенный обмен мнениями по важнейшим проблемам, разделяющим сейчас наши две страны… Ни одна сторона не проявляла невежливости, никто не выступал с угрозами и ультиматумами. Никаких преимуществ не было сделано или получено. Никаких решений не было принято и не планировалось, не было достигнуто никакого значительного прогресса, да мы и не претендовали на это»[81].

Как вспоминал позднее посол США в СССР Ч. Болен, «в ходе самой дискуссии в Вене Кеннеди допустил ошибку. Он позволил вовлечь себя в псевдоидеологическую дискуссию о марксизме и роли колоний, т. е. по предметам, которые Хрущёв, благодаря многолетней тренировке, трактовал мастерски. Кеннеди знал марксизм, но был непривычен к большевистской логике. „Вы хотите уничтожить влияние моей страны там, где оно традиционно существовало, — говорил президент, — вы хотите ликвидировать свободные системы там, где они существуют“. За это Хрущёв назвал Кеннеди колониалистом, который тормозит мировой прогресс, а себя — освободителем. „Идеи коммунизма не остановить. Однако это в решающей мере зависит от воли самих народов“.

… После первого тура переговоров Кеннеди был подавлен. Он оказался неспособен заставить Хрущёва понять, что новое американское правительство ищет мира, базирующегося на реальном балансе сил. Главное впечатление, возникавшее от встреч, состояло в том, что Хрущёв пытается запугать нового президента жёстким тоном бесед. Меня это не впечатляло, может быть, потому, что я много раз слышал, как Хрущёв использует

этот язык. А может, я неверно понял Хрущёва. Возможно, он просто испытывал Кеннеди. Если так, то он скоро получил ответ. Вскоре после возвращения в Вашингтон Кеннеди обратился к нации с телевизионной речью, в которой объявлял об угрозе Берлину со стороны Хрущёва и о мобилизации резервистов»[82].

И действительно, в свете последующих событий можно утверждать, что Хрущёв и Кеннеди не слишком хорошо поняли друг друга. Каждый из них недооценил своего противника. Лучшее знание пришло не из вежливых бесед в Вене, а в ходе крупных международных кризисов — Берлинского в 1961 году и Кубинского в 1962-м.

Берлинский вопрос являлся одной из главных тем на венской встрече. Кеннеди постарался со всей определённостью разъяснить Хрущёву, что безопасность Запада связана с безопасностью ФРГ и Западного Берлина, с присутствием Запада в Берлине и свободным доступом в этот город. «Это, — заявил Кеннеди, — наше право, а не молчаливое согласие, и мы полны решимости сохранить это право при любом риске». Но не прошло и двух месяцев после встречи в Вене, как разразился острый кризис, получивший название «Берлинского».

Новый кризис не был случайным. Известно, что возникшие на немецкой земле два государства — ФРГ и ГДР — не входили ещё в Организацию Объединённых Наций и враждовали друг с другом. ФРГ стала важным участником военного блока НАТО, а ГДР вошла в военную организацию Варшавского Договора. Советский Союз имел дипломатические отношения с ФРГ, но западные страны отказались установить дипломатические отношения с ГДР. Правящая партия ФРГ — Христианско-демократический союз — не признавала новых границ и отказывалась установить нормальные дипломатические отношения с ГДР. Но несмотря на враждебные отношения, между ФРГ и ГДР не существовало обычной государственной границы, а имелась граница «секторальная», установленная в 1945 году союзниками при разделении Германии на зоны оккупации. Эта граница не служила препятствием для передвижения немцев из одного государства в другое. Чисто символической являлась и граница между Западным и Восточным Берлином. Город имел единую систему транспорта и единое коммунальное хозяйство. Многие граждане Восточного Берлина работали в Западном, и наоборот. Для перехода из одной части Берлина в другую не требовалось никаких документов.

Сложившееся положение создавало большие трудности для ГДР. Восточная Германия и в прошлом была менее развитой в экономическом отношении. Эта часть сильнее пострадала от

военных действий в 1944 — 1945 годах. Общий уровень жизни в ГДР был ниже, чем в ФРГ. Власти не слишком огорчились, когда с Востока на Запад уходили бывшие промышленники, крупные и средние землевладельцы, богатые крестьяне, недовольные происходящими в ГДР социальными преобразованиями. Все чаще, однако, из ГДР в ФРГ уходили и квалифицированные рабочие, и дипломированные специалисты. Иногда около 1/3 выпускников технических вузов отправлялись жить и работать в ФРГ, где получали заметно более высокую заработную плату. Такая «утечка умов» являлась заметной потерей для ГДР.

Как и в других социалистических государствах, в ГДР существовали низкие розничные цены на основные продукты потребления. Многие жители ФРГ считали выгодным для себя покупать эти товары в ГДР. Особенно много покупок такого рода делали жители Западного Берлина. Так как низкие цены на потребительские товары субсидировались из государственного бюджета, экономика ГДР терпела большие убытки. По подсчётам экономистов, общие потери от существования открытых границ составляли до 15 миллиардов марок в год.

Особое положение сложилось в Берлине, высшая власть в котором принадлежала после войны военным комендантам СССР, США, Англии и Франции. При образовании ГДР Восточный Берлин стал столицей нового государства. ФРГ не могла поступить аналогичным образом, так как Западный Берлин находился на территории ГДР. Тем не менее ФРГ претендовала на то, чтобы Западный Берлин входил в состав ФРГ на правах одной из «земель». Большинство населения Западного Берлина поддерживало эти притязания, что нашло отражение и в конституциях ФРГ и Западного Берлина. В Западном Берлине располагались некоторые учреждения ФРГ, здесь действовали те же партии и те же правовые нормы, что и в ФРГ. В экономическом и культурном отношениях Западный Берлин являлся частью ФРГ. Но общий юридический статут города не был чётко определён, и Западный Берлин не избирал своих представителей в бундестаг ФРГ. При утверждении Конституций ФРГ и Западного Берлина западные державы сделали оговорки об особом статуте Западного Берлина: ни США, ни Англия, ни Франция не поддерживали безоговорочно притязаний ФРГ на Западный Берлин.

Н. С. Хрущёв предложил разрубить этот гордиев узел, подписав мирный договор с двумя Республиками на основе фактически сложившихся границ. Западный Берлин Хрущёв предлагал объявить самоуправляющимся «вольным» городом, существование и внешние связи которого должны быть гарантированы великими державами. Это предложение не

встретило поддержки на Западе. Тогда Хрущёв заявил, что СССР подпишет с ГДР сепаратный договор и после этого сложит с себя полномочия оккупационной державы. Он ссылался на недавний прецедент — на сепаратный договор, подписанный США и Англией с Японией и не подписанный СССР, КНР, Индией и Бирмой, которые участвовали в войне с Японией.

Западные державы весьма неприязненно встретили заявление Хрущёва. До сих пор связь с Западным Берлином обеспечивалась советскими властями, а не властями ГДР, не имевшей дипломатических отношений с большинством западных стран. Необходимость просить у властей ГДР разрешения на доступ в Западный Берлин казалась для США, Англии и Франции унизительной и недопустимой. Раздавались голоса, что в случае ухода СССР из ГДР западные страны «прорвутся силой» в Берлин. В любом случае изменение «статус-кво» грозило непредсказуемыми международными осложнениями.

Встреча в Вене показала, что вопрос о мирном договоре не может найти быстрое решение. Однако Хрущёв пришёл к выводу, что СССР способен оказать давление на западные страны, чтобы помочь ГДР в установлении строгого пограничного контроля. Этот вопрос стал темой нескольких выступлений Хрущёва. На вечере в Кремле в честь выпускников военных академий он заявил: «Мы подпишем мирный договор, а нашим вооружённым силам дадим приказ, чтобы любой агрессор, если он поднимет руку на Советский Союз или на наших друзей, получил бы достойный отпор»[83].

3 августа 1961 года Советское правительство направило западным державам близкое к ультиматуму требование: «В течение этого года так или иначе должен быть решён вопрос о заключении германского мирного договора и об урегулировании на его основе положения в Западном Берлине»[84].

7 августа Хрущёв выступил по телевидению и, упомянув об угрозах западных деятелей «прорываться силой» в Берлин, заявил, что ввиду опасности сложившегося положения Советскому Союзу, возможно, придётся увеличить численный состав армии на западных границах СССР и призвать часть резервистов, чтобы обеспечить полный комплект советских дивизий. Военные деятели, протестовавшие против сокращения Вооружённых Сил СССР на 1/3, могли быть довольны. Когда умер Сталин, общая численность Вооружённых Сил СССР приближалась к 6 миллионам человек, но к середине 1961 года она сократилась в соответствии с принятым Законом до 2,4 миллиона. Теперь армия могла снова увеличить свою численность. Выступление Хрущёва обострило общее положение в Европе; в вооружённых силах НАТО

объявлялась повышенная боеготовность.

Тем временем в Москве произошло краткое совещание представителей стран Варшавского Договора, призвавшее ГДР установить на границах республики «порядок, предотвращающий подрывную деятельность против стран социалистического лагеря»

12 августа Совет Министров ГДР постановил ввести строгий контроль на границах республики. Граница между ГДР и ФРГ была закрыта, и все пути сообщения через неё взяты под строгий контроль. Для перехода границы нужен был особый пропуск. Вокруг всего Западного Берлина быстро возводилась высокая стена с колючей проволокой и небольшим количеством пропускных пунктов. Движение городского транспорта изменялось, а доступ граждан из Западного Берлина в Восточный и обратно стал возможен лишь при наличии удостоверения и пропуска.

Принятые в ГДР меры вызвали бурные протесты на Западе. Кеннеди проводил срочные консультации. Американские парашютно-десантные войска перебрасывались в Европу. В армию ФРГ призывали резервистов. Вице-президент США Л. Джонсон вылетел в Западный Берлин, где было сделано несколько попыток разрушить воздвигаемую стену, которая тут же восстанавливалась. В Берлине с одной стороны воздвигнутой стены стояли американские, а с другой — советские танки. Это был серьёзный военно-политический кризис, однако в самый разгар событий Хрущёв покинул Москву и направился на совещание секретарей обкомов на Украине.

Логика развития двух германских государств с неизбежностью вела к установлению более строгого пограничного контроля. Но для этого незачем было возводить громадную стену, ставшую впоследствии символом разобщённости не только между двумя Германиями, но и между Востоком и Западом.

В конце концов удалось смягчить политический кризис. Западным странам пришлось принять к сведению существование не только строгого пограничного контроля на границах ГДР, но и Берлинской стены, так как эти меры проводились в пределах компетенции ГДР и не нарушили связей Западного Берлина с Западом. С другой стороны, и Хрущёв «забыл» о своей угрозе — подписать до конца года мирный договор с ГДР. Сначала он несколько раз «продлевал» этот срок, а затем перестал говорить вообще на подобные темы.

3. XXII съезд КПСС

Для мирового коммунистического движения поворотным событием явился XX съезд КПСС. Но для политической ситуации в Советском Союзе XXII съезд имел большое значение. «Закрытый» доклад Хрущёва не публиковался. Саркофаг с телом Сталина продолжал покоиться в Мавзолее рядом с телом Ленина. Имя Сталина сохранялось в названиях городов, улиц, площадей, заводов и колхозов. Общественные науки и литература не могли проводить «линию XX съезда», а миллионы реабилитированных были обречены на молчание. До 1961 года печать не отмечала годовщин, связанных с жизнью крупнейших государственных деятелей и деятелей культуры, ставших жертвами репрессий. Но пресса неизменно отмечала дни рождения и смерти И. Сталина, особенно его 80-летие. Журнал «Коммунист» опубликовал в декабре 1959 года большую статью, в которой можно было прочесть, что Сталин был одним из «виднейших и активнейших деятелей нашей Коммунистической партии и международного коммунистического движения… выдающимся марксистским теоретиком, организатором, стойким борцом за коммунизм, верным марксизму-ленинизму и преданным интересам трудящихся… Он имеет большие заслуги перед партией, Советской Родиной и народом, перед международным коммунистическим и рабочим движением»[85].

Переоценка произошла только после XXII съезда партии. О преступлениях Сталина говорилось не на секретных, а на открытых заседаниях съезда. Этот разговор начал Хрущёв, но продолжили почти все делегаты съезда. Тема сталинских преступлений заслонила обсуждение Программы КПСС. Получая газеты, советские люди читали в первую очередь не то, что говорилось там о светлых перспективах 80-х годов, а о чёрных днях 30 — 40-х годов. При этом речь шла не только о Сталине или Берия, но и о многих других сообщниках Сталина. В этом повороте событий особую роль сыграла опять-таки личная инициатива Хрущёва.

XXII съезд являлся не внеочередным, а отчётным. Было невозможно поэтому избежать в Отчётном докладе разговора об июньском Пленуме 1957 года. Достоверно известно, однако, что Президиум ЦК КПСС рекомендовал лишь кратко упомянуть об июньском Пленуме.

17 октября Н. С. Хрущёв поднялся на трибуну Большого Кремлёвского дворца и открыл работу съезда. В обширном Отчётном докладе он подробно говорил о международном

положении, об экономическом развитии СССР, о развитии науки и культуры. Затем перешёл к проблемам самой Коммунистической партии. И здесь, неожиданно для членов ЦК, Хрущёв резко и решительно поставил вопрос о преодолении культа личности Сталина и его последствий.

При этом Хрущёв впервые назвал полный состав так называемой «антипартийной группы», прямо заявив, что эти люди «несут персональную ответственность за многие массовые репрессии в отношении партийных, советских, хозяйственных, военных и комсомольских кадров и за другие явления подобного рода, имевшие место в период культа личности»[86].

Подобный поворот в докладе Хрущёва вызвал в кулуарах съезда оживлённое обсуждение. Некоторые из членов ЦК и Президиума ЦК не скрывали раздражения, но уклониться от обсуждения поднятых Хрущёвым вопросов было уже невозможно. И когда начались прения, их течение шло не по тому руслу, которое намечалось заранее. Уже второй оратор — глава украинской делегации Н. В. Подгорный подверг критике деятельность Кагановича в Москве и на Украине, где этот руководитель был инициатором арестов и истязаний многих честных коммунистов. Под аплодисменты съезда Подгорный назвал Кагановича перерожденцем, которого давно пора исключить из КПСС. Следующий оратор — К. Т. Мазуров подробно рассказал о разгроме Маленковым и Ежовым партийных кадров Белоруссии, где после незаконных арестов партийная организация республики потеряла половину своих членов. О преступлениях Кагановича и Молотова говорила Е. А. Фурцева, Д. С. Полянский рассказал о разгроме партийных кадров на Кубани при участии Кагановича. Особенно подробно о преступлениях Сталина и его помощников говорили Л. Ф. Ильичёв, Н. М. Шверник, А. Н. Шелепин и З. Сердюк. Шелепин был тогда председателем КГБ, а Сердюк — первым заместителем председателя Комитета партийного контроля, и в их выступлениях содержались сенсационные по тому времени подробности злодеяний 1937 — 1939 годов.

Подводя итоги прений, Хрущёв в заключительном слове уделил вопросу о преступлениях сталинских лет больше внимания и времени, чем в Отчётном докладе. Он подробно рассказал о самоубийстве С. Орджоникидзе, о расстреле А. Сванидзе, о гибели руководителей Красной Армии, членов ЦК ВКП(б), о сомнительных обстоятельствах убийства Кирова. При одобрении съезда Хрущёв предложил соорудить в Москве памятник, чтобы «увековечить память товарищей, ставших жертвами произвола». Перед окончанием съезда по требованию

делегатов от Ленинграда, Москвы, Грузии и Украины — И. Спиридонова, П. Демичева, Г. Джавахишвили и Н. Подгорного и после выступления Д. Лазуркиной, проведшей 17 лет в сталинских лагерях, XXII съезд партии принял постановление, в котором говорилось: «Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьёзные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в. Мавзолее В. И. Ленина»[87].

Это постановление, принятое 30 октября, было выполнено в ночь на 31 октября. Журналист В. Стрелков вспоминает: «В то время я работал корреспондентом АПН. Узнал, что с трибуны XXII съезда КПСС прозвучало пожелание убрать из Мавзолея тело И. Сталина. Тотчас же пошёл на Красную площадь. Но в тот день ничего не увидел. И лишь на третий раз вместе со своими друзьями стал свидетелем этого события.

… Возле Мавзолея толпилось человек 200. Было холодно. Все думали, что выносить саркофаг с телом И. Сталина будут через главный вход. Никто не обратил внимания, что с левой стороны от Мавзолея стояли деревянные щиты, над которыми горели электролампочки.

Поздно вечером справа к Мавзолею подъехала крытая грузовая военная машина. Все, кто стоял напротив входа, бросились туда. Кто-то крикнул: «Выносят!» Однако мы трое не побежали, а стали смотреть издалека.

Очень быстро откуда-то появились милиционеры, выстроились цепью и «отсекли» толпу от Мавзолея. Мы же остались сзади цепи.

Из боковой двери Мавзолея солдаты вынесли стеклянный саркофаг и погрузили его в машину. Воспользовавшись тем, что нас никто не трогал, мы отошли налево и остановились напротив щитов. Вот тут-то мы и увидели, что за щитами солдаты роют могилу. Там же ходил и мужчина в тёмно-сером пальто и такой же шляпе.

Часов в 10 — начале 11-го появилась женщина (думаю, что это была С. Аллилуева). Она нервничала, движения её были резкими. Никто её не останавливал, когда она заходила за Мавзолей.

Затем появилась чёрная легковая машина, из которой вышел военный (не то генерал, не то маршал, ни звания, ни лица мы не рассмотрели) и тут же прошёл за Мавзолей. «Кто это?» — спросил я шофёра, молодого солдата. Он в ответ улыбнулся. «Кого

привёз?» — переспросил я. И снова в ответ — улыбка.

Около 11 часов вечера откуда-то сзади принесли красную крышку гроба и прислонили её к стене Мавзолея. Затем все куда-то ушли.

В 11 часов военный начальник вернулся к машине и уехал. Через некоторое время на площадке возле щитов снова появился мужчина в тёмно-сером пальто, затем вынесли обитый красный гроб…

И в этот момент к нам подошёл человек в штатском и вежливо попросил уйти с Красной площади…

Ни кино, ни телерепортёров в то время возле Мавзолея не было»[88].

Поэт Е. Евтушенко писал в стихотворении «Наследники Сталина»:

> Безмолвствовал мрамор. Безмолвно мерцало стекло.
> Безмолвно стоял караул, на ветру бронзовея.
> А гроб чуть дымился. Дыханье сквозь щели текло,
> Когда выносили его из дверей Мавзолея.
> Гроб медленно плыл, задевая краями штыки.
> Он тоже безмолвным был — тоже! — но грозно безмолвным.
> Угрюмо сжимая набальзамированные кулаки,
> В нём к щели приник человек, притворившийся мёртвым…
> Он что-то задумал. Он лишь отдохнуть прикорнул.
> И я обращаюсь к правительству нашему с просьбой:
> Удвоить, утроить у этой плиты караул,
> Чтоб Сталин не встал, и со Сталиным — прошлое…[89]

Караул у могилы Сталина никто не установил. Недалеко от Мавзолея выкопали глубокую яму и опустили гроб с телом Сталина. К разверстой яме подвели несколько самосвалов с раствором бетона и вылили на лежавший в яме гроб. Сверху положили гранитную плиту, на которой позднее сделали простую надпись «И. В. Сталин». Когда Хрущёв 31 октября закрывал XXII съезд КПСС, в Мавзолее уже не было тела Сталина.

Решение съезда о выносе тела Сталина из Мавзолея сделало возможным устранение и других остатков культа Сталина. Были переименованы города, носившие имя Сталина, а Также улицы, площади, колхозы и предприятия «имени Сталина». Многие памятники Сталину сносились ещё после XX съезда, в частности был отправлен на переплавку громадный бронзовый памятник на Волго-Донском канале. Теперь эти памятники сносились везде, и

только в Грузии кое-где остались «улицы Сталина» или его памятники.

XXII съезд КПСС принял новый Устав партии. Он мало отличался от прежнего, но в нём имелся пункт, вызвавший недовольство кадровых работников партийного аппарата. Это был пункт 25: «При выборах партийных органов соблюдается принцип систематического обновления их состава и преемственности руководства.

На каждых очередных выборах состав Центрального Комитета КПСС и его Президиума обновляется не менее чем на одну четвёртую часть. Члены Президиума избираются, как правило, не более чем на три созыва подряд…

Состав ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов обновляется не менее чем на одну треть на каждых очередных выборах; состав окружкомов, горкомов и райкомов партии, парткомов или бюро первичных организаций — наполовину. При этом члены этих руководящих партийных органов могут быть избраны подряд не более чем на три срока…

Собрание, конференция, съезд могут, исходя из политических и деловых качеств, избрать в состав руководящих органов того или иного работника и на более длительный срок. В таком случае для избрания требуется не менее трёх четвертей голосов коммунистов, участвующих в голосовании»[90].

Введённый в Устав принцип систематического обновления партийного руководства являлся разумным. Но он означал, что партийные руководители не могут отныне рассматривать свою работу как профессию или пожизненную привилегию. И если съезды КПСС проводились раз в пять лет, то выборы в обкомы, горкомы и райкомы проводились один раз в два года. Поэтому предельный срок для большинства партийных руководителей среднего звена составлял всего 6 лет. Но так или иначе, а Устав был принят, и в соответствии с ним происходили выборы в ЦК КПСС, состав которого значительно обновился. Изменился и состав Президиума ЦК КПСС. Вместо А. Б. Аристова, Н. Г. Игнатова и Е. А. Фурцевой членами Президиума стали Г. И. Воронов, а позднее А. П. Кириленко. Из прежнего состава Секретариата ЦК остались лишь Н. Хрущёв, Ф. Козлов и М. Суслов. Новыми членами Секретариата стали: П. Н. Демичев, А. Н. Шелепин, Л. Ф. Ильичёв и Б. Н. Пономарёв. Несколько позднее секретарём ЦК стал и Ю. В; Андропов. Среди делегатов XXII съезда был и 30-летний первый секретарь Ставропольского крайкома ВЛКСМ М. С. Горбачёв. Впервые присутствовал на съезде партии в качестве делегата и первый секретарь Днепропетровского обкома Партии В. М. Чебриков. Через

несколько месяцев после съезда на первой сессии Верховного Совета СССР был утверждён и новый состав Совета Министров СССР. Из изменений в Правительстве отметим лишь два. Председателем КГБ вместо А. Шелепина стал недавний секретарь ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастный. Вместо М. Ольшанского новым министром сельского хозяйства СССР стал К. Г. Пысин, недавний заместитель Ольшанского.

4. Новые перестройки в сельском хозяйстве и управлении

Валовое производство сельского хозяйства возросло в 1961 году только на 2, 5 %, а товарная продукция — лишь на 0, 7 %. Мяса страна получила меньше, чем в 1959 году. Хрущёв был разочарован, но оставался неутомимым. Он снова решил отправиться в большую поездку по стране. Поездка началась с Узбекистана, где 16 ноября он выступил с большой речью на совещании передовиков хлопководства. Затем Никита Сергеевич прибыл в Целинный край, принял участие в совещании передовиков сельского хозяйства и познакомился с работой расположенного в крае Института зернового хозяйства, возглавляемого А. Бараевым. Из Целинограда Хрущёв проследовал в Алтайский край, где познакомился с работой Алтайского института сельского хозяйства, возглавляемого Г. И. Наливайко. Этот институт решительно выступал против главных рекомендаций А. Бараева, предусматривая замену посевов трав, овса интенсивными посевами кукурузы и других пропашных культур; например бобовых. Наливайко утверждал, что повсеместное внедрение его системы позволит быстро и без капитальных затрат увеличить на целине производство зернобобовых культур. Можно ли удивляться, что Хрущёв одобрил именно эту систему земледелия в противоположность той, которую защищал А. Бараев и его институт в Целинном крае. Хрущёву хотелось достигнуть быстрого успеха с наименьшими затратами.

Выступая в поддержку Наливайко, Хрущёв грубо и несправедливо обрушился на такого заслуженного курганского земледельца, почётного академика, как Т. Мальцев, который упорно отстаивал необходимость чистых паров на юго-востоке и в Сибири и практически доказал преимущества своей, во многих отношениях сходной с бараевской системы земледелия.

Из Алтайского края Хрущёв поехал в Новосибирск, где провёл совещание передовиков сельского хозяйства Сибири. Аналогичные совещания с участием Хрущёва прошли на Украине, в Белоруссии и в Москве, где во Дворце спорта собрались 11 тысяч передовиков Центрального, Северо-Западного и Волго-Вятского районов.

Центральной темой его выступлений являлась резкая критика так называемой «травопольной системы» земледелия, разработанной ранее академиком Р. Вильямсом и его учениками.

Хрущёв решительно защищал иную, более интенсивную систему земледелия, он утверждал, что одна из главных причин отставания в сельском хозяйстве — это ошибочное использование посевных площадей, при котором до 25 % пашни отводится на чистые пары, овёс, однолетние и многолетние травы. Большую часть этой земли Хрущёв требовал отводить на овёс и кукурузу. Несомненно, в критике травопольной системы имелось много справедливого; огульное её применение принесло нашему сельскому хозяйству немало вреда. Но и те коренные и быстрые изменения, которые предлагал провести Хрущёв, при их огульном внедрении могли принести не меньший вред.

Мировой опыт показал, что не структура посевных площадей является главным фактором успешного сельского хозяйства. На хорошо удобренных землях и овёс может дать 35 — 40 центнеров дешёвого зерна с гектара, тогда как на плохо удобренных землях и кукуруза будет давать 10 — 15 центнеров с гектара. В Канаде в начале 60-х годов чистые пары, овёс и многолетние травы занимали половину всех посевных площадей, но именно Канада занимала тогда одно из первых мест в мире по эффективности, экономичности и производительности сельского хозяйства. Именно в Канаде почвенные и климатические условия были ближе к нам, чем к «кукурузным штатам» США, на опыт которых любил ссылаться Хрущёв. Многолетние подсчёты советских экономистов показывали, что трудоёмкая кукуруза давала в Нечернозёмной зоне в 2 — 3 раза более дорогие корма, чем многолетние травы. А при холодном лете не только в Сибири, но и в центральной зоне кукуруза оставляла скот без кормов, тогда как травы могли давать неплохой урожай при хорошем уходе. Поэтому ошибкой было заменять травопольный шаблон какой-либо новой кукурузной, бобовой или свекольной догмой. Особенно большой вред принесла странная неприязнь Хрущёва к чистым парам, важнейшей части научно обоснованного севооборота в большинстве зон страны. В 1953 году пары занимали в стране 15,8 % пашни. В 1958 году доля паров сократилась до 10,9 %, а в 1962-м пары занимали только 3,3 % всей пашни[91].

С 5 по 9 марта 1962 года в Москве проходил ещё один Пленум ЦК КПСС, посвящённый проблемам сельского хозяйства. «Мы должны, — заявил Хрущёв, — решительно увеличить производство сельскохозяйственной продукции в стране уже в 1962 году». Помимо указанных выше агрономических мероприятий Хрущёв предложил создать новую систему управления сельским хозяйством. Главным звеном управления до сих пор являлись райкомы и райисполкомы, которые занимались

всеми аспектами сельской жизни, включая здравоохранение, образование, строительство дорог и жилья, работу почты и т. п. Хрущёв предлагал создать в деревне специализированные колхозно-совхозные управления, охватывающие территорию двух-трёх районов, со своим парторгом и газетой. Секретарям сельских райкомов предлагалось стать заместителями этого парторга. Аналогичные управления должны создаваться в масштабах области, республики. В масштабах СССР создавался Союзный комитет по сельскому хозяйству, председателем которого назначался Н. Г. Игнатов, недавний член Президиума ЦК КПСС.

Очень скоро выяснилось, что деятельность поспешно созданных колхозно-совхозных управлений дублирует работу райкомов и райисполкомов. Хрущёв предложил ликвидировать прежнюю систему районирования и создать укрупнённые районы на территориях, подведомственных колхозно-совхозным управлениям, что и было сделано летом 1962 года. Это не принесло пользы сельскому хозяйству. Новые районные центры, расположенные, как правило, в небольших городах областного подчинения, оказались слишком далёкими от большинства деревень и сел, а колхозно-совхозные управления стали лишь новым бюрократическим звеном в управлении селом, деятельность которых противоречила ранее принятым постановлениям о расширении прав и самостоятельности колхозов и совхозов в планировании своего хозяйства. В РСФСР и на Украине на каждый новый район приходилось в 2, 5 — 3 раза больше жителей, чем при прежнем районировании. Обслуживание населения ухудшилось, система местных путей сообщения не совпадала с системой управления. Получение простой справки в райсполкоме превращалось в проблему для миллионов сельских жителей. Усложнилась и система управления сельским хозяйством в масштабах всей страны, так как деятельность Союзного комитета по сельскому хозяйству дублировала работу уже существовавших ранее министерств, комитетов и управлений.

Новые проблемы возникли в стране по вопросу о ценах на мясо и молочные продукты. Хотя заготовительные цены повышались после 1953 года несколько раз, в ряде отраслей сельского хозяйства они все ещё плохо стимулировали развитие сельского хозяйства. Так, например, почти везде закупочные цены на мясо и молочные изделия не покрывали даже себестоимости этих продуктов. И чем больше колхоз или совхоз сдавал государству мяса или молока, тем большими оказывались убытки хозяйств, которые приходилось покрывать за счёт других отраслей. Учитывая это несоответствие, Хрущёв предложил

увеличить закупочные цены на скот и птицу на 35 %, а на масло и сливки — на 5 — 10 %. Однако для компенсации новых бюджетных ассигнований было решено произвести повышение розничных цен на мясо на 30 %, на масло — на 25 % , а также на различные виды мясных и молочных продуктов.

Повышение цен на товары первой необходимости не может рассчитывать на популярность. Из 45 миллиардов рублей, которые в 1961 году население израсходовало на продовольственные товары, 8 миллиардов рублей были потрачены на мясные и молочные изделия. Теперь эти расходы увеличивались на 2 миллиарда рублей.

Рабочие и служащие были недовольны, и это недовольство оказалось наиболее сильным в тех районах Северного Кавказа и Дона, где раньше в избытке имелось дешёвое мясо и масло и где теперь оно превратилось в дефицитный и к тому же дорогой товар. В Новочеркасске недовольство привело к забастовке и демонстрации рабочих, окончившейся трагически. Существуют разные версии событий в Новочеркасске. Я знаю о них со слов очевидца, моего дальнего родственника, случайно оказавшегося в Новочеркасске как раз в день трагедии. По его свидетельству, возбуждённая толпа вышла к зданиям горкома и горисполкома, охранявшимся срочно вызванными в город войсками. Люди не расходились несмотря на призывы и угрозы. Для их устрашения войска произвели первый залп в воздух. Но пули задели мальчишек, которые забрались на окаймлявшие площадь деревья. Когда рабочие, матери увидели раненых и убитых детей, падавших с деревьев, они бросились на солдат, и второй залп был сделан уже по толпе демонстрантов. За пределами Ростовской области мало что знали о событиях в Новочеркасске. Однако в городах области, включая Ростов-на-Дону, в течение 3 — 4 дней не работали предприятия и фактически было введено военное положение.

Не успела закончиться реформа административно-хозяйственного управления в сельских районах, как Хрущёв созвал в Москве Пленум ЦК для утверждения новой коренной реформы партийного управления в стране.

Сущность новой реформы состояла в перестройке партийного руководства в стране по производственному принципу вместо территориально-производственного. По решению ЦК КПСС областные комитеты партии разделялись теперь на обкомы по промышленности и на обкомы по сельскому хозяйству. Эта поспешная перестройка сразу же вызвала множество неувязок. Обком по сельскому хозяйству объединял не только коммунистов, работающих в колхозах, совхозах и колхозно-совхозных

управлениях, но и работающих в городах на предприятиях, обслуживающих сельское хозяйство или перерабатывающих сельскохозяйственное сырьё. Однако многие учреждения и предприятия, прямо или косвенно связанные с сельским хозяйством, оставались всё же в ведении промышленного обкома, с которым надо было согласовывать даже такой вопрос, как проведение в областном центре совещания передовиков сельского хозяйства или партийную конференцию сельских коммунистов. С другой стороны, промышленный обком не мог самостоятельно решать проблемы снабжения горожан овощами и фруктами. Различные трудности возникали при выделении транспорта для уборки урожая. К тому же кроме обкомов в каждой области создавались и два облисполкома. На территории теперь имелись два областных здравотдела, два отдела народного образования, два управления милиции, два финансовых отдела, два отдела культуры и т. д. Чиновников стало больше, а решать проблемы стало труднее. Усложнилось и управление на уровне республики, где создавались два Бюро ЦК — по промышленности и по сельскому хозяйству. Усложнилось управление и на районном уровне, где кроме райкомов партии по сельскому хозяйству стали действовать «зональные» промышленные райкомы, расположенные чаще всего в ином населённом пункте.

На ноябрьском Пленуме ЦК КПСС в 1962 году было решено провести укрупнение совнархозов, недостатки в работе которых становились всё более очевидными. На Украине, например, вместо 14 совнархозов осталось 7, подчинённых Общеукраинскому совнархозу. В РСФСР вместо 67 совнархозов осталось 23, подчинённых республиканскому совнархозу. Одновременно для координации работы республиканских совнархозов создавался совнархоз СССР, которому подчинялась вся промышленность. Чтобы согласовать работу промышленности, связи, транспорта, строительства, обслуживания, энергетики и др. был создан Высший Совет Народного Хозяйства СССР. Значительно увеличилось число государственных комитетов по различным вопросам промышленности, торговли, науки и техники, снабжения и др. В целом структура партийного и государственного управления в стране стала настолько сложной, что в ней невозможно было разобраться без специальных схем, которые вывешивались в приёмных различных учреждений.

Одновременно ЦК КПСС решил изменить систему партийного и государственного контроля, объединив её в единую систему партийно-государственного контроля. В решении ЦК говорилось о восстановлении ленинских принципов партийно-

государственного контроля, упразднённых Сталиным. В действительности новые органы контроля стали далеко не такими, какими их хотел видеть Ленин. Они существовали при партийных комитетах, а не параллельно с ними. Районные комитеты партийно-государственного контроля возглавлял по совместительству второй секретарь райкома. Областные контрольные органы возглавлял один из секретарей обкома. Общесоюзный Комитет партийно-государственного контроля было поручено возглавить секретарю ЦК КПСС А. Н. Шелепину. Секретарём ЦК КПСС и руководителем Бюро ЦК КПСС по промышленности был избран А. П. Рудаков. Секретарём ЦК КПСС и руководителем Бюро ЦК КПСС по сельскому хозяйству оказался В. И. Поляков. Секретарём ЦК КПСС по организационно-партийным вопросам стал В. Н. Титов.

Все эти бесчисленные перестройки отнюдь не способствовали развитию сельского хозяйства, годовой прирост продукции которого составил всего 1, 2 %. Если в 1954 — 1958 годах валовая продукция сельского хозяйства увеличилась на 51 %, то в 1958 — 1962 годах прирост этой продукции составил всего 6, 6 %, хотя население страны увеличилось в целом на 8 % , а городское население — на 16 %. В результате продовольственное снабжение городов ухудшилось. В 1962 году на большей части Нечернозёмной зоны и в восточных районах страны погибла кукуруза. Все более грозные размеры стала принимать эрозия почвы в районах целинных земель, где 6 — 7 лет подряд сеяли пшеницу по пшенице, не соблюдая севооборотов и не удобряя почвы. Производство картофеля в 1962 году упало ниже уровня 1953 года. Хрущёв в пятый раз произвёл перемену в руководстве сельским хозяйством, назначив новым министром сельского хозяйства СССР И. П. Воловченко, который возглавлял до этого один из крупных совхозов Липецкой области. Почти во всех союзных республиках министры сельского хозяйства снимались со своих постов, а на их место назначались директора лучших совхозов республик. Некоторые из директоров совхозов или председателей колхозов выдвигались на посты первых секретарей обкомов по сельскому хозяйству.

5. Кубинский кризис 1962 года. Мир на грани войны

В июле 1962 года в Москву прибыла военная делегация Кубы во главе с Раулем Кастро. Она вела переговоры с военными руководителями СССР о предоставлении Кубе военной помощи. Переговоры шли долго, а 3 и 8 июля в них принимал участие и Н. С. Хрущёв. Можно с уверенностью предположить, что именно в эти дни было принято решение о размещении на Кубе ракет среднего радиуса с ядерными боеголовками и бомбардировщиков, способных нести атомные бомбы, и были согласованы детали их отправки. Когда на советские корабли грузилось это грозное оружие и корабли один за другим отплывали в далёкий путь со своим смертоносным грузом, Хрущёв предпринял самую продолжительную поездку по стране за всё время пребывания у власти. Несомненно, что эта поездка имела характер отвлекающего манёвра. Хрущёв побывал в Петрозаводске, в Мурманске и Мурманской области, присутствовал на учениях военных кораблей Северного флота, причём в учениях принимали участие и первые советские атомные подводные лодки. Из Мурманска он вылетел в Архангельск и Архангельскую область. Он никогда раньше не был в этих областях. С севера Хрущёв поехал на юг — сначала в Тульскую и Орловскую, а затем в Курскую области. Он осмотрел стройки на Курской магнитной аномалии и провёл день в своей родной Калиновке, пригласив сюда с Украины Подгорного и Щербицкого, а из Москвы Полянского, чтобы показать им процветающее хозяйство колхоза. Конец июля он провёл на Украине — в Кременчуге, Днепропетровске, Херсоне и в сельских районах, большую частьавгуста отдыхал в Крыму и на мысе Пицунда возле г. Гагры. В гостях у Хрущёва побывали и король Афганистана Муххамед Захир Шах, и глава ГДР Вальтер Ульбрихт, и исполняющий обязанности Генерального секретаря ООН У Тан, и американский фермер Р. Гарст. Но самая важная встреча состоялась у Хрущёва с кубинскими лидерами Э. Че Гевара и Э. Арагонесом. Операция по переброске на Кубу ракетного и атомного оружия шла в августе 1962 года полным ходом. После отдыха в Пицунде Хрущёв вылетел в Среднюю Азию, где знакомился с предприятиями Туркмении, Таджикистана и целую неделю провёл в Узбекистане. Только 10 октября, когда советские ракеты уже находились на Кубе и шла быстрая работа по устройству пусковых площадок и сборка доставленных по

частям бомбардировщиков ИЛ-28, Хрущёв вернулся в Кремль.

Сообщение о советской военной помощи обеспокоило американских политиков и военных. Наблюдение американской разведки за Кубой было усилено. Вскоре стало очевидно, что Советский Союз сооружает на Кубе стартовые площадки для зенитных управляемых ракет (ЗУР), которые считаются оборонительным оружием. Велось интенсивное строительство крупного рыбацкого посёлка, под видом которого, как полагало ЦРУ, СССР создаёт крупную судоверфь и базу для советских подводных лодок. Американское правительство не только выразило свою «озабоченность» через посла СССР А. Добрынина, но провело в районе Кубы крупные манёвры, в которых участвовало 45 военных кораблей и 10 тысяч морских пехотинцев. Увеличилось число разведывательных полётов «У-2», непрерывно фотографировавших территорию Кубы, что можно было делать, не нарушая воздушного пространства острова. Президент Кеннеди попросил Конгресс разрешить призыв в армию 150 тысяч резервистов. 4 сентября Кеннеди сделал публичное предостережение: США ни при каких условиях не потерпят размещения на Кубе ракет «земля-земля» и других видов наступательного оружия.

Поставляя на Кубу ракеты и бомбардировщики, СССР не нарушал норм международного права, так как Куба являлась суверенным государством и характер оказываемой ей военной помощи определялся лишь компетенцией СССР и Кубы. Создавая военные базы на территории Турции, Японии, Норвегии, Ирана, Италии или ФРГ и размещая в непосредственной близости от советских границ ракеты и бомбардировщики с ядерным оружием, Соединённые Штаты не испрашивали разрешения СССР. Американская ракета, запущенная с турецких баз, могла достигнуть любой цели на европейской части СССР менее чем за 10 минут, тогда как советские межконтинентальные ракеты могли достигнуть территории США примерно за 25 минут. Соединённые Штаты могли использовать против СССР ракеты всех видов и радиусов действия, тогда как СССР мог использовать против США только самые крупные межконтинентальные ракеты. Военно-стратегического паритета между нашими странами в начале 60-х годов не существовало, и именно это обстоятельство породило мысль о создании ракетных установок на Кубе, примерно в 90 милях от берегов США. Тем самым предполагалось ликвидировать неравновесие в размещении ядерного оружия.

Однако Хрущёв, его советники и союзники недооценили решимости и возможностей США противостоять появлению советских ракетных баз в Западном полушарии. Ибо кроме норм

международного права существовала так называемая доктрина Монро, главный принцип которой определялся словами: «Америка для американцев». Эта доктрина была в одностороннем порядке провозглашена ещё в 1823 году президентом США Д. Монро с целью предотвратить восстановление испанского господства в Латинской Америке. «Американские континенты, — указывалось в послании Д. Монро Конгрессу, — ввиду свободного и независимого положения, которого они добивались и которое они сохранили, не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державы»[92].

Естественно, что доктрина Монро не признавалась как норма международного права европейскими государствами ни в XIX, ни в XX веке, так как многие из этих государств ещё сохраняли в Западном полушарии свои колонии или зависимые территории. Не признавала этой доктрины и Россия, владевшая Аляской и претендовавшая на некоторые территории, лежащие к югу от Аляски. Не признавали доктрины Монро и многие государства Латинской Америки, оказавшиеся постепенно в экономической и политической зависимости от США. Но для США доктрина Монро оставалась ещё одним из главных принципов внешней политики. Правящие круги Соединённых Штатов были готовы идти на риск большой войны, чтобы предотвратить создание советских военных баз на Кубе.

Советское руководство оставило без внимания демарш президента США и манёвры американского флота. А. Добрынин просил

Роберта Кеннеди заверить своего брата, что на Кубе не будут устанавливаться ракеты типа «земля-земля». 12 сентября в советских газетах появилось «Сообщение ТАСС», в котором можно было прочесть: «Правительство СССР уполномочило ТАСС заявить, что Советскому Союзу не требуется перемещения в какую-либо другую страну, например на Кубу, имеющихся у него средств для отражения агрессии, для ответного удара. Наши ядерные средства являются настолько мощными по своей взрывной силе и Советский Союз располагает настолько мощными ракетоносителями для этих зарядов, что нет нужды искать место для их размещения где-то за пределами СССР».

То же самое говорилось и в личном послании Хрущёва Д. Кеннеди. Хрущёв писал, что президент США может быть уверен, что ни при каких обстоятельствах ракеты «земля-земля» на Кубу не будут посланы.

В конце сентября и в начале октября в районе Кубы сильная облачность не позволяла проводить фоторазведку. Это облегчало

скрытное и срочное проведение работ по созданию пусковых установок. Хрущёв и Кастро рассчитывали, что все работы будут закончены раньше, чем разведка США обнаружит, каким именно оборонительным оружием располагает теперь Куба. Как откровенно писал позднее в своих мемуарах Хрущёв, «этой силы было достаточно, чтобы разрушить Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня»[93].

Различного рода слухи о ракетах на Кубе и ведущихся там крупных строительных работах доходили до американцев. Но у них не имелось ясных доказательств. Только 10 октября они смогли возобновить фоторазведку, и полученные фотографии их крайне обеспокоили. Они увидели автомобильные дороги там, где десять дней назад темнели джунгли. Кеннеди приказал расширить фоторазведку, но на Кубу обрушился ещё один тайфун, и новые снимки удалось сделать только 14 октября. Американские самолёты снимали не только с большой высоты, но и с малой — в 130 метрах. Тысячи снимков, которые были получены, ясно показали специалистам, что речь идёт уже не о зенитных ракетах, а о ракетах «земля-земля», способных нести ядерное оружие. Новые снимки, полученные 17 октября, позволили увидеть несколько новых пусковых площадок, на которых расположились 16 или 32 ракеты, дальность которых, по заключению экспертов, составляла более тысячи миль. Ещё раньше Кеннеди создал особый военно-политический штаб — Исполнительный комитет Национального совета безопасности, все члены которого уже не сомневались в грозящей Америке опасности и требовали ответных действий, правда, они ещё расходились во мнениях о характере и масштабах этих действий. Джон Кеннеди и его брат Роберт выступали за полную морскую блокаду Кубы. Военные лидеры настаивали, однако, на массированной бомбардировке всех пусковых установок, на которых уже проводился монтаж ракет, доставленных ранее. Войска и авиация стягивались в районы, максимально приближённые к Кубе. Но президент США временно отклонил предложение о немедленной военной атаке, приказав, однако, начать блокаду. Советский Союз продолжал утверждать, что на Кубе нет никаких ракет; полученные же военной разведкой и ЦРУ фотоснимки были убедительным свидетельством для американских военных, но не для мирового общественного мнения, которое не исключало возможности фальсификации.

В Карибском регионе развернулась армада из 180 военных кораблей. Американские войска во всём мире приводились в состояние повышенной готовности. Атомные подводные лодки с

ракетами «Полярис» изменили свои курсы в соответствии с полученными секретными приказами. Бомбардировщики стратегической авиации на всех базах получили приказ подняться в воздух с полной ядерной нагрузкой, и как только один из них приземлялся для заправки и отдыха, другой поднимался в воздух. На Флориде были развёрнуты шесть дивизий, дополнительные войска перебрасывались на военную базу в Гуантанамо на Кубе. 22 октября президент США Д. Кеннеди выступил по телевидению. Он объявил о блокаде Кубы и некоторых других принятых мерах и о причинах, которыми были вызваны действия США. «Это лишь первый шаг, — заявил Кеннеди. — Пентагон получил приказ к проведению дальнейших военных мер». Речь Кеннеди, продолжавшаяся около 20 минут, повергла не только США, но все западные страны в состояние нервного ожидания. Военный министр США Р. Макнамара готовил бомбардировку и оккупацию Кубы, что требовало, по его подсчётам, 250 тысяч солдат, 90 тысяч бойцов морской пехоты и более ста десантных судов.

Конечно, Хрущёв немедленно узнал о выступлении Кеннеди. Советская разведка докладывала ему о всех военных приготовлениях США. Хотя в Кремле, как и в Белом Доме, шли непрерывные совещания политиков и военных, советские средства информации ничего не сообщили 23 октября о выступлении Кеннеди и о блокаде Кубы. Все работы по установке ракет на Кубе проводились круглосуточно, но для окончания этих работ и приведения ракет в боевую готовность требовалось ещё несколько дней. Хрущёв хотел иметь на Кубе мощную ракетную базу, но он не хотел войны, опасность которой возрастала. Для него важнее всего было в эти дни понять — являются ли действия США блефом или же американцы действительно готовятся нанести мощный удар по Кубе и советским ракетным установкам.

24 октября Советское правительство заявило решительный протест против блокады Кубы и других военных мероприятий США. СССР просил немедленно созвать Совет Безопасности ООН. Министр обороны СССР приказал привести Вооружённые Силы страны в состояние повышенной боевой готовности, отменить отпуска и задержать демобилизацию старших возрастов. Советский Союз продолжал отрицать наличие на Кубе наступательного оружия, заявляя, что там находится только оружие, необходимое для самообороны, и что «с требованием об удалении этой техники не может согласиться ни одно государство, дорожащее своей независимостью». На Кубе Фидель Кастро объявил о проведении всеобщей мобилизации. На срочно созванном заседании Совета Безопасности советский представитель В. Зорин решительно отрицал наличие на Кубе

ракет с ядерным оружием. Как можно было прочесть в советских газетах, В. Зорин «разоблачил извлечённые из кучи всякого хлама сотрудниками государственного департамента США утверждения о так называемом установлении советских ракетных баз на Кубе». В это время на пути к Кубе находилось более 20 советских кораблей, и первые из них приближались к линии блокады. Хрущёв вёл себя внешне спокойно, и вечером 23 октября посетил Большой театр, понимая, что за океаном внимательно следят за каждым его шагом.

Президент США направил Хрущёву письмо с призывом соблюдать правила блокады. Кеннеди писал, что США не намерены открывать огонь по советским кораблям. «Моё желание, чтобы оба мы держались осмотрительно и не допускали, чтобы события осложнили положение и ещё более затруднили контроль над ним». Это послание не было опубликовано в СССР, как и призыв У Тана приостановить перевозку оружия на Кубу. Аналогичный призыв исходил и от 89-летнего английского философа Бертрана Рассела. Кеннеди получил сообщение о появлении в Карибском море советских подводных лодок, что являлось серьёзной угрозой для американских авианосцев.

Утром 24 октября два советских судна приблизились к линии блокады в 500 милях от Кубы. Их прикрывала подводная лодка. Навстречу шёл авианосец «Эссекс» с вертолётами, оснащёнными для борьбы с подводными лодками. Р. Макнамара отдал приказ — в случае необходимости атаковать советскую подводную лодку глубинными бомбами со слабыми зарядами, чтобы заставить её всплыть на поверхность. Но Хрущёв не хотел рисковать и приказал советским судам остановиться на линии блокады, предложив Кеннеди срочную встречу. Кеннеди ответил, что он готов встретиться с Хрущёвым, но только после устранения с Кубы советских ракет. Воздушная разведка показывала, что эти ракеты будут готовы к действию через несколько дней. Над Кубой дважды в день пролетали эскадрильи из восьми низко летящих американских самолётов. Другие самолёты непрерывно следили за советскими подводными лодками. Советские корабли, приближаясь к линии блокады, останавливались в океане, однако некоторые из них получили приказ лечь на обратный курс. Монтаж ракетных установок и бомбардировщиков продолжался. На Кубу вылетел А. И. Микоян, чтобы наблюдать за ситуацией с близкого расстояния и увязывать действия Советского правительства с действиями Кубы. Один из американских самолётов был сбит, и лётчик погиб. Хрущёв опасался, что Кастро может предпринять какой-либо неосмотрительный и опасный шаг. В своих первых посланиях к Кеннеди Хрущёв придерживался

угрожающего тона. Он называл действия Кеннеди «чистейший бандитизмом», «безумием выродившегося империализма» и заявлял, что СССР не будет считаться с блокадой и сумеет защитить свои права.

Напряжение нарастало. 26 октября Кеннеди отдал приказ о подготовке к вторжению на Кубу. Узнав о гибели американского лётчика, он приказал увеличить в несколько раз число самолётов, проносящихся над островами. Вечером 26 октября Кеннеди получил от Хрущёва новое письмо, составленное в иных выражениях, — оно не появилось в советских газетах. Письмо было продиктовано лично Хрущёвым и даже не отредактировано. Советский премьер убедился, что действия США не являются блефом и что мир оказался на краю пропасти. Теперь и Хрущёв просил Кеннеди проявить сдержанность, ибо «если разразится война, то остановить её будет не в нашей власти. Я сам участвовал в двух войнах и знаю, что война кончается только после того, как прокатится по городам и сёлам, сея повсюду смерть и разрушение».

Хрущёв не отрицал теперь, что на Кубе имеются советские ракеты. Американская блокада поэтому не имеет смысла, так как все оружие уже доставлено на Кубу. Но ракеты находятся под контролем советских офицеров и не будут использованы для нападения на США. «В этом отношении, — писал Хрущёв, — вы можете быть спокойны. Мы находимся в здравом уме и прекрасно понимаем, что если мы нападём на вас, то вы ответите нам тем же. Но тогда это обернётся и против нас, и я думаю, что вы это тоже понимаете. Из этого следует, что мы люди нормальные. Как же мы можем допустить, чтобы произошли те несуразные действия, которые вы нам приписываете? Только сумасшедшие могут так поступать или самоубийцы, желающие и сами погибнуть и весь мир перед тем уничтожить». Хрущёв предлагал Кеннеди снять блокаду и дать обязательство не вторгаться на Кубу. В этом случае СССР заберёт и уничтожит доставленное на Кубу ракетное оружие. Хрущёв писал: «Мы с вами не должны тянуть за концы каната, на котором вы завязали узел войны, потому, что, чем крепче мы оба будем тянуть, тем сильнее стянется узел, и придёт время, когда узел будет так туго стянут, что даже тот, кто завязал его, не в силах будет развязать, и придётся разрубить… Давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы»[94].

Это письмо предлагало компромисс. Правда, уже на следующее утро, ещё не получив ответа на отправленное письмо, Хрущёв направил новое послание к Кеннеди, в котором требовал,

чтобы американцы убрали свои ракеты с турецкой территории. Хрущёв предлагал провести в течение 2 — 3 недель переговоры с США по всему комплексу возникших проблем. Это не устраивало Кеннеди, и он ответил только на полученное вечером 26 октября письмо, оставив без внимания следующее. Кеннеди заявлял о готовности США снять блокаду Кубы и о том, что США не будут нападать на Кубу, если из этой страны Советский Союз уберёт наступательное оружие. Одновременно, используя более конфиденциальные каналы, Кеннеди заверил Хрущёва, что США уберут свои ракеты из Турции, но позднее — после ликвидации кризисной ситуации. В любом случае Кеннеди требовал немедленного прекращения всех работ по установке ракет на Кубе и удаления под наблюдением ООН всего наступательного оружия с острова. В конфиденциальном порядке Кеннеди давал понять Хрущёву, что даже при желании президент США не в состоянии слишком долго сдерживать более жёсткую реакцию американских властей на действия СССР. Послание Кеннеди от 27 октября было опубликовано в советской печати, что являлось, в сущности, официальным признанием присутствия советских ракет на Кубе. Не без внутреннего сопротивления и, возможно, не без борьбы внутри руководства, но Хрущёв принял предложение Кеннеди. У него оставалось мало времени и и маленький выбор: или военные действия, или уступка. И он решил уступить. В письме от 28 октября Хрущёв заявлял: «Я отношусь с пониманием к Вашей тревоге и тревоге народов США в связи с тем, что оружие, которое Вы называете наступательным, действительно является грозным оружием. И Вы, и мы понимаем, что это за оружие»[95].

Хрущёв писал далее, что коль скоро США заявляют, что не совершат нападения на Кубу, то и мотивы, побудившие СССР поставить Кубе новое оружие, отпадают. Налицо всё необходимое для ликвидации конфликта. Поэтому Советское правительство отдало распоряжение о демонтаже, упаковке и возвращении в СССР всего этого оружия.

Это был решающий день и решающий шаг в ликвидации Кубинского кризиса. Обмен посланиями между Кеннеди и Хрущёвым происходил помимо Ф. Кастро, который получал информацию от Микояна. Но Кастро не считал заверения американского президента достаточной гарантией для Кубы. Кастро требовал прекращения полётов разведывательных самолётов США, прекращения торгового эмбарго и ликвидации на территории Кубы военно-морской базы США. Микояну пришлось потратить много усилий, чтобы убедить Кастро не создавать дополнительных препятствий к удалению советских ракет.

Разумеется, у ООН не имелось никаких экспертов по ракетам. Чтобы не оставлять никаких сомнений в своём миролюбии, Хрущёв разрешил американским экспертам осмотреть советские корабли и пересчитать увозимые в трюмах ракеты.

Бесполезно рассуждать о том, что Хрущёв проиграл этот раунд с Кеннеди, что удаление ракет явилось унижением для СССР и т. п. Лишь очень немногие журналисты писали тогда о «капитуляции» Советского Союза. Сам Кеннеди вовсе не был настроен праздновать победу. За возникновение кризиса ответственность разделяли и советские, и американские руководители, но и Хрущёв, и Кеннеди проявили в решающие часы разумную сдержанность, сохранив контроль за ходом событий и не позволив событиям перерасти в разрушительную войну. В Вашингтоне имелось немало влиятельных государственных деятелей, которые с самого начала настаивали на действиях, ведущих только к войне. Можно предполагать, что и в окружении Хрущёва не все были согласны с его решением — удалить ракеты с Кубы. И если престиж Кеннеди после Кубинского кризиса заметно поднялся, то надо сказать, что поднялся и международный престиж Хрущёва, который сумел вовремя остановиться и уступить. Компромисс был достигнут усилиями обеих сторон. Но не следует забывать и о том, что согласие СССР демонтировать и увезти ракеты и бомбардировщики с Кубы стало известно в Вашингтоне менее чем за сутки до назначенной правительством США атаки военно-воздушных сил, морских и сухопутных частей, атаки, которая вместе с советскими ракетами, офицерами, специалистами уничтожила бы и новое кубинское государство, а стало быть, привела и к ответным мерам со стороны СССР. В послевоенный период мир ещё никогда, ни до, ни после Кубинского кризиса, не подходил так близко к пропасти новой мировой войны.

6. Международные дела после Кубинского кризиса

В первые недели после Кубинского кризиса Ф. Кастро сделал несколько заявлений с критикой действий Хрущёва. Однако ни Куба, ни Советский Союз не стремились расширить возникшую трещину в отношениях. Напротив, они нуждались в демонстрации, свидетельствовавшей об укреплении этих отношений. Такой демонстрацией явился визит Фиделя Кастро в СССР весной 1963 года, визит, продолжавшийся 40 дней. Пожалуй, никого из зарубежных деятелей Хрущёв не встречал и не принимал так радушно. Самолёт ТУ-114 приземлился в Мурманске, где Фиделя Кастро встречал Микоян. Через день сотни тысяч москвичей приветствовали руководителя Кубы, который вместе с Хрущёвым и Брежневым проехал в открытой машине в Кремль. Затем состоялся грандиозный митинг на Красной площади. Ещё через несколько дней — 1 Мая 1963 года Кастро снова стоял вместе с Хрущёвым на трибуне Мавзолея, наблюдая за большим парадом Советской Армии и демонстрацией народа. Несколько дней Хрущёв и Кастро отдыхали и охотились в подмосковном угодье Завидово. Надо сказать, что Хрущёв любил охотиться и был очень метким стрелком даже в свои 69 лет. С 5 мая Кастро начал продолжительную поездку по стране. 23 мая он вернулся в Москву, где на стадионе им. В. И. Ленина состоялся грандиозный митинг в честь советско-кубинской дружбы. В обширном коммюнике, подписанном Хрущёвым и Кастро, говорилось о расширении сотрудничества СССР и Кубы во всех областях. Здесь также говорилось: «В ходе беседы между Н. С. Хрущёвым и Ф. Кастро с советской стороны было подтверждено, что если в нарушение принятых президентом США обязательств о невторжении на Кубу на неё будет совершено нападение, то Советский Союз выполнит свой интернациональный долг перед братским кубинским народом и окажет ему необходимую помощь для защиты свободы и независимости республики Куба всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Организаторы агрессии должны отдавать отчёт, что вторжение на Кубу поставит человечество перед разрушительной ракетно-термоядерной войной»[96].

Два дня Хрущёв и Кастро провели в Грузии, после чего они вылетели в Мурманск, и кубинский лидер отсюда вернулся в Гавану.

Кубинский кризис многому научил руководителей СССР и США, обозначив более чётко пределы, за которые нельзя выходить, не ставя мир перед угрозой разрушительной войны. Хрущёв заметно ослабил теперь своё давление по германским проблемам и перестал угрожать быстрым заключением сепаратного мира с ГДР, что могло повести к новому опасному кризису.

Изменение общей атмосферы ускорило такое важное событие, как подписание СССР, США и Великобританией договора о частичном запрещении испытаний атомного и водородного оружия. Переговоры по этой проблеме происходили давно, но без видимого прогресса. СССР настаивал на запрещении всех испытаний, включая и подземные, а также на том, чтобы новый договор подписали все ядерные державы. Но Франция не желала участвовать в переговорах, а США не хотели полного запрещения испытаний. Чтобы подчеркнуть свою искренность, Советское правительство ещё в 1958 году объявило об одностороннем прекращении всех испытаний атомного оружия и заявило, что не возобновит этих испытаний, если их не будут проводить США и Англия. Западные страны последовали примеру СССР, который, однако, первым нарушил добровольный мораторий. Это произошло в 1961 году в разгар Берлинского кризиса. К тому времени в СССР завершилось создание нескольких особо мощных ядерных зарядов, которые ещё не испытывались. Желание продемонстрировать Западу военное могущество СССР побудило Хрущёва назначить новую серию испытаний в районе Новой Земли.

Академик А. Д. Сахаров, один из создателей грозного оружия и участник прежних испытаний водородной бомбы, писал позднее: «Начиная с 1957 года (не без влияния высказываний по этому поводу во всём мире таких людей, как А. Швейцер, Л. Полинг и некоторых других), я ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях. Как известно, поглощение радиоактивных продуктов ядерных взрывов миллиардами населяющих землю людей приводит к увеличению частоты ряда заболеваний и врождённых уродств. При попадании радиоактивных продуктов взрыва в атмосферу каждая мегатонна мощности ядерного взрыва влечёт за собой тысячи безвестных жертв. А ведь каждая серия испытаний ядерного оружия (все равно США, СССР, Великобритании или Китая и Франции) — это десятки мегатонн, т. е. десятки тысяч жертв…

Я вспоминаю лето 1961 года, встречу учёных-атомщиков с Председателем Совета Министров Хрущёвым. Выясняется, что

нужно готовиться к серии испытаний, которая должна поддержать новую политику СССР в германском вопросе (Берлинскую стену). Я пишу записку Хрущёву: «Возобновление испытаний после трёхлетнего моратория подорвёт переговоры о прекращении испытаний и разоружения, приведёт к новому туру гонки вооружений, в особенности в области межконтинентальных ракет и противоракетной обороны», — и передаю её по рядам. Хрущёв кладёт записку в нагрудный карман и приглашает присутствующих отобедать. За накрытым столом он произносит импровизированную речь, памятную мне по своей откровенности, отражающей не только его личную позицию. Он говорит примерно следующее: „Сахаров хороший учёный, но предоставьте нам, специалистам этого хитрого дела, делать внешнюю политику. Только сила, только дезориентация врага. Мы не можем сказать вслух, что ведём политику с позиции силы, но это должно быть так. Я был бы слюнтяй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких людей, как Сахаров»[97].

Ещё одно испытание сверхмощного ядерного оружия было произведено в конце лета 1962 года, незадолго до Кубинского кризиса. Конечно, и США после этого отказались от добровольного моратория на подобные испытания. Переговоры, однако, продолжались, и точки зрения сторон постепенно сближались. Было решено отказаться от всех испытаний ядерного оружия, кроме подземных. В июле 1963 года был парафирован, а 5 августа подписан в Москве «Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой». От Советского Союза Договор подписал А. А. Громыко, от Соединённых Штатов — Дин Раск, от Великобритании — лорд Хьюм. При его подписании присутствовали Генеральный секретарь ООН У Тан Н. С. Хрущёв и послы многих стран, аккредитованные в Москве. В тот же день Договор подписали от имени своих стран 10 послов. Через неделю под его текстом появилось ещё 27 подписей. К 11 сентября стояло уже 77 подписей. В октябре Договор ратифицировали СССР, США, Великобритания, и он вступил в законную силу.

Вскоре Хрущёв уехал в отпуск на дачу в Пицунде, где его посетил Дин Раск. Их беседы касались многих проблем мировой политики, так как и Хрущёв и Кеннеди выражали заинтересованность в продолжении начавшегося процесса разрядки. Обсуждался вопрос о положении в Лаосе и Вьетнаме, где США все больше и больше втягивались в конфликт между Севером и Югом. Хрущёв отнёсся спокойно к угрозам о расширении вмешательства США. «Если хотите, — говорил он, — попробуйте повоевать в джунглях Вьетнама. Французы воевали

там семь лет и всё же были вынуждены уйти. Американцы, может быть, сумеют провоевать там дольше, но и им придётся в конце концов уйти». Д. Кеннеди колебался. Он был близок к тому, чтобы отозвать американский военный персонал и не заходить слишком далеко в конфликте. Однако в конце ноября 1963 года пули наёмного убийцы, или группы убийц, сразили в Далласе президента Кеннеди. Как и большинство советских людей, Н. С. Хрущёв был искренне опечален смертью Кеннеди и впоследствии часто вспоминал о нём с большой теплотой. Что касается нового президента США Линдона Джонсона, то он иначе смотрел и на проблемы Вьетнама, и на многие важные аспекты американо-советских отношений.

Не могло радовать Хрущёва и развитие отношений с КНР. Достигнутое в конце 1960 года соглашение оказалось непрочным. Уже на XXII съезде КПСС Чжоу Эньлай в своём выступлении в ряде пунктов полемизировал с Отчётным докладом ЦК КПСС. Не дожидаясь окончания съезда, китайская делегация покинула Москву. Хрущёв лично провожал Чжоу Эньлая в аэропорте, однако китайский премьер на первом же собрании партийного актива КПК назвал XXII съезд КПСС «ревизионистским». В 1962 году полемика между КПК и КПСС продолжалась в форме теоретических статей и конфиденциальной переписки, но с 1963 года эта полемика принимает все более резкий и открытый характер. Газета «Женьминь жибао» публикует несколько статей, направленных не только против КПСС, но и против компартий Франции, Италии, США и некоторых других стран.

В 1963 году Хрущёв предложил устроить встречу между руководителями СССР и КНР на высшем, или на «высоком» уровне. Китай согласился на встречу делегаций «высокого» уровня. Но ещё до встречи в Китае был опубликован большой, претенциозный и догматический документ — «Предложения о генеральной линии международного коммунистического движения». В СССР этот документ не был сразу опубликован; и китайское посольство, а также ряд других китайских организаций распространяли везде, где можно, отпечатанные массовым тиражом на русском языке «Предложения» КПК. Встреча делегации КПК во главе с Дэн Сяопином и делегации КПСС во главе с М. А. Сусловым происходила отнюдь не в дружеской атмосфере. Как раз во время переговоров советская печать опубликовала все 25 пунктов китайских «Предложений». Одновременно было опубликовано «Открытое письмо ЦК КПСС» с развёрнутой критикой предложенной китайцами «генеральной линии». Как и следовало ожидать, встреча делегаций КПК и КПСС не привела к взаимному согласию и была прервана 20 июля по

настоянию КПК. В Пекине китайской делегации был устроен торжественный приём, на аэродром прибыл сам Мао.

Ухудшение межпартийных отношений повлияло на все сферы сотрудничества. Сократилась торговля, свелись к минимуму научно-технические и культурные связи. Все чаще стали происходить различные инциденты на советско-китайской границе. Группы китайских скотоводов намеренно переходили границу и отказывались возвратиться в Китай по требованию советских пограничников. Новый шаг в эскалации полемики произошёл после подписания в Москве Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия. В крайне грубых заявлениях Китай оценивал московский договор как «величайший обман, который одурманивает народы всего мира и… полностью противоречит чаяниям миролюбивых народов всех стран. Нельзя представить себе, что китайское правительство присоединится к этому грязному обману… ». Китайское правительство заявляло: «Неоспоримые факты показывают, что проводимая Советским правительством политика есть политика объединения с силами войны для борьбы против сил мира, объединение с империализмом для борьбы против социализма, объединение с США для борьбы против Китая, объединение с реакцией различных стран для борьбы против народов всего мира»[98].

Эти заявления означали фактически разрыв между КНР и СССР. Китайскую печать заполнили статьи с грубой критикой всей внешней и внутренней политики Советского Союза. Такая же критика звучала на русском языке в передачах китайского радио. Эта критика все более персонифицировалась и направлялась лично против Хрущёва, называемого в Пекине «главным ревизионистом», который ведёт Советский Союз к сговору с империалистами и стремится превратить СССР в капиталистическую державу.

Разрыв с Китаем привёл к ухудшению отношений между СССР и Румынией, так как Румыния пыталась занять в советско-китайском конфликте нейтральную позицию. Отношения с Югославией, напротив, стали улучшаться. В августе 1963 года Хрущёв провёл в Югославии часть своего отпуска. Ещё раньше Тито приезжал в СССР для переговоров и отдыха.

Осенью 1963 года исполнялась 10-я годовщина сентябрьского Пленума ЦК и избрания Хрущёва Первым секретарём ЦК КПСС. В печати стали появляться слова о «великом десятилетии». Этот юбилей был, однако, испорчен поступавшими в Москву сведениями о плохом урожае. Из-за очень суровой зимы во многих местах погибли озимые, а жаркое лето отразилось на урожае яровых культур и овощей. В отдельных городах случались

перебои с продажей хлеба и муки, у хлебных магазинов выстраивались длинные очереди. Хрущёв решил совершить краткую поездку по стране, чтобы определить масштабы бедствия. Он побывал на Волге, Кубани, в южных областях Украины. В речах Хрущёва стали звучать уже иные ноты. Конечно, он продолжал говорить о внедрении кукурузы и изменении структуры посевов. Однако главной темой его выступлений стала химизация сельского хозяйства, увеличение производства минеральных удобрений и гербицидов. Конечно, о минеральных удобрениях немало говорили и в прошлом. Но говорили много, а делали мало. В 1962 году в СССР производилось всего 17 миллионов тонн минеральных удобрений, и на гектар пашни их вносилось в 3 раза меньше, чем в США, в 7 раз меньше, чем во Франции, в 11 раз меньше, чем в Англии, в 15 раз меньше, чем в ФРГ. Почти не производились гербициды, хотя потери от сорняков и вредителей были очень велики.

Результаты химизации сельского хозяйства могли сказаться не особенно скоро, а дефицит зерна ощущался уже в 1963 году. Чтобы обеспечить бесперебойное поступление хлеба в города и избежать рационирования, Хрущёв предложил закупить 10 миллионов тонн пшеницы за границей. Эти закупки производились главным образом в Канаде, а также в Австралии, Румынии и некоторых других странах. Впервые за всю свою историю Советский Союз пошёл на столь большие закупки зерна за границей.

7. 1961 — 1963 годы. Изменения в области культуры и идеологии.

Несмотря на краткость этот период оказался крайне важным и в некоторых отношениях переломным в истории советской культуры. Было сказано и сделано многое, что потом не удалось вытравить из сознания поколения, которое с определёнными оговорками можно было бы назвать «поколением XX съезда». Именно в начале 60-х годов более чётко определились две линии в идеологии и культуре. Одна — линия прогресса, преодоления застоя и догматизма, расширения возможностей для социалистического творчества и плодотворных поисков новых путей, форм и методов социалистического развития, проявления определённой терпимости и либерализма, ограниченного диалога. Другая — линия консерватизма и плохо замаскированного сталинизма, оправдания и обеления прошлого, нетерпимости и административного произвола. В литературе первая линия наиболее ярко выразилась в работе журнала «Новый мир», редакционную коллегию которой в 60-е годы возглавлял А. Т. Твардовский, вторая линия была представлена журналом «Октябрь» во главе с писателем В. Кочетовым. Как раз в 1961 году Кочетов опубликовал в «Октябре» свой программный роман «Секретарь обкома», подвергнутый резкой критике в первом номере журнала «Новый мир» за 1962 год. Эти же две тенденции можно было проследить и в области театра и кино, изобразительного искусства, в общественных науках.

Отчётливый подъем наметился в гуманитарных науках, что проявилось, в частности, на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук в феврале 1962 года и на Всесоюзном совещании историков в декабре того же года. Расширялась тематика и углублялось содержание исследований в области экономики, которые послужили теоретической основой более поздней экономической реформы 1965 года. Была создана Советская ассоциация политических наук. В исторических науках открывалась возможность исследований и публикаций по многим темам, которые до тех пор считались запретными. Уже в 1962 году в СССР появилось несколько книг, статей, где не только пересматривались догмы сталинского времени и более объективно высвечивалась история коллективизации и индустриализации, но и приводились не известные ранее общественности конкретные факты преступлений Сталина и его ближайших помощников. В центральных газетах, а также в прессе

союзных и автономных республик, в краевых и областных органах печати стали публиковаться статьи-некрологи, посвящённые памяти погибших в 30 — 40-е годы партийных, государственных, хозяйственных, военных работников и деятелей культуры. Эти статьи заканчивались обычно словами: «… стал жертвой необоснованных репрессий в годы культа Сталина», «… трагически погиб в годы культа личности», «… был оклеветан и погиб». Да и сам Хрущёв в своих выступлениях 1962 года не раз возвращался к теме культа личности. Наиболее решительные слова на этот счёт содержались в одной из его речей во время визита в Болгарию. Он говорил, в частности, о несовместимости «марксизма-ленинизма и злодейства». «Сталина мы осуждаем, — заявил Хрущёв, — потому что он обнажил и направил меч против своего класса, против своей партии»[99].

Изменялся облик и соответственно влияние на жизнь общества художественной литературы. Заметным явлением стало, например, издание сборника стихотворений М. Цветаевой в 1961 году — первая подобная публикация стихов крупнейшей русской поэтессы, покончившей с собой в 1941 году, вскоре после возвращения в СССР из эмиграции. Всеобщее внимание привлекли мемуары И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», которые печатались в «Новом мире» и первый том которых уже в 1961 году был издан отдельной книгой.

После XXII съезда КПСС в художественной литературе на шла отражение и тема лагерей и тюрем. Этой теме посвящён один из ярких эпизодов в романе Ю. Бондарева «Тишина». Но самым значительным событием стала, конечно, публикация в № 11 журнала «Новый мир» за 1962 год повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Вопрос о такой публикации не мог самостоятельно решить главный редактор А. Твардовский, хотя он счёл повесть Солженицына выдающимся произведением и с чисто литературной точки зрения. Твардовский действовал настойчиво, но осторожно. Он хорошо знал, что ещё два года назад был не только запрещён, но и «арестован» роман В. Гроссмана «Жизнь судьба», в котором также поднималась тема сталинских лагерей. Гроссман передал свою рукопись в журнал «Знамя», но через несколько месяцев все её экземпляры были изъяты по решению властей из редакции, из квартиры писателя, у некоторых его друзей, а также из сейфа А. Твардовского в редакции «Нового мира». Между тем В. Гроссман был одним из наиболее известных советских писателей, тогда как Солженицын — всего лишь скромным учителем физики в одной из школ г. Рязани. Прочитав его повесть, Твардовский не спешил с её публикацией и представлением в цензуру. Собрав немало

восторженных отзывов крупнейших литераторов, включая С. Маршака, К. Чуковского, К. Симонова и других, он передал текст повести самому Хрущёву. Помощник Хрущёва В. С. Лебедев прочёл её Никите Сергеевичу в конце августа или начале сентября 1962 года. Повесть понравилась Хрущёву, а также Микояну. Однако сведения о режиме и порядке в лагерях, даже сталинского времени, считались тогда секретными, и потому вопрос о публикации повести Солженицына был включён в Повестку дня очередного заседания Президиума ЦК КПСС, все члены которого получили срочно напечатанную редакцией «Известий» вёрстку. Никто, кроме Микояна, не возражал, но и не поддержал Хрущёва. «Вы не разобрались в этом вопросе», — сказал Хрущёв и перенёс обсуждение на следующее заседание. Через неделю Президиум ЦК КПСС одобрил публикацию повести Солженицына. Это явилось важным событием не только в литературной, но и общественной жизни страны, которое вызвало множество откликов и в нашей стране, и за границей. Повесть была издана затем дважды отдельной книгой большими тиражами. В декабре 1962 года «Правда» опубликовала отрывок из рассказа Солженицына «Случай на станции Кречетовка», который вместе с рассказом «Матренин двор» был напечатан в первом номере журнала «Новый мир» за 1963 год. Вскоре и в других журналах стали появляться отдельные рассказы и повести о сталинских лагерях. Перестала быть запретной в художественной литературе, публицистике и тема советских военнопленных, их трагической участи. В военных мемуарах все чаще встречалась критика Сталина и репрессий, особенно среди военных кадров. Лишь немногие воспоминания (например, генерала А. Горбатова) были опубликованы, остальные широко распространялись в списках. Именно в это время возникло понятие «самиздата». Конечно, неконтролируемое распространение различных произведений, главным образом стихов и поэм, существовало ив 50-е годы. Теперь же широкое распространение в списках получили публицистические произведения, мемуары, повести, рассказы и романы. Такие рукописи, как «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «Это не должно повториться» С. Газаряна, «Очерки по истории агробиологической дискуссии» Ж. Медведева, оставляли глубокий след в сознании тех, кто их читал.

Постепенно изменилось к лучшему положение в кинематографии, театральной жизни. Как раз в 1961 — 1963 годах на экраны страны вышли такие получившие международное признание фильмы, как «Чистое небо», «9 дней одного года»,

«Иваново детство», «Живые и мёртвые», заканчивались съёмки большого двухсерийного фильма «Председатель», который вышел на экраны в 1964 году и имел громадный успех у советских зрителей. С постановки спектакля по пьесе Б. Брехта «Добрый человек из Сезуана» начал работу Театр драмы и комедии на Таганке под руководством Ю. Любимова. На многие годы этот театр стал наиболее посещаемым в Москве, особенно молодёжью. Появился на экранах страны и сатирический киножурнал «Фитиль», популярность которого сохраняется уже третье десятилетие.

После XXII съезда КПСС в советской общественности стала отчётливей подниматься тема ответственности за репрессии сталинских лет, сильнее и громче звучать требования о расследовании преступлений прошлого и наказании виновных. Но Хрущёв лично воспротивился движению в этом направлении. Дело ограничилось исключением из партии Молотова, Маленкова и Кагановича. Другие отделались лёгкими партийными взысканиями и лишением части правительственных наград. Так, например, 4 апреля 1962 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене наград 700 офицерам НКВД, полученных ими весной 1944 года. Как можно легко догадаться, речь шла о работниках НКВД, руководивших депортацией некоторых народностей Северного Кавказа и Нижнего Поволжья. Очень медленно решались вопросы о политической юридической реабилитации незаконно репрессированных и погибших людей, дела которых были отложены в 1956 — 1957 годах. В ЦК КПСС и в Прокуратуре СССР не производилось расследование по таким фальсифицированным судебным делам 1928 — 1931 годов, как «Шахтинское дело», дело «Промпартии», дело «Трудовой крестьянской партии», дело «Союзного бюро меньшевиков» и др.

В 1963 году Хрущёв пригласил к себе писателя И. Эренбурга, с которым у него был конфликт. В ходе беседы Эренбург поднял вопрос о реабилитации одного из выдающихся деятелей Октябрьской революции Ф. Ф. Раскольникова. Вскоре в печати появились большие статьи о жизни и деятельности Раскольникова. Была закончена и работа комиссий по проверке политических судебных процессов 1936 — 1938 годов. Выводы не оставляли сомнений в том, что процессы строились на намеренной фальсификации, а потому и все приговоры военной коллегии Верховного суда СССР должны быть формально отменены как ошибочные. Естественно, что и все жертвы приговоров, включая и таких видных в прошлом деятелей ВКП (б), как Н. Бухарин, А. Рыков, М. Томский, Л. Каменев, Г. Зиновьев, Ю. Пятаков, Л. Серебряков, Г. Сокольников и многие

другие, должны быть реабилитированы по крайней мере в юридическом отношении. Хрущёв был склонен принять такое решение. При его личном участии были реабилитированы и в юридическом и в партийном отношении 17 видных государственных и партийных деятелей, осуждённых на фальсифицированных процессах 1936 — 1938 годов, таких, как Н. Крестинский, Г. Гринько, М. Чернов и др. Однако на Хрущёва стали оказывать большое давление не только члены Президиума ЦК, но и некоторые виднейшие руководители западных компартий. Особенную активность проявлял Морис Торез. По свидетельству А. В. Снегова, разговор Хрущёва с Торезом проходил довольно резко. «Какие мы ленинцы, — говорил Хрущёв, — если мы хорошо знаем теперь, что все эти процессы были ложью, но продолжаем молчать, выдавая тем самым ложь за правду?» Торез не оспаривал лживости «показательных» процессов 30-х годов. Но он просил отложить проведение новых антисталинских разоблачений, заявляя, что это нанесёт большой урон мировому коммунистическому движению. Хрущёв поддался этому давлению, отложив на неопределённое время новые реабилитации. И тем не менее, несмотря на непоследовательность многих его действий и заявлений, общественная атмосфера в нашей стране продолжала очищаться и улучшаться. Дж. Боффа, бывший корреспондент итальянской коммунистической газеты «Унита» в Москве и вдумчивый наблюдатель советской жизни, писал в середине 60-х годов: «Отклики советских людей на XXII съезд по некоторым аспектам оказались более глубокими, чем результаты XX съезда. За шесть лет многое изменилось. Советское общественное мнение гораздо более энергично и агрессивно стремилось ответить не только на вопросы, поставленные съездом, но и на вопросы, лишь им затронутые и не поставленные или даже обойдённые. Во всём образе мышления стали внезапно происходить быстрые перемены… Обвиняемым был уже не только Сталин, но и сталинизм, то есть определённая концепция политической жизни страны. Это было самое большое из того, что принёс 1962 год… „Один день Ивана Денисовича“ был новым этапом в советской литературе… Это было нечто большее, чем литературный факт. Это было крупное общественное событие… Из источника, к которому я питаю максимум доверия, я знаю, что Хрущёв иногда подумывал о двух радикальных мероприятиях: об отмене внутренней цензуры и о публичном отказе от решений по искусству, принятых при Жданове… Внезапно всё изменилось»[100].

Непоследовательность, колебания, недостаточную

осведомлённость, да и просто недостаток образования Хрущёва умело использовали консервативные круги в партийном и государственном аппарате. Те изменения в области общественных наук, литературы и искусства, о которых мы писали выше, задевали интересы многих очень влиятельных людей в нашей стране. Реакция исходила при этом не только от консервативных кругов партийно-государственного аппарата, но и от консервативно настроенных деятелей науки и культуры. В научных кругах и среди работников литературы и искусства расширялась полемика, которую можно было бы считать вполне нормальным явлением, но при равных условиях без административного движения она никак не могла привести к победе консервативных течений. Такой нажим, однако, не мог стать достаточно сильным без поддержки Хрущёва — его влияние и власть в 1962 — 1963 годах стали почти безграничными. Хрущёв, который поддерживал одновременно и Лысенко, и Твардовского, хотел иметь добрые отношения с И. Эренбургом, и с В. Кочетовым, становился иногда объектом сложных интриг. Одной из таких сложных интриг, задуманных и организованных вероятнее всего секретарём ЦК Л. Ф. Ильичевым, было посещение Хрущёвым 1 декабря 1962 года художественной выставки в, Манеже.

Выставка являлась не слишком большим событием в культурной жизни столицы. Речь шла о произведениях, посвящённых 30-летию Московского отделения Союза художников. Экспозиция работала уже месяц, не вызывая заметного интереса у москвичей. Здесь можно было познакомиться с картинами официально признанных и известных художников: С. Герасимова, Е. Белашевой, Н. Андреева, И. Грабаря, А. Дейнеки, Б. Иогансона, К. Юона, Кукрыниксов и др. Никого из абстракционистов участво вать в выста вке не приглашали.

Неожиданно группа наиболее активных неофициальных художников получила приглашение выставить в Манеже и свои картины, для чего отвели второй этаж выставочного зала. Всех, откликнувшихся на приглашение, попросили находиться 1 декабря возле своих произведений и давать пояснения. Ждали членов Президиума ЦК КПСС, но Хрущёва уговорили присоединиться к ним с большим трудом. Никита Сергеевич охотно посещал выставки новой строительной техники, сельскохозяйственных машин, проекты застройки Москвы, промышленные выставки различных стран. Но в живописи он не разбирался и никогда в жизни не был даже в знаменитой Третьяковской галерее. Поэтому Хрущёв довольно быстро прошёл

по Манежу. Некоторые картины ему понравились, другие оставили равнодушными, часть произведений явно не понравилась, например работы художника Р. Фалька. После беглого осмотра состоялась беседа с художниками «первого этажа». Как писала 2 декабря «Правда», «художники и скульпторы горячо поблагодарили товарища Хрущёва, руководителей партий и правительства за посещение выставки, за внимание к их творческому труду, за ценные советы и критические замечания».

После осмотра официальной части выставки Хрущёв собрался уходить и уже надел пальто, но с него насильно пальто сняли, убеждая познакомиться с расположенной на втором этаже выставкой «абстрактного» искусства. И без того сильно раздражённый, Хрущёв поднялся наверх. Вот что об этом можно прочесть в том же номере «Правды»: «В тот же день руководители партии и правительства осмотрели работы так называемых абстракционистов. Нельзя без чувства недоумения и возмущения смотреть на мазню на холстах, лишённую смысла, содержания и формы. Эти патологические выверты представляют собой жалкое подражание растленному формалистическому искусству буржуазного Запада. „Такое „творчество“ чуждо нашему народу, он отвергает его, — говорит Хрущёв. — Вот над этим и должны задуматься люди, которые именуют себя художниками, а сами создают „картины“, что не поймёшь, нарисованы ли они рукой человека или хвостом осла. Им надо понять свои заблуждения и работать для народа“.

Более колоритно и точно описывал позднее эту встречу известный скульптор и художник Эрнст Неизвестный. Он вспоминал: «Осмотр он (Хрущёв) начал в комнате, где экспонировалась живопись, представляемая Билютиным и ещё некоторыми моими друзьями. Там Хрущёв грозно ругался и возмущался мазнёй.

Именно там он заявил, что «осел мажет хвостом лучше». Там же было сделано замечание Желтовскому, что он красивый мужчина, а рисует уродов. Там же произошла моя главная стычка с Хрущёвым, которая явилась прелюдией к последующему разговору. Стычка эта возникла так. Хрущёв спросил: «Кто здесь главный?» В это время Ильичёв сказал: «Вот этот». И указал на меня. Я вынужден был выйти из толпы и предстать перед глазами Хрущёва. Тогда Хрущёв обрушился на меня с криком… Именно тогда я сказал, что буду разговаривать только у своих работ, и направился в свою комнату, внутренне не веря, что Хрущёв последует за мной. Но он пошёл за мной, и двинулась вся свита и толпа.

И вот в моей-то комнате и начался шабаш. Шабаш начался с

того, что Хрущёв заявил, что я проедаю народные деньги, а произвожу дерьмо! Я же утверждал, что он ничего не понимает в искусстве. Разговор был долгий, но в принципе он сводился к следующему: я ему доказывал, что его спровоцировали и что он предстаёт в смешном виде, поскольку он не профессионал, не критик и даже эстетически безграмотен (я не помню слов и говорю о смысле). Он же утверждал обратное. Какие же были у него аргументы? Он говорил: «Был я шахтёром — не понимал, был политработником — не понимал. Ну вот сейчас я глава партии и премьер — и все не понимаю? Для кого же вы работаете?»

Должен подчеркнуть, что, разговаривая с Хрущёвым, я ощущал, что динамизм его личности соответствовал моему динамизму, и мне, несмотря на ужас, который царил в атмосфере, разговаривать с ним было легко… Опасность, напряжённость и прямота соответствовала тому, на что я мог отвечать. Обычно чиновники говорят витиевато, туманно, на каком-то своём сленге, избегая резкостей. Хрущёв говорил прямо. Неквалифицированно, но прямо, что давало мне возможность прямо ему отвечать. И я ему говорил, что это провокация, направленная не только против меня, не только против интеллигенции и против либерализации, но и против него. Как мне казалось, это находило в его сердце некоторый отклик, хотя не мешало ему по-прежнему нападать на меня. И интереснее всего то, что, когда я говорил честно, прямо, открыто и то, что я думаю, — ■ я его загонял в тупик. Но стоило мне начать хоть чуть-чуть лицемерить, он это тотчас чувствовал и брал верх.

Вот только один пример. Я сказал: «Никита Сергеевич, вы меня ругаете как коммунист, вместе с тем есть коммунисты, которые поддерживают моё творчество, например Пикассо, Ренато Гуттузо». И я перечислял многие ангажированные и уважаемые в Советском Союзе фамилии. Он хитро прищурился и сказал: «А вас лично волнует, что они коммунисты?» И я соврал: «Да!» Если бы я был честным, я должен был бы сказать: «Мне плевать, мне важно, что они большие художники!» Словно почувствовав это, он продолжал: «Ах, это вас волнует! Тогда всё ясно, пусть вас это не волнует, мне ваши работы не нравятся, а я в мире коммунист номер один».

Между тем были минуты, когда он говорил откровенно то, что не выговаривается партией вообще. Например, когда я опять начал ссылаться на свои европейские и мировые успехи, он сказал: «Неужели вы не понимаете, что все иностранцы — враги?» Прямо и по-римски просто!

Кончилась наша беседа с Хрущёвым следующим образом. Он

сказал: «Вы интересный человек, такие люди мне нравятся, но в вас сидит одновременно ангел и дьявол. Если победит дьявол — мы вас уничтожим. Если победит ангел — мы вам поможем». И он подал мне руку. После этого я стоял при выходе как Калинин, пожимал руки собравшимся. Между тем многим художникам было плохо. Я находился в эпицентре и, может быть, поэтому не ощущал, как это было страшно, но те, кто находились по краям, испытывали просто ужас. Многие из моих товарищей бросились меня поздравлять, целовать за то, что, по их словам, я защитил интересы интеллигенции.

Затем ко мне подошёл небольшого роста человек с бородавкой на носу, как у Хрущёва, бледный, в потёртом костюме и сказал: «Вы очень мужественный человек, Эрнст Иосифович! И если вам надо будет, позвоните мне! » И сунул какой-то телефон. Я сгоряча не разобрался, кто это. Спустя некоторое время я узнал, что это был помощник Хрущёва Лебедев, с которым я, кстати, потом встречался, минимум, двадцать раз»[101].

Общественное мнение и в Советском Союзе, и за рубежом отметило начавшиеся у нас в стране неожиданные и бессмысленные гонения не только на художников-абстракционистов, но и против православной церкви. Последние затрагивали уже не столько определённые круги интеллигенции, сколько значительные массы простых людей, жителей провинции, стариков и пожилых женщин. Эта антицерковная кампания не имела никакого разумного объяснения и определения и являлась актом произвола и злоупотребления властью со стороны Хрущёва и части лиц из его окружения.

Как известно, после продолжительного периода самых жёстких преследований православная церковь была до известной степени легализована Сталиным осенью 1943 года. Сталин разрешил восстановить патриаршество, церковь смогла вернуть себе некоторые храмы, открыть духовные учебные заведения для подготовки священников. Стал выходить в свет «Журнал Московской патриархии». Хотя ограничения и разного рода утеснения религиозной жизни сохранялись, церковь всё же сумела в послевоенный период значительно укрепить своё влияние на простых людей и в городе, и в деревне, а также свою «материальную базу». Невероятные лишения и небывалые жертвы, понесённые народом в годы второй мировой войны, заставляли многих людей искать утешения в религии. В Москве, например, более 50 % родителей крестили при рождении детей. В праздники в церквях собиралось множество верующих. И хотя преобладали пожилые, немало встречалось здесь и молодёжи.

Трудно сказать, какие именно решения принимались по

поводу этого возросшего после войны влияния церкви и принимались ли вообще какие-либо формальные решения. Но как показали события начала 60-х годов, речь шла не только о мерах идейного и воспитательного характера, но и административных. Широкую огласку получила, например, история, связанная со сносом в Москве церкви Преображения на Преображенской площади. Местные власти сообщили церковной общине, что храм подлежит сносу в связи со строительством линии метрополитена. Все просьбы об изменении проекта отвергались. Тогда в последний день отведённого срока верующие заперлись в церкви во время службы. Пришлось прибегнуть к помощи милиции и дружинников. Церковь была снесена.

Действующие церкви сносили не только в Москве, но и во многих других городах и сёлах, хотя многие из сносимых храмов считались памятниками старины. В этой связи большая группа известных представителей московской интеллигенции обратилась к Советскому правительству. Письмо передал Хрущёву известный писатель и поэт С Михалков. Но Хрущёв встретил его не слишком любезно и упрекнул: «О десятке церквей жалеете, а о сотнях тысяч людей, нуждающихся в жилище, не подумали?»

Особо широкий размах антицерковная кампания приняла на Украине. Так, например, Полтавская епархия насчитывала до

1958 года 340 храмов, и все они не могли удовлетворить потребностей верующих. К концу 1964 года в этой епархии осталось только 52 действующих храма, что вызвало недовольство не только верующих, но и интеллигенции. Одна из скандальных историй о сносе собора на Украине послужила сюжетом Олесю Гончару для его известного романа «Собор». Хотя Олесь Гончар являлся председателем Союза писателей Украины и членом ЦК КПУ, его роман вызвал нелепые претензии и долго не был напечатан. Вся эта развернувшаяся в начале 60-х годов антицерковная кампания не делала чести и лично Хрущёву.

Общий толчок, который получила общественная мысль нашей страны после XXII съезда, оказался слишком сильным, чтобы развитие общественного сознания прекратилось из-за начавшейся кампании против художников-абстракционистов. К тому же общественность не осталась безучастной ни к гонениям на церковь, ни к гонениям на художников. Под письмом к Хрущёву в защиту неофициальных художников поставили свои подписи такие известные деятели официальной советской культуры, как И. Эренбург, К. Чуковский, К. Симонов, Д. Шостакович, В. Каверин, К. Паустовский, Е. Евтушенко, С. Коненков, В. Фаворский и др. Сам Хрущёв чувствовал какую-то неловкость от происшедшего. И хотя он не отказывался от нападок на абстракционистов или на

«формалистическую» музыку, одновременно он пытался как-то сгладить произведённое скандалом в Манеже отрицательное впечатление.

17 декабря 1962 года в Доме приёмов на Ленинских горах состоялась встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства. На приёме царила непринуждённая атмосфера, гостей ждало обильное угощение, и большая вступительная речь Хрущёва содержала примирительные нотки и ничем не напоминала разносные речи Жданова. На приём пригласили не только Твардовского, но и Солженицына, которого Хрущёв тепло приветствовал и знакомил с другими членами партийного руководства. После неофициальной части некоторые из подписавших упомянутое выше письмо Хрущёву получили возможность выступить. Здесь-то и произошёл тот диалог между Е. Евтушенко и Хрущёвым, который получил затем широкую известность среди интеллигенции: *«. Евтушенко:* … Хотелось бы сказать несколько слов об абстрактной живописи и наших художниках. Я считаю, что неправильно поступили наши молодые художники, организовав подпольную выставку и пригласив на неё иностранных корреспондентов. Это было сделано непродуманно и должно получить всеобщее осуждение… Но я хочу сказать, что к абстрактному течению в нашем искусстве надо относиться с большой терпимостью и не прибегать к давлению, ибо результат может быть обратным. Я знаю художников, о которых идёт речь, знаю их творческую манеру и хочу подчеркнуть, что они, наряду с абстрактной, увлекаются и реалистической манерой письма. Я убеждён, что некоторые формалистические тенденции в их творчестве будут со временем исправлены.

Хрущёв: Горбатого могила исправит.

Евтушенко: Никита Сергеевич, прошли те времена, когда у нас горбатых исправляли только могилой; ведь есть и другие пути. Я считаю, что лучший путь — это проявить терпимость и такт и дать времени поработать на наше искусство. Я считаю, что нужно допустить существование различных школ в живописи. И пусть в спорах между ними развивается все наше искусство. Художники, как и литераторы и музыканты, весьма чувствительны ко всякому нажиму, поэтому лучше к нему не прибегать. Всё станет на своё место.

Хрущёв: Я не верю, что вам лично нравится абстрактное искусство.

Евтушенко: Никита Сергеевич, абстракционизм абстракционизму — рознь. Важно, чтобы не было это шарлатанством. Я допускаю, может возникнуть такая ситуация, когда невозможно передать новые веяния нашей эпохи старой

манерой письма. Я должен откровенно признаться, что не люблю нашу портретную живопись, хотя она и является реалистической. Я очень уважаю тех людей, которые изображены на этих портретах. Но сами портреты представляются мне обыкновенными цветными фотографиями, неспособными волновать зрителей. Я не могу допустить мысли, что вам, Никита Сергеевич, может понравиться безвкусно нарисованная картина «Н. С. Хрущёв среди рабочих». Последний период моей жизни тесно связан с Кубой. Мне очень нравится кубинское абстрактное художество. Хорошо бы у нас организовать выставку кубинских художников. Кубинское абстрактное художество пользуется большой популярностью среди кубинского народа и руководителей. Им увлекается Фидель Кастро. Кубинское абстрактное художество помогает революции. Я призываю не к умиротворению. Я призываю к выдержке и углублённому изучению теории и практики современной живописи, а в конечном счёте к консолидации сил деятелей литературы и искусства на благо народа»[102]

8 марта 1963 года в Свердловском зале Кремля состоялась ещё одна встреча руководителей партии и правительства с деятелями культуры. Эта встреча имела подчёркнуто официальный характер, и здесь не выставлялось никаких угощений. Большой доклад сделал секретарь ЦК Л. Ф. Ильичёв. Выступления писателей и художников оказались очень различными: одни ораторы полностью поддерживали тезисы докладчика, другие косвенно или же прямо и открыто возражали Ильичеву. С большой и очень путаной речью выступил и Н. С. Хрущёв. Похвалив скульптора Е. Вучетича, и без того не обделённого похвалами и наградами, он вновь стал ругать «тошнотворную стряпню» Эрнста Неизвестного. Резко обрушился он и на интересный фильм М. Хуциева «Застава Ильича», но тут же начал хвалить творчество Твардовского, Солженицына, Чухрая и Евтушенко. Очень грубыми были его реплики в адрес других писателей и художников. В полном противоречии со своими выступлениями на XXII съезде КПСС Хрущёв неожиданно стал распространяться насчёт «заслуг» Сталина перед партией и коммунистическим движением и о «преданности» Сталина марксизму и коммунизму. Все главные преступления Сталина он попытался объяснить тем, что Сталин к концу своей жизни был тяжело больным человеком и страдал манией преследования. Неожиданно Хрущёв выступил против современных танцев, которыми увлекалась молодёжь. О теме сталинских репрессий в литературе Хрущёв сказал, что это — опасная тема и трудный материал. В его высказываниях явно звучал призыв к

ограничению публикаций на подобные темы, что скоро и произошло.

Влияние, оказываемое в эти месяцы на Хрущёва, были различны, нередко он проявлял растерянность, чувствуя свою некомпетентность, но иногда становился агрессивным даже по отношению к членам своей семьи, которые хотели дать ему тот или иной совет. Дочь Рада и сын Сергей пытались, например, поговорить с ним о Лысенко, они просили отца прочесть рукопись Ж. Медведева о трагической истории советской биологии. Но Хрущёв решительно отверг все эти попытки. Интуиция, на которую он полагался больше, чем на знания, подсказывала ему, что он зашёл слишком далеко. Поэтому он не хотел продолжать уже начавшую набирать обороты проработочную кампанию. Весной 1963 года идеологический нажим в области культуры ослаб. Намеченный на июнь 1963 года Пленум ЦК КПСС, посвящённый идеологическим проблемам, происходит в иной атмосфере, чем совещание в марте. На Пленум Хрущёв пригласил несколько тысяч гостей, в том числе немало беспартийных. Доклад делал все тот же Ильичёв. Однако большая речь Н. С. Хрущёва была выдержана в умеренных тонах. Он говорил об успехах в коммунистическом строительстве, подвергал критике буржуазную идеологию в целом, но воздержался от персональных выпадов против тех или иных представителей культуры. Даже о скульпторе Эрнсте Неизвестном Хрущёв сказал иначе, чем несколько месяцев назад: «Много говорят о творчестве скульптора Неизвестного. Мне хочется верить, что человек он честный и способный. Может, не следует, когда речь идёт об абстракционистах, все сводить к Неизвестному. Давайте посмотрим, как он выполнит своё обещание, покажет своим творчеством, как он служит народу. Мы всё-таки, видимо, виноваты в том, что вовремя не заметили некоторых нездоровых явлений в искусстве»[103]. Здесь можно усмотреть замаскированный упрёк в адрес Л. Ильичева.

Не менее важное значение для культурной атмосферы в стране, чем речи и доклады, имели и отдельные конкретные события. Так, например, в Ленинграде в июле 1963 года происходило Общеевропейское совещание по проблеме романа, организованное Европейским сообществом писателей совместно с Союзом писателей СССР. На это совещание прибыли многие крупные писатели и поэты из разных стран. Приглашены были, естественно, и наиболее известные наши писатели. Однако в Ленинград отказался приехать Илья Эренбург, который на недавних идеологических совещаниях подвергся довольно резкой критике, в особенности за защиту правомерности и ценности

абстракционизма в искусстве. Хрущёв лично позвонил Эренбургу и просил поехать в Ленинград. «Что это за европейское совещание писателей без Эренбурга? — сказал Хрущёв. Он фактически извинился перед Эренбургом за ряд резких высказываний. — Я погорячился, — сказал Хрущёв. — Не надо придавать этому большого значения. Вы же государственный человек. Вы должны поехать в Ленинград». И Эренбург изменил своё решение.

После окончания совещания наиболее видные его участники были приглашены на государственную дачу в Пицунде, где Хрущёв проводил свой отпуск. Здесь А. Твардовский прочёл для присутствующих поэму «Тёркин на том свете» в новой редакции. Созданная ещё в 1953 — 1954 годах, она нигде не публиковалась. Все смеялись и хвалили поэму. Обнимал и хвалил Твардовского Шолохов. Понравилась поэма и Хрущёву. Он сказал, что не видит никаких причин, почему бы поэма не могла быть опубликована. Зять Хрущёва, главный редактор «Известий» А. Аджубей, который также присутствовал на встрече с писателями, отправил поэму в Москву. 18 августа она была опубликована в «Известиях» с предисловием Аджубея, а вскоре появилась и в № 8 журнала «Новый мир». Это — острая сатира на бюрократизм, на широко раздутые штаты «номенклатуры», сталинские репрессии, культ личности…

Если проблемы литературы и искусства доставляли Хрущёву большие хлопоты и огорчения, то успехи в космосе являлись источником иных эмоций. Ещё в июне 1961 года, вскоре после полёта Ю. Гагарина, более ста учёных и конструкторов узнали о присуждении им звания Героя Социалистического Труда, семь человек получили это звание вторично. Их имена, однако, не были опубликованы в газетах. Семь тысяч человек награждались орденами и медалями. Количество награждённых свидетельствовало, насколько значительной отраслью науки и производства стала область космических исследований. В печати появилось сообщение о награждении Н. С. Хрущёва орденом Ленина и третьей медалью Героя Социалистического Труда «за заслуги по созданию ракетной промышленности, науки и техники и успешное осуществление полёта ракетного корабля „Восток“, открывшего новые страницы в освоении космоса».

Через несколько месяцев после Гагарина в космос отправился космонавт-2 Герман Титов, корабль которого пробыл в космосе 25 часов и 17 раз облетел вокруг Земли. В августе 1962 года состоялся первый групповой полет — на корабле «Восток-3» в космос поднялся А. Г. Николаев, а на корабле «Восток-4» П. Р. Попович. Их полет продолжался четверо суток. Успехи США в космосе оказались гораздо скромнее. И хотя Кеннеди

провозгласил американскую космическую программу «Аполлон», рассчитанную на то, что именно американцы первыми высадятся на поверхности Луны, американские газеты шутили, что, как только американские космонавты появятся на Луне, их встретит там невысокий, полный человек, который покажет американцам посевы особой лунной кукурузы. В ноябре 1962 года отправилась в сторону планеты Марс советская ракета «Марс-1». В июле 1963 года миру стали известны «космонавт-5» В. Ф. Быковский и «космонавт-6» Валентина Терешкова, первая женщина, совершившая космический полёт. Вскоре им пожимал руки на торжественной встрече в Москве Н. С. Хрущёв.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД У ВЛАСТИ

1. Уменьшение популярности и рост культа личности Хрущёва

Новый, 1964 год руководители партии и правительства встречали в Кремле вместе с большим числом приглашённых. Когда стрелка часов приблизилась к цифре «12», поднялся Хрущёв, чтобы произнести тост. «Это был хороший год, — сказал он, — дела у нас идут успешно. Но люди, естественно, хотят большего. И это будет сделано». Далеко не все из присутствовавших разделяли оптимизм Хрущёва.

Прирост продукции промышленности составил в 1963 году 8 %. Это было на 1 % ниже, чем в 1962 году, но на 3 % ниже среднегодового прироста в 1951 — 1960 годах. Ещё более настораживало ухудшение эффективности народного хозяйства. По подсчётам экономистов, в 1963 году на рубль основных производственных фондов производилось продукции на 15 копеек меньше, чем в 1958 году, что означало потерю продукции на 55 миллиардов рублей в целом по СССР. Во всех отраслях производства, кроме производства электроэнергии и металлообработки, эффективность производственных накоплений снизилась в 2 — 3 раза, что наблюдалось впервые за годы Советской власти. Хотя список дефицитных товаров был очень велик, промышленность выбрасывала на рынок громадное количество неходовых товаров. Так, например, швейных товаров скопилось на два года продажи вперёд, швейных машин — на год, часов — на два года, огромными оказались запасы нереализованных книг и фотоаппаратов. В то же время количество денег у населения возросло. Продолжало ухудшаться соотношение между производством средств производства (группа «А») и предметов потребления (группа «Б») — из-за невыполнения плановых заданий по товарам народного потребления. В лёгкой и пищевой промышленности работало 35 — 40 % рабочих и служащих страны, но сюда направлялось только 8 % капиталовложений. Неэффективной являлась и добывающая промышленность, в которой трудилось 20 % рабочих и служащих страны, она получала 30 % всех капиталовложений, но давала по стоимости только 7 % продукции промышленности. На один кубометр заготовленной древесины наша страна производила в 2 раза меньше продукции, чем США, в 5 раз меньше, чем ФРГ, и в 8 раз меньше, чем Швеция.

О плохом урожае 1963 года мы уже писали. Валовая продукция сельского хозяйства уменьшилась за год на 10, 7 %,

упав ниже уровня 1958 года. Поголовье свиней сократилось с 70 до 41 миллиона голов, на 1, 5 миллиона уменьшилось поголовье крупного рогатого скота, на 6 миллионов — овец.

Причиной неудачи явилась не только плохая погода, но и бесчисленные перестройки в структуре посевных площадей и культур. Там, где сохранили пары, собирали от 7 до 15 центнеров с гектара. Но на миллионах гектаров хлеб не убирали вовсе; в Сибирь пришлось завозить семена из других областей. Что касается целинных районов, то здесь на огромных площадях произошла экологическая катастрофа. В мае 1963 года сильные ветры, скорость которых достигала 35 — 40 метров в секунду, поднимали и уносили к предгорьям Саян миллионы тонн плодородной земли. До сих пор неизвестны данные о размерах повреждённой или уничтоженной в 1963 году пахотной земли. Имеются, однако, основания полагать, что речь идёт о миллионах гектарах. Можно напомнить один лишь факт: посевные площади в СССР, которые непрерывно возрастали с 1945 по 1963 год, неожиданно сократились в 1964 году на 6 миллионов гектаров.

В нашей стране не принято проводить опросы общественного мнения и следить за повышением или уменьшением популярности политических деятелей. Но если бы такие опросы производились, они показали бы падение популярности Хрущёва уже в 1962 году и усиление этого процесса в 1963-м. Причины для недовольства имелись почти у всех групп населения. Рабочим не нравилось уменьшение и ухудшение продовольственного снабжения, недостаток потребительских товаров, рост цен. У служащих с фиксированной зарплатой и пенсионеров по тем же причинам уменьшался реальный размер доходов. Крестьяне возражали против растущих посягательств на личные подсобные хозяйства и уменьшение доходов от труда в общественном хозяйстве. Кадровые офицеры без всякой радости узнавали о снижении их пенсий по старости и выслуге лет. Командный состав милиции был недоволен отменой надбавок к зарплате. Чиновники государственного и хозяйственного управления ощущали нестабильность своего положения в результате частых перестроек и реорганизаций. Кадровые партийные работники считали ошибочным как новый Устав КПСС с его принципом сменяемости кадров, так и разделение обкомов на промышленные и сельскохозяйственные и ликвидацию привычного районного звена партийного руководства. Номенклатурные работники во всех организациях были недовольны сокращением их привилегий. Как раз в начале 60-х годов по требованию Хрущёва значительно сократился список лиц, имевших право на пользование персональными государственными автомашинами.

Усиливающийся идеологический нажим и нелепая кампания против «абстракционизма» в живописи и «формализма» в музыке не способствовали росту популярности Хрущёва среди молодёжи и интеллигенции.

Хотя популярность Хрущёва у населения страны заметно уменьшилась, именно в 1962 — 1963 годах стала расти идеологическая агитационно-пропагандистская кампания по неумеренному его восхвалению. На смену развенчанному культу личности Сталина приходил культ личности Хрущёва. Везде можно было читать о «великом ленинце» и «великом борце за мир» Хрущёве, портрет Хрущёва открывал страницы букварей и школьных учебников и выделялся большими размерами в общей галерее портретов членов Президиума ЦК КПСС. Фотографии и портреты Хрущёва почти ежедневно появлялись в газетах, на экраны страны вышел фильм «Наш Никита Сергеевич». В сложившейся общественной атмосфере безудержные восхваления Хрущёва могли только повредить его репутации, однако сам он не предпринимал никаких шагов, чтобы остановить этот поток неумеренной лести.

Есть немало свидетельств того, что разговоры о желательности смещения Хрущёва стали происходить в узких кругах ЦК КПСС и Президиума ЦК ещё в начале 1964 года. Некоторые из слухов подобного рода доходили и до самого Хрущёва, который обратился как-то к Подгорному с вопросом: «Вы что там, задумали выступление против меня?» Подгорный решительно все отрицал, а Хрущёв не стал заниматься внимательно этой проблемой. Ещё недавно был удалён из руководства Ф. Р. Козлов, у которого после резкого разговора с Хрущёвым произошёл тяжёлый инсульт. Место Козлова в Президиуме ЦК занял Л. И. Брежнев, место Брежнева в Президиуме Верховного Совета СССР — А. И. Микоян. Почти все члены партийного и государственного руководства являлись людьми, которых выдвинул и поддержал Хрущёв. Поэтому Никита Сергеевич не рассматривал этих людей как своих политических соперников, он был уверен в их личной лояльности. Иногда он относился к ним даже с пренебрежением как к послушным исполнителям его указаний. Хрущёв отвык от возражений. Он привык также безоговорочно полагаться на поддержку членов ЦК КПСС, которые обеспечили ему победу на июньском Пленуме в 1957 году. Однако Хрущёв не сумел понять или почувствовать, что и в широких кругах партийного руководства отношение к нему значительно изменилось. Недовольство итогами и методами хрущёвского руководства распространилось теперь и на большинство секретарей обкомов

партии, председателей совнархозов и государственных комитетов, на верхушку армии, КГБ и МВД, которые как раз и составляли основную часть ЦК КПСС. В верхах партии складывалась совсем иная обстановка, чем в 1954 — 1956 годах.

В феврале 1964 года Н. С. Хрущёв собрал очередной Пленум ЦК, на котором министр сельского хозяйства СССР И. П. Воловченко сделал доклад об интенсификации сельского хозяйства на основе широкого применения удобрений, развития орошения и комплексной механизации. Кроме министров сельского хозяйства из республик на Пленуме выступил Т. Д. Лысенко, обеспокоенный тем, что Воловченко ничего не сказал в докладе о различных рекомендациях Лысенко. Это «упущение» исправил сам Хрущёв, который в своей большой речи активно поддержал все предложения Лысенко. «Учиться надо у таких учёных, как Лысенко!» — заявил Хрущёв.

На Пленуме было решено ввести для колхозников право на небольшую пенсию по старости. Такого права раньше у колхозников не имелось.

Февральский Пленум заслушал доклад М. А. Суслова о разногласиях между КПСС и КПК. Суслов подверг критике линию КПК и Мао Цзэдуна.

17 апреля 1964 года Н. С. Хрущёву исполнилось 70 лет, и юбилей этот торжественно отмечался в стране. Уже в 9 часов утра в дом, где Хрущёв жил с семьёй, пришли все члены Президиума ЦК, чтобы поздравить юбиляра и членов его семьи. Президиум Верховного Совета СССР присвоил Хрущёву звание Героя Советского Союза — за заслуги перед КПСС и Советским государством и «за исключительные заслуги в борьбе с гитлеровскими захватчиками». Печать опубликовала также приветствие Хрущёву от ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

Немного позже в Екатерининском зале Большого Кремлёвского Дворца состоялась церемония, на которой Хрущёву вручались знаки отличия Героя Советского Союза. В Москву прибыли главы правительств многих социалистических стран, которые также приветствовали Хрущёва и вручали ему высшие знаки отличия своих стран. В 4 часа дня в Георгиевском зале Кремля состоялись большой приём и обед, на котором присутствовали не только высшие руководители СССР и КПСС и главы социалистических стран, но и руководители дипломатических миссий, аккредитованных в Москве. Первым поднялся, чтобы произнести тост в честь юбиляра, А. И. Микоян. Почти все ораторы говорили о крепком здоровье Хрущёва и желали ему многих лет работы на благо партии и государства.

Поздравительные телеграммы пришли от глав правительств десятков стран и от отдельных государственных деятелей. Неожиданная телеграмма пришла из Пекина. В ней говорилось: «Хотя между нами существуют ныне разногласия по ряду вопросов марксизма-ленинизма и сложилась такая обстановка, когда отсутствует сплочённость, но мы твёрдо убеждены, что это лишь временное явление. В случае возникновения в мире серьёзных крупных событий КПК и КПСС, КНР и СССР и народы наших стран будут стоять плечом к плечу и совместно бороться против общего врага. Пусть империалисты и реакционеры содрогаются перед нашей сплочённостью».

К 70-летнему юбилею Хрущёва Политиздат выпустил в свет последний, 8-й том Собрания речей и документов Н. С. Хрущёва «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства».

Юбилейные торжества закончились в тот же день. Уже на следующее утро Хрущёв приступил к своей обычной работе.

2. Последние поездки по стране и за границу

В 1964 году около двух месяцев Хрущёв провёл в поездках по стране. Ещё в январе к нам прилетел Фидель Кастро, которого Хрущёв принимал с прежним радушием. Для гостя организовали зимнюю охоту в Подмосковье. После подписания соглашения о постоянных крупных закупках Советским Союзом кубинского сахара Хрущёв вместе с Кастро побывал в Киеве и других городах Украины. Кастро вскоре улетел на Кубу, а Хрущёв задержался в республике, посетил Киевскую ГЭС и ряд предприятий. В Киеве

Хрущёв принимал министра экономики и финансов Франции Жискар д'Эстена. Весной, после торжественного приёма в Москве первого президента Алжира А. Бен Беллы, Хрущёв посетил вместе с гостем Крым, где они осмотрели санатории и совхозы. В начале июня в Ленинграде Хрущёв встречался и И. Броз Тито. Вдвоём они осмотрели новые кварталы города и восстановленный Петродворец. Летом отовсюду поступали сообщения о хорошем урожае. 1 августа Хрущёв выехал в сельские районы Саратовской области, затем посетил колхозы и совхозы Волгоградской и Ростовской областей, Северной Осетии. В Татарии и Башкирии он знакомился главным образом с нефтепромыслами и химическими предприятиями. Отсюда Хрущёв вылетел на целину, где ещё только готовились к уборке. Осмотрев хозяйства Кустанайской и Целиноградской областей, он опять крупно поспорил с А. И. Бараевым, директором института в посёлке Шортанды, пропагандировавшим чистые пары. Хрущёв распорядился снять Бараева и назначить директором другого человека. После отъезда Хрущёва первый секретарь Целинного обкома партии Ф. С. Коломиец собрал бюро крайкома и проинформировал членов бюро о мнении Хрущёва. Член бюро и директор крупнейшего совхоза области Ф. Т. Могун выступил, однако, в защиту Бараева и рекомендуемой им системы земледелия. Большинство поддержало Могуна, и бюро обкома отклонило рекомендацию Хрущёва, сославшись на то, что того дезинформировали. Это был, вероятно, первый случай подобного рода, но и он свидетельствовал о падении и популярности, и власти Хрущёва. Хрущёв во время этой поездки был крайне раздражителен и резок. Один из его помощников и переводчиков В. М. Суходреев вспоминает: «Так получилось, что я сопровождал Хрущёва во время его последней поездки по целинным землям. Тогда инакомыслие в сельском хозяйстве состояло в защите чистых

паров, против чего Хрущёв решительно выступал. Мы находились в одном целинном совхозе, когда, проезжая вдоль поля, Хрущёв неожиданно увидел распаханную, но незасеянную землю. Он тут же велел остановиться и обрушился на женщину — директора совхоза. Выдержав первый заряд гнева, директор, пытаясь защититься, сказала, что только благодаря чистым парам их совхоз получает намного больше зерна, чем соседи. Её ответ прозвучал убедительно, но Хрущёв не слушал: „Я же сказал, запретить“. В разговор вступил министр заготовок, который поддержал директора и попытался доказать выгоду чистых паров, но Хрущёв и его грубо оборвал»[104].

18 августа, после посещения Иссык-Кульской долины в Киргизии, Хрущёв вернулся в Москву.

Немало времени провёл Хрущёв и в зарубежных поездках. Конец марта и начало апреля он находился в Венгрии, посещал предприятия, вузы, сельские хозяйства республики, подразделения советских войск. В мае состоялся продолжительный визит Н. С. Хрущёва в ОАР. Поводом для визита послужило перекрытие Нила и начало работы первой очереди Асуанской плотины, которая строилась по советскому проекту, с использованием советского оборудования и кредитов. На стройке плотины работали сотни советских инженеров, техников, квалифицированных рабочих.

Хрущёв и сопровождавшие его лица отплыли в ОАР на теплоходе «Армения» 6 мая из Ялты и 9 мая прибыли в Александрию. Г. — А. Насер устроил гостю торжественную встречу на всём пути от Александрии до Каира. В столице ОАР Хрущёв выступил с большой речью в Национальном собрании, а затем на большом митинге молодёжи. Он осмотрел сокровища Национального музея Египта и Музея исламских искусств. Разумеется, он выезжал в Гизу, чтобы осмотреть знаменитые египетские пирамиды. Только через несколько дней Хрущёв и Насер проследовали в район строительства Асуанской плотины, где уже находились главы многих других арабских государств. Хрущёв и Насер одновременно нажали кнопку, взорвав таким образом перемычку, отделявшую Нил от его нового русла. Первая очередь Асуанской плотины и ГЭС начали работать.

Вернувшись в Каир, Хрущёв вёл переговоры с Насером и его ближайшими сотрудниками. За заслуги в развитии советско-египетских отношений Хрущёв был удостоен высшей награды ОАР — ордена «Ожерелье Нила». По существующим традициям межгосударственных отношений Советское правительство должно было теперь наградить президента ОАР Г. — А. Насера. После визита в СССР императора Эфиопии Хайле Селассие, вручившего

Хрущёву высший орден Эфиопии, Никита Сергеевич поставил вопрос об учреждении специального ордена, которым можно было бы награждать не только руководителей социалистических стран, но и глав других государств. Хайле Селассие получил в конце концов орден Боевого Красного Знамени как участник войны против гитлеровской коалиции. Но вопрос о новом ордене так и не успели решить. Хрущёв спросил посла СССР в Египте, какая из советских наград соответствует ордену «Ожерелье Нила». Ему ответили, что только высшая награда страны. Хрущёв отправил шифрованную телеграмму в Москву с просьбой о присвоении Насеру звания Героя Советского Союза. О такой же награде он просил и для вице-президента ОАР маршала Амера Хотя в кругах Президиума ЦК это вызвало недовольство, соответствующий Указ приняли, и награды срочно отправили в Каир. Это было ошибкой Хрущёва. И Насер, и Амер в годы второй мировой войны по соображениям национального характера не только выступали против Англии, но считали возможным сотрудничать с гитлеровскими властями. В дипломатических отношениях между СССР и Египтом в 60-е годы этот факт можно было игнорировать, но казалось бестактным вручать Насеру и Амеру знаки Героев Советского Союза и ордена Ленина. К тому же в ОАР коммунистическая партия находилась в глубоком подполье, а многие коммунисты подвергались жестоким пыткам и истязаниям.

Вернувшись в Москву из Египта, Хрущёв уже через три недели предпринял 20-дневный визит в Скандинавию. Эта поездка откладывалась несколько лет, так как в ней не было особой государственной необходимости. Уровень отношений между СССР и Скандинавскими странами не оправдывал столь продолжительного визита, который не сопровождался к тому же ни проведением серьёзных переговоров, ни заключением важных соглашений. Тем не менее Хрущёв побывал в Дании, Норвегии и Швеции, знакомясь и с промышленностью, и с сельским хозяйством этих стран.

С 21 по 23 июля он совершил краткий визит в Польшу для участия в праздновании 20-летия Польской Народной Республики. Больше недели он провёл в Словакии, где отмечалось 20-летие Словацкого вооружённого восстания. В поездке по Словакии его сопровождал Первый секретарь ЦК компартии Словакии А. Дубчек.

В это же время началась подготовка визита Хрущёва в ФРГ. Несмотря на возражения В. Ульбрихта, Н. С. Хрущёв предполагал пойти на существенные изменения отношений между СССР и ФРГ. Но визит в Западную Германию не состоялся по не

зависящим от Хрущёва причинам.

3. Октябрьский Пленум ЦК КПСС

Конец лета и начало осени 1964 года были наполнены для Хрущёва обычной большой работой. Он принимал в Кремле политических деятелей и бизнесменов Запада, глав государств Индонезии, Индии и Египта, послов и журналистов. После возвращения из

Скандинавии и поездки в ЧССР Хрущёв начал готовить новую реформу в деле управления сельским хозяйством. Ему казалось целесообразным создать в стране снизу доверху специализированные управления по отраслям сельского хозяйства: «Главскотоводство», «Главптицеводство», «Главхлопководство», «Главсвекловодство» и т. д. Но теперь проект Хрущёва встретил возражения и в кругах Президиума ЦК, и среди секретарей обкомов, которым новая перестройка казалась ненужной и даже вредной при слабом развитии специализации в колхозах и универсальной взаимосвязи всех отраслей сельского хозяйства. Хрущёв настаивал на перестройке, он изложил свои предложения в пространной Записке. Предполагалось обсудить этот вопрос на Пленуме ЦК в ноябре.

В октябре Хрущёв решил отдохнуть на даче в Пицунде. Временами он чувствовал себя усталым, но в целом производил впечатление бодрого, здорового, полного замыслов человека. По дороге в Пицунду Хрущёв посетил несколько колхозов и совхозов, провёл совещание птицеводов в Крыму, беседовал с секретарями обкомов и райкомов на Кубани. На даче он следил за подготовкой полёта корабля «Восход» с тремя космонавтами на борту, а также принимал различных государственных деятелей.

Особенно напряжённым оказался день 12 октября. Впервые в истории три космонавта — В. Комаров, К. Феоктистов и Б. Егоров поднялись над Землёй в одном корабле. Хрущёву непрерывно звонили руководители полёта и сообщали о делах на космодроме. Когда космический корабль совершил третий виток, Хрущёв и отдыхавший здесь же Микоян связались по радиотелефону с космонавтами и поздравили их с успехом. А между тем в Кремле уже началось расширенное заседание Президиума ЦК КПСС, на котором Суслов и Шелепин поставили вопрос о немедленном смещении Хрущёва со всех постов.

Конечно, этот вопрос возник не в один день. Мы уже упоминали выше, что обсуждение вопроса о возможной замене Хрущёва происходило в кругах ЦК и Президиума ЦК ещё в первые месяцы 1964 года. Развитию этих настроений и обсуждений способствовал и тот факт, что за девять месяцев 1964 года

Хрущёв 135 дней провёл в поездках. Есть свидетельство о том, что более детальное обсуждение вопроса о Хрущёве было проведено группой членов Президиума и членов ЦК в сентябре, когда они проводили свой отпуск на юге. Приглашённые первым секретарём Ставропольского обкома Ф. Кулаковым для охоты в район озёр Маныч, они занимались не столько стрельбой и рыбной ловлей, сколько обменом мнений. Важную роль в подготовке смещения Хрущёва играл Н. Г. Игнатов. Он долгие годы работал секретарём ЦК КПСС, с 1957 по 1961 год входил в Президиум ЦК КПСС. У Хрущёва сложились с Игнатовым плохие отношения, и последний после XXII съезда партии потерял свой пост в Президиуме и Секретариате ЦК. В 1963 — 1964 годах Игнатов занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР. Он не пользовался на этом посту никаким влиянием, но мог беспрепятственно ездить по всей стране и помогать созданию антихрущевского блока[105]. После отъезда Хрущёва на юг подготовка к его смещению проходила уже в Москве. В центре событий находились, как можно было судить, М. А. Суслов и А. Н. Шелепин. Решающее значение имело согласие с ними второго секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и министра обороны СССР Р. Я. Малиновского. Это исключало возможность различного рода случайностей. Президиум ЦК собрался уже тогда, когда большинство членов Президиума и большинство членов ЦК КПСС высказались за смещение Хрущёва.

Утром 13 октября Хрущёв принял на своей даче министра Франции Г. Палевского. Франция стояла перед президентскими выборами, и Хрущёва занимал вопрос — выдвинет ли де Голль свою кандидатуру на следующий срок. Палевский, считавшийся близким другом де Голля, ответил уклончиво, но Хрущёв перебил его, заявив, что «настоящий политический деятель всегда борется до конца за свою власть». Хрущёв намеревался пригласить Палевского к обеду, но в это время Никиту Сергеевича позвали к телефону. Звонил Брежнев и передавал, что в Москве собрались члены ЦК и хотят провести Пленум с обсуждением предложений Хрущёва по сельскому хозяйству. Хрущёв выразил крайнее недовольство: «Это вопрос не срочный, к тому же я в отпуске, и вы могли бы подождать». Но Брежнев настаивал, к телефону подходил также и Р. Малиновский. Сопротивление Хрущёва оказалось сломленным только тогда, когда Брежнев сказал, что люди собрались и будут обсуждать намеченные вопросы без участия Хрущёва, если он не приедет. «Ладно, — сказал с раздражением Хрущёв, — присылайте самолёт».

Вместе с Хрущёвым в Москву вылетел и Микоян. На аэродроме в Москве Хрущёва встречал только председатель КГБ

В. Е. Семичастный. Для Хрущёва и Микояна стало очевидным, что на Пленуме ЦК речь будет идти отнюдь не о структуре управления сельским хозяйством.

На заседании Президиума ЦК КПСС присутствовало 22 человека. Кроме членов и кандидатов в члены Президиума здесь находились министры СССР А. Громыко и Р. Малиновский, несколько секретарей обкомов.

Председательствовал на заседании сам Хрущёв, никакой стенограммы не велось. Обсуждение было бурным, резким, откровенным, временами очень грубым. Хрущёв решительно отвергал обвинения в свой адрес, он сам обвинял присутствующих членов Президиума в совершенных ошибках. В защиту Хрущёва выступил один Микоян, который заявил, что деятельность Хрущёва — это большой политический капитал партии, она не вправе так легко его расточать. Но Микояна не поддержал никто из присутствующих. Было очевидно — в том числе и для Хрущёва, — что Пленум ЦК КПСС, который в июне 1957 года поддержал его и отверг решение Президиума, на этот раз окажется не на стороне Хрущёва. Всё же среди 330 членов и кандидатов в члены ЦК у Хрущёва мог оказаться не один десяток сторонников, и обсуждение на Пленуме могло бы быть не очень гладким, — и члены Президиума ЦК стремились этого избежать. Однако убедить Хрущёва «добровольно» уйти в отставку не удалось, и заседание, начавшееся 13 октября, пришлось прервать поздно ночью для отдыха. Все разошлись по домам, условившись возобновить заседание утром 14 октября. Однако ночью Хрущёв позвонил Микояну, который также не ложился спать: «Если они не хотят меня, то пусть так и будет. Я не буду больше возражать».

На следующий день заседание Президиума ЦК продолжалось не более полутора часов. Первым секретарём ЦК КПСС было рекомендовано избрать Л. И. Брежнева, Председателем Совета Министров СССР — А. Н. Косыгина.

По свидетельству Мишеля Татю, ещё 31 октября 1963 года, когда Хрущёв принимал лидера французских социалистов Ги Молле, последний спросил его о новом поколении советских лидеров, которые могли бы наследовать власть Хрущёва. В своём ответе Хрущёв на первое место поставил Л. И. Брежнева, которого очень хвалил. Затем он назвал А. Н. Косыгина, которого хвалил за компетентность. Хрущёв назвал также Н. В. Подгорного. Мы видим, что Никита Сергеевич весьма точно назвал своих преемников, хотя он и не подозревал, что все эти перемены произойдут так скоро[106].

Во второй половине дня 14 октября в Кремле открылся Пленум ЦК КПСС, члены которого заранее прибыли в Москву со

всех концов страны.

Заседание Пленума открыл Л. И. Брежнев. Председательствовал А. И. Микоян. Присутствовал на заседании и Хрущёв, который не проронил ни слова. Доклад на Пленуме сделал М. А. Суслов. В докладе не содержалось попытки проанализировать деятельность Хрущёва за 11 лет, подвести итоги или сделать выводы. Это был крайне поверхностный документ, в котором всё сводилось главным образом к перечислению личных недостатков или ошибок Хрущёва, причём наряду с серьёзными критическими замечаниями в докладе содержались и несущественные детали, мелкие придирки.

Суслов сказал, что Хрущёв допускал крупные ошибки в работе, в руководстве партией и правительством, принимал необдуманные, торопливые решения. В последние 2 — 3 года Хрущёв сосредоточил в своих руках всю полноту власти и стал ею злоупотреблять. Все достижения и успехи в стране он относил к личным заслугам, совершенно перестал считаться с членами Президиума, третировал их, оскорблял, не прислушивался к их мнению, постоянно поучал. Несмотря на неоднократность обращения к нему членов Президиума, он игнорировал их замечания.

В основном эти замечания были справедливыми. Но Хрущёв сосредоточил в своих руках всю полноту власти ещё 5 — 6 лет назад, и члены Президиума слишком мало обращались к нему с критическими замечаниями, а чаще поддакивали ему. Большую часть непродуманных и поспешных решений Хрущёв проводил всё же через Президиум и Пленум ЦК КПСС.

Как сказал Суслов, в печати все больше и больше писали о заслугах Хрущёва. За 1963 год в центральных газетах 120 раз помещался портрет Хрущёва, а за 9 месяцев 1964 года — 140 раз. Между тем даже портреты Сталина печатались 10 — 15 раз в год. Хрущёв окружил себя советниками из родственников и журналистов, к голосу которых он прислушивался больше, чем к голосу членов Президиума. Хрущёв часто ссылался на мнение своего сына Сергея и дочери Рады. Он втянул в политику всю семью. В печати и на радио его окружали подхалимы.

И здесь Суслов не договаривал по части самокритики. Портреты Сталина печатались в центральных газетах куда чаще, чем 10 — 15 раз в год. Хрущёв всё время ездил по стране, он более 40 раз побывал за границей, и все это, естественно, находило отражение в центральных газетах. Между тем Сталин почти никуда не выезжал из Москвы и Кремля. Суслов явно преувеличивал роль сына и дочери Хрущёва при решении серьёзных проблем. Практически они не имели никакого влияния

на отца при решениях государственных дел. Верно, что в прессе и идеологических органах партии имелось немало подхалимов. Но это были, как правило, члены ЦК, а не случайные люди. Среди подхалимов можно было бы назвать и часть членов Президиума ЦК, которых продвинул сюда сам Хрущёв.

Суслов сказал далее, что ЦК снял зятя Хрущёва А. Аджубея с должности главного редактора «Известий» как подхалима и безответственного человека. Сославшись на слова Громыко, он заявил, что Аджубей стал вторым министром иностранных дел, причём стремился решать дела на уровне глав правительств и дезориентировал послов. Суслов рассказал, что Аджубей, будучи в ФРГ, неосторожно отозвался об Ульбрихте, а это вызвало скандал с ГДР, который с трудом удалось уладить.

Высказывания Суслова об Аджубее в основном справедливы. Аджубей появился в семье Хрущёвых ещё в 40-е годы. Он был способным журналистом и хорошо редактировал «Комсомольскую правду», а затем и «Известия». Нет ничего предосудительного и в том, что Хрущёв использовал своего зятя для неофициальных контактов в западных странах. На XXII съезде КПСС А. Аджубей стал членом ЦК.

Суслов очень критически высказался далее о разделении партийного руководства по производственному принципу. Эта реформа внесла путаницу в работу и стала началом как бы двух партий — рабочей и крестьянской.

Мы уже писали об ошибочности данной реформы. Но в конце 1962 года она не встретила возражений на Пленуме ЦК КПСС, её одобрил и сам Суслов.

Далее он резко отозвался о недавних предложениях Хрущёва по созданию специализированных управлений в сельском хозяйстве. «Записку» Хрущёва по этому поводу Президиум ЦК отозвал и обсуждение её отложил.

Хрущёв, как сказал Суслов, возомнил себя специалистом во всех областях: в сельском хозяйстве, дипломатии, науке, искусстве, — и всех поучал. Многие материалы, подготовленные аппаратом ЦК, Хрущёв публиковал под своим именем.

В первой части этих упрёков Суслов, несомненно, прав. Хрущёв не страдал недостатком скромности; так, например, американскому кукурузоводу Р. Гарсту при посещении его фермы Хрущёв сделал ряд замечаний, с которыми Гарст не мог согласиться. Но второй упрёк Суслова несправедлив. Многие послания и заявления Хрущёва действительно готовил аппарат ЦК, но это его прямая обязанность, и в действиях Хрущёва не имелось ничего предосудительного. Тот же Суслов, выступая на съездах компартий Запада и Востока, произносил речи,

подготовленные для него аппаратом ЦК.

По свидетельству Суслова, рассылая членам Президиума «Записки», Хрущёв требовал письменных замечаний, отпуская для этого иногда лишь 45 — 50 минут. Никто из членов Президиума не мог составить за столь краткий срок письменных заключений, и заседания Президиума превращались в формальность.

Вероятно, такие случаи имели место, но как исключение. Хрущёв не мог лишить членов Президиума ЦК права голоса, хотя бывали такие ситуации, как, например, в дни Карибского кризиса, когда Хрущёв требовал от членов Президиума самого быстрого ответа на те или иные предложения. И если заседания Президиума ЦК становились формальностью, то ответственность за это лежала и на членах Президиума. Хрущёв действительно становился всё более капризен и нетерпим к критике, но возражать ему было не так опасно, как Сталину.

Суслов заявил, что Хрущёв так запутал управление промышленностью, создав госкомитеты, совнархозы СССР, ВСНХ СССР, что очень трудно все это распутать. Промышленность работает хуже, чем при прежних методах управления.

Этот упрёк Хрущёву, конечно, справедлив, хотя было бы неправильно делать одного Хрущёва ответственным и за плохую работу, и за плохое управление промышленностью.

Как сообщил Суслов, Хрущёв проводил неправильную политику в области ценообразования. Повышение цен на мясо, молочные продукты, некоторые промтовары ударило по материальному положению рабочих. Неправильную политику вёл Хрущёв и в отношении животноводства, в результате чего было вырезано много коров и стало поступать меньше мяса.

Суслов прав, обвиняя Хрущёва в ошибочной политике в области животноводства. Но если повышение цен на мясо и молочные продукты являлось ошибочным, то почему новые цены сохранились и после октябрьского Пленума? Почему повышение цен на многие промтовары происходило и в 60 — 70-е годы?

По свидетельству Суслова, Хрущёв был неосторожен в своих выступлениях. Так, например, в беседе с японскими парламентариями он заявил, что в СССР живут казахи, и в Китае, в Синьцзяне тоже есть казахи. И если среди них устроить референдум — хотят ли они остаться в Китае или отойти к СССР — и если они выскажутся за Советский Союз, то мы их присоединим. Суслов сказал, что эти слова были изъяты у нас прямо из типографского набора, а в Японии напечатаны, что вызвало протест со стороны Китая. Хотя разногласия с Китаем не снимаются, заявил Суслов, и мы будем обсуждать их на Совещании 26 компартий, тем не менее надо подчеркнуть, что на

позицию китайцев влияло и поведение Хрущёва, который третировал представителей этого государства, а Мао Цзэдуна назвал однажды «старой калошей». И это стало известно китайскому руководителю. Бестактно вёл себя Хрущёв и в отношении Албании.

В данном случае Суслов не сделал никакого открытия. И в частных беседах, и в разговорах с корреспондентами и бизнесменами, и при встречах с главами государств, и с трибуны Хрущёв говорил с излишней откровенностью. Мы приводили немало примеров таких высказываний.

Стенограммы бесед Хрущёва тщательно выправлялись и затем одновременно публиковались как в западной, так и в советской печати. Неясно, — почему это правило не соблюдалось при публикации бесед Хрущёва с японскими парламентариями. Хрущёв вполне мог назвать Мао Цзэдуна в каком-либо частном разговоре «старой калошей». Но как эта фраза стала известна Мао Цзэдуну? Не имелось ли в этих случаях намеренной утечки информации?

Суслов рассказал членам Пленума и о некоторых ошибочных решениях Хрущёва в области внешней торговли. Так, например, в рамках совместной договорённости Польша построила авиационный завод для производства самолётов АН-2, и Советский Союз должен был приобрести 500 таких самолётов. Но Хрущёв отказался от покупки, заявив, что мы можем делать такие самолёты дешевле. Мы заказали Финляндии финские домики, для производства которых там построили специальный завод. Но Хрущёв отказался покупать эти домики. По словам Суслова, за 10 лет работы Хрущёв не только ни разу не принял министра внешней торговли Патоличева, но ни разу ему не позвонил.

Трудно оценивать перечисленные решения Хрущёва, не зная их мотивов и резонов. Странно, что Хрущёв и Патоличев никогда не встречались. Во многих зарубежных поездках Хрущёва сопровождал заместитель министра внешней торговли, т. е. того же Патоличева. Вопросами внешней торговли занимался один из первых заместителей Хрущёва А. И. Микоян, к которому Хрущёв относился с полным доверием. Можно предположить, что и сам Патоличев не особенно стремился попасть на приём к Хрущёву, если мог решать все свои проблемы с Микояном.

Из примеров самоуправства Хрущёва Суслов остановился на эпизоде с Тимирязевской академией. Узнав, что там работают учёные, не согласные с его сельскохозяйственными рекомендациями, Хрущёв решил выселить академию из Москвы, а её факультеты расселить по глубинке в разных местах. При этом он говорил: «Нечего им пахать по асфальту» Академия же

насчитывает столетие своего существования в Москве. Суслов сказал, что члены Президиума ЦК не были согласны с Хрущёвым и под разными предлогами оттягивали переселение, создавая различные комиссии. Осуществлялся бюрократический саботаж. Когда, вернувшись из очередной поездки, Хрущёв узнал, что академия все ещё в Москве, то распорядился прекратить приём студентов: не было первого курса, потом второго. Многие видные учёные и преподаватели покинули академию. •

Эти обвинения совершенно справедливы. Если перевод министерств сельского хозяйства СССР и РСФСР на базу совхозов «Михайловское» и «Яхрома», расположенных в 100 — 120 километрах от Москвы, являлся явно ошибочным решением, то попытка разрушить Тимирязевскую академию могла служить примером нелепого самоуправства и самодурства.

Суслов подверг критике и многие из аспектов сельскохозяйственной политики Хрущёва. Выступая против чистых паров, Хрущёв снимал с работы директоров совхозов, которые оставляли в своих хозяйствах чистые пары, не считаясь с их доводами. Он хотел снять и секретаря ЦК КП Казахстана Кунаева, который защищал чистые пары. Хрущёв снял с поста министра сельского хозяйства Пысина, не дав никаких разъяснений на этот счёт членам Президиума ЦК. В последние годы он развернул ничем не оправданное наступление на приусадебные хозяйства колхозников. Он даже распорядился уменьшать и урезать приусадебные участки, что вызвало раздражение в деревне, так как отрезанные земли обычно ничем не засевались и зарастали бурьяном. Хрущёв защищал Лысенко, против которого выступали многие видные учёные. Он предложил Академии наук СССР открыть вакансию для избрания в академию друга Лысенко Н. Нуждина. На заседании Академии наук А. Д. Сахаров отвёл эту кандидатуру Лысенко выступил с грубой речью и позже сообщил об этом Никите Сергеевичу Хрущёв был разгневан и прямо заявил, что если Академия наук будет заниматься политикой, то «мы такую академию разгоним, нам она не нужна» Об этом стало известно в кругах академии.

Хрущёв осыпал упрёками Косыгина, когда тот интересовался положением зернового, хозяйства в Казахстане. Это расценивалось как вмешательство Косыгина в руководство сельским хозяйством, которое Хрущёв считал своей монополией. Во многих областях Хрущёв предлагал ликвидировать колхозы и создавать совхозы, мотивируя это нерентабельностью колхозов. Между тем, заявил Суслов, колхозы более рентабельны, чем совхозы.

Все эти замечания совершенно справедливы, и их список

можно было бы значительно продолжить. Во многих областях и районах личное хозяйство колхозников и рабочих совхозов деградировало до уровня 1953 года.

В своём докладе Суслов дал пояснения по поводу того, как было присвоено Насеру и Амеру звание Героя Советского Союза, возложив ответственность только на Хрущёва. Хрущёв, по словам Суслова, был слишком щедр и неразборчив в своих обещаниях другим странам. В Ираке мы помогали строить железные дороги на 600 километров, тогда как в СССР годовое строительство железных дорог не превышает 600 километров. В Индонезии, где царит нищета, СССР построил огромный стадион. Бельмом на глазу была последняя поездка Хрущёва в Скандинавские страны со всей семьёй — с детьми, внуками, — их было 12 человек. Сатюков взял с собой дочь. В западной печати сообщалось, что это семейный пикник. Не чем иным, как путешествием со свитой, это назвать было нельзя. И все за государственный счёт.

Мы уже писали о присвоении звания Героя Советского Союза Насеру и Амеру. Хрущёв действительно бывал слишком щедр. Он, правда, убеждал Сукарно построить в Индонезии более важный объект, чем стадион. Но Сукарно нравилось произносить на стадионах речи. В поездку по Скандинавии Хрущёв взял не 12, а 6 своих родственников, но это также можно считать предосудительным. Оплата поездки производится стороной, которая приглашает гостей, и в этом отношении Хрущёв явно злоупотреблял гостеприимством Скандинавских стран.

Я опускаю далее ряд мелких придирок и замечаний, которые вообще вряд ли следовало упоминать на Пленуме. В заключение Суслов поставил вопрос: можно ли было раньше призвать Хрущёва к порядку? Члены Президиума это делали, предупреждали Хрущёва, но кроме грубого отпора и оскорблений ничего от него не слышали, хотя репрессий в отношении членов Президиума он не предпринимал. С живым культом бороться труднее, чем с мёртвым. Если Сталин уничтожал физически, то Хрущёв подавлял морально. В конце доклада Суслов сказал, что смещение Хрущёва — проявление не слабости, а смелости и силы, и это должно послужить уроком на будущее.

Во время доклада Суслова члены ЦК нередко выкрикивали реплики, направленные против Хрущёва и свидетельствовавшие о накопившемся раздражении. Когда Суслов сказал, что дело шло к культу Хрущёва, из зала выкрикнули: «Он давно культ». Суслов сказал, что, судя по репликам, Пленум одобряет решение Президиума и поэтому нет необходимости открывать прения. Решение было принято единогласно в следующей формулировке: Н. С. Хрущёв освобождается от своих постов в связи с преклонным

возрастом и состоянием здоровья. Было принято ещё одно решение: не допускать впредь совмещения в одном лице должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Избранный Первым секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал в краткой речи, что незачем омрачать и без того тяжёлое положение. Он рекомендовал поэтому на партийных собраниях и совещаниях вопроса об освобождении Хрущёва подробно не обсуждать, а на собраниях беспартийных говорить лишь то, что будет опубликовано в газетах. Брежнев просил не торопить ЦК в принятии мер. Постепенно ЦК все выправит. В первую очередь будут объединены партийные органы в областях. Дальше будет проведено упорядочение структуры хозяйственного управления. Будет увеличен рыночный фонд на продукты питания, хороший урожай 1964 года позволяет это сделать. Будет перестроена система ценообразования и приняты меры к повышению материального уровня народа. Площадь посевов на целине будет сокращена.

Английский учёный, писатель и журналист Марк Френкланд писал в своей книге «Хрущёв» в 1965 году «Пленум ЦК проголосовал против Хрущёва, хотя, безусловно, он имел какую-то поддержку В некотором смысле это был его лучший час ещё 10 лет назад никто не мог предположить, что преемник Сталина может быть устранён таким простым и мягким методом, как простое голосование»[107]

Но то же самое сказал и сам Никита Сергеевич. Вернувшись вечером домой, в квартиру на Староконюшенном переулке Арбата, он бросил портфель в угол и сказал:

«Ну вот, теперь я в отставке. Может быть, самое главное из того, что я сделал, заключается в том, что они могли меня снять простым голосованием, тогда как Сталин велел бы их всех арестовать»

Эпилог. Н. С. Хрущёв на пенсии

На следующий день после Пленума ЦК Хрущёв уехал из Москвы на дачу, где собрались почти все его родственники. Ещё в 1953 году Никита Сергеевич поселился в большом и удобном доме вУсово. Но Хрущёву не нравился этот дом, и семья Хрущёва переехала на государственную дачу, которую прежде занимала семья Молотова. Это был большой, но плохо спроектированный дом.

В первые недели после отставки Хрущёв находился в состоянии шока.

В свои 70 лет он оставался человеком громадной энергии и железного здоровья. Он привык напряжённо трудиться по 14 16 часов в сутки. И вдруг, как всадник, несущийся на полном скаку, он был выброшен из седла своими же ещё недавно лояльными и послушными помощниками. Хрущёв не скрывал своей растерянности.

Недавно всесильный диктатор, он часами неподвижно сидел в кресле Иногда на его глазах можно было увидеть слезы. Когда в одной из московских школ директор спросил из любопытства: «Что делает Никита Сергеевич?» — мальчик ответил: «Дедушка плачет».

Но Хрущёв был слишком сильной личностью, чтобы долго пребывать в бездействии. Постепенно он стал читать газеты и журналы и узнавать о переменах, последовавших за его отставкой. Большую часть этих перемен он отказывался комментировать, например восстановление единых обкомов, отмену многих ограничений для приусадебных участков, позднее ликвидацию совнархозов и восстановление отраслевых министерств. Он никогда, даже с родными, ничего не говорил о своих преемниках — ни хорошего, ни дурного. В конце концов, если использовать американский политический жаргон, это была его собственная «команда».

В первые месяцы никто, кроме родных, не посещал Хрущёва.

Его падение было встречено в стране с удивительным спокойствием, во многих случаях даже с облегчением. Однако на Западе и в некоторых коммунистических партиях Хрущёв оставался популярной фигурой, и отдельные государственные деятели или лидеры партий, приезжая в Москву, выражали желание встретиться с Никитой Сергеевичем. Им говорили обычно, что Хрущёв болен, но это нельзя было повторять бесконечно. Надо было как-то решать вопрос о постоянном статусе для отставного премьера. Имелись разные проекты, но

Хрущёв отклонял их и отказывался встречаться с кем-либо из членов Политбюро. В первые дни и недели он разговаривал по телефону только с Микояном, но затем и эта связь прервалась.

В начале 1965 года семье Хрущёва предложили освободить бывшую дачу Молотова. Недалеко от посёлка Петрово-Дальнее (москвичи приезжают в этот район автобусом от станции метро «Сокол») Хрущёву отвели более скромную дачу, которую построил когда-то для своей семьи И. Акулов, видный деятель партии, друг М. И. Калинина, долгое время занимавший поёт Генерального прокурора: СССР. В годы сталинских репрессий Акулова расстреляли, и его дача с тех пор сменила многих хозяев. Конечно, она намного уступала всем прежним резиденциям Хрущёва. Но у неё имелось важное для Никиты Сергеевича достоинство — большой земельный участок.

Весь дачный посёлок в Петрово-Дальнем был окружён большим забором. Но в проходной дежурили пожилые вахтёрши, миновать которых не стоило большого труда. Каждая дача, однако, имела и свой забор. Поэтому при входе на дачу Хрущёва появилась ещё одна проходная. Для охраны экс-премьера было выделено небольшое подразделение войск МВД — КГБ. Несколько человек непрерывно дежурили у дома Хрущёва; охрана сопровождала его и во время прогулок по окрестным местам и лесу, где он собирал грибы. Хрущёв вёл с молодыми работниками охраны долгие разговоры, нередко лишь эти люди составляли круг его собеседников.

Хрущёву определили персональную пенсию в 400 рублей в месяц, что было не так уж много, учитывая его недавнее положение в стране. За Хрущёвым сохранялось право пользоваться медицинскими услугами Кремлёвской больницы и специальным пайком. В его распоряжении имелась машина — просторный старый ЗИЛ с частным номером. Кроме дачи, за семьёй Хрущёва сохранялась большая квартира на Арбате. Но он не любил этой квартиры. Приезжая по делам в Москву, за несколько лет ни одного раза не остался ночевать в своей городской квартире.

Хрущёв быстро перестал думать о возвращении к руководству и со временем все меньше сожалел об утраченной власти. Но он сожалел о некоторых своих действиях или, скорее, о бездействии во многих ситуациях. Он сожалел о том, что не довёл до конца дело партийных реабилитаций и не отменил приговоры по процессам 1936 — 1938 годов, а отправил в архив выводы специальных комиссий. Очень сожалел Хрущёв о громких идеологических кампаниях 1962 — 1963 годов против абстракционистов и во всём этом обвинял Ильичева. «Ему

(Ильичеву. — *Р. М.)* нужен был пропуск в Политбюро», — говорил Хрущёв. Вместе с родными на дачу приезжали иногда и художники, среди них и те, кого Хрущёв когда-то распекал в Манеже. Теперь Он подолгу и спокойно разговаривал с ними. Он был очень тронут, когда Эрнст Неизвестный прислал ему в подарок книгу Достоевского «Преступление и наказание» со своими оригинальными иллюстрациями.

Первые два года жизни в отставке были для Хрущёва наиболее трудными. Но позднее он привык к своему положению пенсионера и становился всё более общительным. Он стал чаще ездить в Москву и прогуливаться по её улицам в сопровождении жены и охраны, стал посещать концерты и спектакли в театрах. Так он с интересом посмотрел пьесу М. Шатрова «Большевики» в театре «Современник». Пьеса понравилась ему, и он выразил желание побеседовать с её автором и с режиссёром театра О. Ефремовым. Беседа состоялась в кабинете режиссёра. У Хрущёва имелось лишь одно замечание: заседание Совнаркома в Кремле происходит без участия таких лиц, как Каменев и Бухарин. «Мы хотели их реабилитировать, — сказал Хрущёв, — да вот Торез помешал».

Располагая досугом, Хрущёв стал много читать. У него имелась громадная личная библиотека, он мог получать в прошлом любые из выходивших в стране книг. Иногда Никита Сергеевич смотрел телевизор. Неожиданно для родных он стал слушать иностранные радиопередачи на русском языке. Часто по вечерам слушал «Голос Америки», «Би-би-си», «Немецкую волну», глушение которых не проводилось по его же инициативе. Из этих передач он узнавал о многих событиях в нашей стране и за границей и комментировал их. Искреннее негодование вызвали у него попытки реабилитировать Сталина, которые так настойчиво предпринимались во второй половине 60-х годов. Хрущёв неодобрительно отзывался о процессе Синявского и Даниэля и, напротив, с симпатией следил за первыми проявлениями движения диссидентов, которое на ранней стадии шло в русле протеста против частичной реабилитации Сталина. Об академике Сахарове Хрущёв говорил с симпатией, вспоминая свои встречи с ним и сожалея о резком конфликте 1964 года, связанном с вопросом о Лысенко. К разоблачению и падению Лысенко Хрущёв отнёсся спокойно и не пытался защитить этого лжеучёного. Сложным оказалось отношение Хрущёва к Солженицыну, о котором шло так много разговоров в 60-е годы. Только теперь он прочитал роман «В кругу первом». Роман не понравился Хрущёву, и Никита Сергеевич сказал, что никогда не позволил бы его напечатать. Здесь была граница, за которую он не способен был

перейти. Он стал более терпимым, но не превратился в сторонника плюрализма в культурной и политической жизни. Однако он не жалел, что помог несколько лет назад публикации повести «Один день Ивана Денисовича». «Может быть, я ненормальный, может быть, все мы ненормальные. Но ведь Твардовский не был ненормальным, а он не раз говорил, что эта повесть великое произведение и что Солженицын большой писатель». Хрущёв часто и с большим уважением говорил о Твардовском, просматривал все номера «Нового мира», читал в них повести и романы Ф. Абрамова, В. Тендрякова, Ч. Айтматова, Б. Можаева. Хрущёв любил поэзию Твардовского — она была ему понятна. Но Пастернака он понять не мог, хотя и жалел об ожесточённой кампании против Пастернака, поднятой в 1959 — 1960 годах. Часто перелистывая стихи поэта, Хрущёв бросал чтение: такая поэзия ему была чужда.

Узнав от родных о бегстве на Запад дочери Сталина, Светланы, Хрущёв не поверил этому. Он давно знал Светлану Аллилуеву, встречался с ней. Для Хрущёва казалось очень важным, что Светлана, в отличие от сына Сталина, Василия, публично поддержала решения XX и XXII съездов партии и выступила по этому поводу на одном из партийных собраний. «Она не могла бежать из СССР Вы не знаете, насколько она была предана коммунизму. Здесь какая-то провокация». Но, услышав по «Голосу Америки» подробности бегства Аллилуевой, Хрущёв был уязвлён и потрясён. Он долго не хотел ни с кем говорить об Аллилуевой.

Неодобрительно отзывался Хрущёв об интервенции советских войск в Чехословакии. «Можно было сделать как-то иначе, — говорил он. — Это большая ошибка». Рассуждая о событиях в Венгрии, Хрущёв доказывал, что в Венгрии всё происходило иначе. Венгрия была в годы войны противником СССР, там уже находились советские войска, и там действительно стала побеждать контрреволюция и начинали убивать коммунистов. А в Чехословакии коммунисты прочно держали власть в своих руках. Хрущёв часто хвалил Яноша Кадара, напоминая о том, что именно он, Хрущёв, одобрил выбор Кадара. С большим беспокойством следил

Хрущёв за перипетиями «культурной революции» в Китае и военными столкновениями на советско-китайской границе Он не доверял китайским лидерам и с неприязнью говорил о них. Но он одобрял первые шаги к разрядке с Западом, начатые в 1969 — 1970 годах.

Со временем Хрущёва стала обуревать жажда деятельности. Неожиданно для родных он увлёкся фотографированием.

Обеспечив себя фотопринадлежностями, он добился немалого мастерства в фотографии. Правда, он оставался очень ограничен в выборе объектов для фотографирования. Чаще всего это была сама природа: поле, ветки деревьев, цветы, птицы. Однако и теперь главным увлечением Хрущёва оставалось возделывание земли — сад и огород. С ранней весны и до поздней осени большую часть времени Никита Сергеевич проводил в заботах о своём небольшом хозяйстве. Он выписывал и доставал множество семян различных культур, в том числе и из южных районов. Конечно, были у него на участке и разные виды кукурузы. Гордостью Никиты Сергеевича стали помидоры. В 1967 году он сумел вырастить около 200 кустов помидоров особого сорта с плодами до килограмма весом. Хрущёв не ленился вставать ещё до восхода солнца — в 4 часа утра, чтобы полить эти чудо-помидоры. Большую часть их он не успел убрать, неожиданные ранние заморозки погубили урожай. Хрущёв тяжело переживал это стихийное бедствие. Он не мог жить без экспериментов. Так, например, он увлёкся гидропоникой. Заказав трубы нужного диаметра, Хрущёв, в прошлом опытный слесарь, несмотря на «преклонный возраст» и «состояние здоровья», сам гнул эти трубы и высверливал в них отверстия. Старательно приготовляя необходимые растворы, он пытался, часто не без успеха, получить урожай из посаженной в отверстия трубы рассады. Он с уверенностью говорил родным, что гидропоника — это завтрашний день сельского хозяйства. Однако вскоре убедился, что огурец или помидор, выращенный в трубе, обходится слишком дорого. На следующую весну родные не увидели в огороде знакомых труб. Простые грядки оказались всё же привычнее и лучше.

В первые годы Хрущёв страдал от одиночества, его навещали в Петрово-Дальнем только близкие родственники. Постепенно круг людей, с которыми встречался Хрущёв, стал расширяться. К нему приезжали некоторые из пенсионеров, знавшие Никиту Сергеевича ещё по работе на Украине. Дважды невестил Хрущёва поэт Евтушенко, несколько часов провёл в Петрово-Дальнем драматург Шатров, которому он сказал о своём желании написать мемуары. Шатров был очень удивлён при личном общении как простотой и здравым смыслом Хрущёва, так и незнанием некоторых элементарных фактов нашей истории и общественной жизни. Об этой встрече драматург недавно вспоминал: «У меня, — писал Шатров, — был разговор с Хрущёвым, когда он стал уже пенсионером союзного значения. Так вот, он мне сказал: „У меня руки по локоть в крови. Я делал всё, что делали другие. Но если бы предстоял выбор, делать этот доклад или не делать, я

бы обязательно пошёл к трибуне, потому что когда-то это всё должно кончиться“ Чувство покаяния, которое было у этого человека, дало возможность вести диалог. Как нам не хватает этого чувства!» (Речь идёт о докладе на XX съезде. — *Р. М.)*[108] .

Навестила Хрущёва приёмная дочь Луначарского Ирина Анатольевна. Именно Хрущёв разрешил открыть в Москве Квартирумузей Луначарского, о чём давно и бесплодно хлопотала семья наркома. Хрущёв мало знал Луначарского, принадлежавшего к другому поколению партийных руководителей, поэтому Никита Сергеевич долго и подробно расспрашивал Ирину Анатольевну.

Скучая, Хрущёв заводил долгие разговоры не только с работниками, своей охраны. В соседнем посёлке имелся дом отдыха, и Никита Сергеевич часто заходил на его территорию. Его сразу же окружали отдыхающие, и их беседы затягивались порой на несколько часов. Со сменой состава отдыхающих менялась и аудитория, так что директор санатория мог бы занести беседы с Хрущёвым в список регулярно проводимых мероприятий. Собеседники не стеснялись задавать Хрущёву и острые вопросы, но он был опытным полемистом. Во время своих прогулок Хрущёв заходил и на поля близлежащих колхозов и совхозов. Однажды он заметил небрежно и плохо возделанное поле. Он попросил позвать бригадира, который пришёл вскоре с председателем артели, и довольно резко, но справедливо начал ругать их за плохую агротехнику. Руководители колхоза сначала немного растерялись, но затем председатель колхоза, задетый, видимо, не столько резкостью, сколько справедливостью замечаний, грубо ответил, что Хрущёв, дескать, уже не глава правительства и нечего ему вмешиваться не в свои дела. Хрущёв долго переживал как большую неприятность этот эпизод. Однако в целом отношения Хрущёва с колхозниками и рабочими соседних деревень были хорошими. Однажды в соседнее село приехали крестьяне из другой области. Узнав, что рядом на даче живёт Хрущёв, подошли к забору. Сделав что-то вроде подставки, они заглянули через высокую ограду. Хрущёв в это время что-то делал на своём огороде. «Не забижают ли тебя здесь, Никита?» — спросил один из стариков. «Нет, нет», — ответил Хрущёв.

Хрущёв всегда принимал участие в голосовании по месту прописки. Участок, где он был зарегистрирован как избиратель, заполнялся в день выборов иностранными корреспондентами, которые приезжали посмотреть на Хрущёва и задать ему несколько вопросов. Но теперь он избегал пространных разговоров с корреспондентами и никогда не критиковал людей, сменивших его у кормила власти.

Некоторые из представителей московской интеллигенции иногда звонили Хрущёву по телефону, чтобы поздравить его с праздником или сообщить о каком-либо событии. Эти проявления внимания всегда радовали Хрущёва. Нередко звонил ему Пётр Якир, семья которого после реабилитации поддерживала дружеские отношения с семьёй Хрущёва. Никита Сергеевич вначале живо откликался на сообщения Якира — главным образом о попытках реабилитации Сталина. Но затем эти частые звонки стали вызывать у него недоумение и раздражение. «Чего он добивается? — сказал как-то Хрущёв. — Если он провокатор, то он ничего не получит от наших бесед. Я и так всегда говорю то, что думаю». Звонил однажды ему Лён Карпинский, сын видного партийного публициста и друга Ленина В. Карпинского. Это было в апреле, когда Хрущёву исполнилось 75 лет. Карпинский зашёл к своим друзьям в редакцию «Известий». Стал вспоминать о временах Хрущёва. «Давайте позвоним ему, — предложил Карпинский. — У меня есть его телефон. » К аппарату подошёл сам Никита Сергеевич. Лён представился ему, напомнив, что их когда-то знакомил редактор «Правды» Сатюков. «Мы воспитаны XX и XXII съездами партии, — сказал Карпинский. — И мы всегда будем помнить вашу роль в разоблачении Сталина и реабилитации его жертв. Я уверен, что именно эти события в конечном счёте будут определять значение нашей эпохи и вашей деятельности. И мы все тут собравшиеся желаем вам в день вашего рождения хорошего здоровья и долгих лет жизни».

Хрущёв был обрадован и растроган. Он сказал, что не помнит самого Лена Карпинского, но хорошо знал и часто слушал его отца. «Мне особенно приятно, что вы сказали от людей молодого поколения. И я желаю вам успеха». Вообще 75-летие Хрущёва не прошло незамеченным в западной прессе. Он получил из-за границы много телеграмм, в том числе от де Голля, английской королевы, от Яноша Кадара.

С годами Хрущёв стал более критически относиться к себе и своей деятельности. Он признавал немало своих ошибок. Но и здесь имелась граница. На многие упрёки он отвечал, что так должен был поступить коммунист и что он умрёт как коммунист. Представление о том, каким должен быть настоящий коммунист, сложилось у него в 20-е годы. Но некоторые упрёки Хрущёв воспринимал болезненно. Он очень нервничал, если читал или слышал, что он, Хрущёв, является антисемитом. Он утверждал обратное, ссылался на дружбу с евреями, работавшими в его администрации. Он говорил, что некоторые руководящие работники ЦК, воспитанные ещё при Сталине, самовольными действиями вредили репутации Хрущёва. Конечно, Никита

Сергеевич невольно приукрашивал свою деятельность, но именно он решительно вскрыл многие преступления сталинской национальной политики.

В 1967 году у Хрущёва произошёл первый После отставки конфликт с властями. Во Франции был показан небольшой телевизионный фильм о том, как Хрущёв проводит своё время на пенсии. Это вызвало недовольство в кругах ЦК. Была заменена охрана дачи, а её прежние работники понесли наказание за недостаток «бдительности». Хрущёва пригласил к себе член Политбюро и секретарь ЦК КПСС А. Кириленко. В прошлом секретарь Николаевского обкома партии, Кириленко был обязан своим выдвижением именно Хрущёву. Никита Сергеевич рекомендовал его на пост первого секретаря Свердловского обкома партии, а через несколько лет — на пост секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК. И вот теперь Кириленко начал грубо выговаривать Хрущёву, заявляя при этом — «вы ещё слишком хорошо живёте». «Ну что ж, — ответил Хрущёв, — вы можете отобрать у меня дачу и пенсию. Я могу пойти по стране с протянутой рукой. И ведь мне-то подадут. А вот тебе не подадут, если ты пойдёшь когда-либо тоже с протянутой рукой».

60-е годы были десятилетием мемуаров. Писали мемуары не только маршалы и генералы. Писали мемуары бывшие министры, конструкторы, учёные, деятели искусств. Работали над мемуарами Молотов, Каганович, Поскребышев, Микоян. Хрущёв с интересом читал изданные в СССР воспоминания, иногда критиковал и поправлял авторов. Огорчили его изданные в 1969 году мемуары Г. К. Жукова. Жуков стал командующим Киевским военным округом, когда Хрущёв возглавлял партийную организацию республики. Но Георгий Константинович ничего не писал о встречах с Никитой Сергеевичем, ограничившись упоминанием, что как глава округа он «счёл своей обязанностью представиться секретарям ЦК КП Украины… и встретил самое доброжелательное отношение». Маршал не пишет о роли Хрущёва в боях под Сталинградом, на Курской дуге, в освобождении Киева. Но имя Хрущёва встречается в книге Жукова в таком, например, эпизоде. Представитель Ставки Жуков прибывает в только что освобождённый Киев. «Изрядно проголодавшись, — повествует Жуков, — я зашёл к Хрущёву, зная, что у него можно было неплохо подкрепиться»[109].

Ничего не писали о Хрущёве и авторы других мемуаров, опубликованных после 1964 года, хотя они стали много и охотно писать о своих встречах и беседах со Сталиным. Если же речь шла о Хрущёве, то он превращался в анонимного «секретаря ЦК». Все это лишний раз укрепляло Никиту Сергеевича в мысли о

написании собственных мемуаров. Это желание становилось всё сильней. Хрущёв не любил писать лично — привык диктовать. Поэтому он обратился в ЦК с просьбой выделить для него машинистку-стенографистку. Просьбу Хрущёва рассмотрели и отклонили, но он был не из тех людей, которые отступают в подобных обстоятельствах, и начал диктовать воспоминания. Это — первые наброски, черновики, записи, которые велись без определённого плана и без заботы о литературной форме. Работа становилась, однако, все более интенсивной, она увлекала Хрущёва. Наговорённый текст перепечатывался на бумагу специально нанятой машинисткой, записи редактировались, приводились в порядок, располагались в соответствии с хронологией и снова перепечатывались. Хотя Хрущёв наговорил на плёнку около 180 часов, это было лишь начало. И вдруг — сенсация: в США выходит в свет первый том мемуаров Хрущёва. Через несколько лет там издаётся и второй том. Из объяснений издателя стало ясно, что он получил в своё распоряжение не отредактированную рукопись, а неотредактированную плёнку с голосом самого Хрущёва. Каким образом эта плёнка попала за границу, если первоначальная запись продолжала храниться в семье Хрущёва? Значит, имелась и вторая запись, вторая плёнка. Но кто её делал и где? На даче у Хрущёва или в квартире машинистки? Эти вопросы до сих пор остаются без ответа. Во всяком случае, публикация первого тома явилась неожиданностью и для самого Хрущёва. Публикация была объявлена фальшивкой. Хрущёва вызвали в ЦК КПСС к Председателю Комитета партийного контроля и члену Политбюро Аренду Пельше. Разговор оказался трудным. Хрущёв здесь же написал краткое заявление, которое на следующий день появилось в газетах. Впервые с осени 1964 года в печати появилось имя Хрущёва. Никита Сергеевич решительно отрицал, будто он передавал какому-либо издательству свои мемуары, и осуждал их публикацию. Однако в заявлении Хрущёва не отрицался сам факт существования мемуаров. Позднее он попросил сделать для себя обратный перевод появившихся на Западе мемуаров и убедился, что речь идёт именно о его воспоминаниях. Но он не догадывался (или, может быть, хорошо догадывался) — каким образом все эти черновики попали на Запад.

Ещё летом 1970 года у Хрущёва произошёл первый сердечный приступ, и он на несколько недель попал в больницу. Осенью начались волнения по поводу мемуаров. Очевидцы рассказывали, что Никита Сергеевич выходил из кабинета Пельше, держась за грудь. Здоровье его пошатнулось, и он уже не

возобновлял работы над воспоминаниями. Все меньше работал он и на своём огороде. В начале сентября 1971 года Никита Сергеевич навестил дочь Раду и зятя Аджубея, их дача находилась в районе города Звёздный. Вместе с садовником (и охраной) Хрущёв пошёл в лес. Он хотел собрать грибы, но быстро устал. Потом ему стало плохо, он попросил садовника принести с дачи раскладной стул и долго сидел в лесу. Вскоре уехал в свой дом в Петрово-Дальнем. Сердечный приступ не проходил, и родные по настоянию врачей положили Никиту Сергеевича в больницу. На следующий день он скончался. Это произошло днём 11 сентября 1971 года. Хрущёву шёл 78-й год.

Первые слухи о смерти Хрущёва стали распространяться ещё в те годы, когда он находился у власти. Однажды сообщение о его смерти было опубликовано в нескольких газетах. На следующий день Никита Сергеевич провёл небольшую пресс-конференцию и шутя сказал: «Когда я умру, я сам сообщу об этом иностранным корреспондентам». Однако теперь ни жена, ни дети не смогли сразу сообщить друзьям о его кончине. Иностранные корреспонденты узнали об этом от Виктора Луи, человека, пользовавшегося репутацией наиболее близкого властям журналиста. Советские люди ничего не узнали о смерти Хрущёва ни вечером 11 сентября, ни в течение дня 12 сентября. Лишь утром 13 сентября, в день похорон, в «Правде» появилось краткое сообщение:

«Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с прискорбием извещают, что 11 сентября 1971 года после тяжёлой, продолжительной болезни на 78 году жизни скончался бывший Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров» СССР, персональный пенсионер Никита Сергеевич Хрущёв».

Некролога не было, не сообщалось также о месте и времени похорон.

Конечно, от родных и близких Хрущёва многие в Москве узнали о его смерти ещё до получения газет. Стало известно, что похороны состоятся в 12 часов дня на Новодевичьем кладбище. Уже с раннего утра стали подходить люди, чтобы принять участие в церемонии похорон. Преобладали пожилые люди, но много было и молодых. Я подошёл к Новодевичьему монастырю в 10 часов. Среди собравшихся встретил немало знакомых мне старых большевиков, вернувшихся в Москву из лагерей после XX съезда партии. Однако ещё раньше на всех подходах к кладбищу появились усиленные наряды милиции и людей в штатском, монастырь и кладбище были оцеплены войсками внутренней охраны. Никого не пропускали. На воротах кладбища висела большая надпись: «Санитарный день». Мимо кладбища проходила

линия троллейбуса, причём остановка была как раз напротив ворот. Но теперь троллейбусы проходили мимо ворот без остановки, высаживая пассажиров за железнодорожной насыпью у Лужников. Часов в одиннадцать к оцеплению стали подходить иностранные корреспонденты, которых пропускали по удостоверениям. Около половины двенадцатого в оцеплении раздались команды, и милиция быстро освободила от людей проезжую часть улицы. Показалось несколько мотоциклистов, но не со стороны Погодинской или Пироговской улиц, а снизу, со стороны набережной. Московские набережные всегда малолюдны, и маршрут траурного кортежа был определён так, чтобы не привлекать внимания. За мотоциклистами довольно быстро двигался грузовик с венками, а за ним на такой же скорости автокатафалк. Следом одна за другой шли 25 — 30 легковых машин разных марок. Ничто в этом быстром движении не походило на траурную процессию.

Конечно, все журналисты, оказавшиеся на похоронах, описали это событие в своих репортажах. Корреспондент «Вашингтон пост» Роберт Кайзер, например, писал: «Я присутствовал на похоронах Хрущёва. КГБ постарался, чтобы простых граждан не допускали к Новодевичьему в тот сырой и серый осенний день. Были только переодетые агенты, иностранные журналисты, родственники и несколько близких друзей. Из новых правителей не пришёл никто, но ЦК и Совет Министров сообща прислали большой венок. Прислал венок и Анастас Микоян, тихо живущий в почётной отставке. Преемники Хрущёва явно хотели, чтобы проводы его из этого мира прошли как можно незаметнее.

Однако некоторый драматизм в событие удалось внести 36-летнему сыну Хрущёва Сергею. Вскоре после того, как открытый гроб установили на платформе возле могилы, Сергей поднялся на кучу вырытой земли и обратился к толпе с речью. Мы все стояли неподалёку в узких проходах между соседними могилами.

«Мы просто хотим сказать несколько слов о человеке, которого хороним сейчас и которого оплакиваем, — начал он. Потом замолк на минуту, собираясь с силами. Губы его дрогнули. — Небо плачет вместе с нами, — сказал он: закапал мелкий дождь. — Я не буду говорить о великом государственном деятеле. В последние дни газеты всего мира уже высказывались об этом. Я не буду оценивать вклад, который внёс Никита Сергеевич, мой отец. Я не имею права на это. Это дело истории… Единственное, что я могу сказать, что он никого не оставил равнодушным. Есть люди, которые любят его, есть и такие, которые его ненавидят. Но никто не мог пройти мимо него, не

обернувшись… От нас ушёл человек, имевший полное право называться человеком. К сожалению, настоящих людей среди нас немного… »

Потом провожающим дали возможность пройти мимо гроба. Маленький оркестр играл траурные марши. Хрущёв покоился на алом атласе, одетый в чёрный костюм и белую рубашку с черным галстуком. Губы его были непривычно поджаты, на лицо лёг восковой налёт, но знаменитый профиль оставался неизменным. Кто-то держал над его изголовьем зонт, продолжал лить дождь.

Когда все, кто хотел, прошли мимо гроба, плачущая жена Хрущёва коснулась рукой лба своего мёртвого мужа. Остальные родственники сделали то же самое. Затем рабочие закрыли гроб и заколотили его. Над могилой стоял человек с красной подушечкой в руках, к которой были приколоты все 27 наград Хрущёва, в том числе и самые высшие. Гроб опустили в могилу»[110].

Примерно в это время с группой старых большевиков на кладбище пропустили историка А. М. Некрича. В своих мемуарах он пишет: «Спешным шагом устремляюсь к месту похорон. В этот момент гроб с телом Хрущёва спускают в могилу. Оркестр заиграл гимн. Четверо здоровенных могильщиков быстро начали засыпать могилу, а затем сооружать погребальный холм. Я огляделся. Со всех сторон щёлкают фотоаппараты и жужжат камеры корреспондентов. Их было довольно много. Наверное, несколько десятков. На могилу кладут венки, засыпают холм цветами. Могильщики укрепляют мраморную, белого цвета плиту. На ней золотыми буквами выведена лаконичная надпись: „Хрущёв Никита Сергеевич. 1894 — 1971“. Чуть повыше водружается портрет покойного в застеклённой рамке…

Ближайшие родственники Хрущёва сгрудились возле могилы. Мелькнуло измученное, выплаканное лицо Нины Петровны. Сжавшаяся в комок Рада Никитична, статная молодая женщина с красивым лицом, которую поддерживает подполковник авиации. Широкая фигура Аджубея. Какое у него одутловатое лицо, будто равнодушное!

… Я увидел своего друга и пробираюсь к нему. Он стоит большой и печальный. Как-то пенсионер Хрущёв приглашал его приехать, но он не приехал. Сейчас сожалеет, наверное, об этом. Трогаю его за плечо. Вокруг очень много сотрудников государственной безопасности. Все в штатском. По манере держаться, по покрою костюмов отличаю довольно высокопоставленных лиц из этого ведомства. Но почему их так много? Почему так много милицейских и солдат внутренней охраны, скрытых под брезентовыми крышами военных

грузовиков? Почему «санитарный день»? Зачем Новодевичье кладбище, а не Кремлёвская стена? Какая ирония судьбы! Никита Хрущёв будет покоиться среди артистов, поэтов, академиков — словом, среди интеллигенции, интеллигентов, к которым он часто бывал несправедлив, но лишь одни они поминают его сегодня добрым словом. А тот, другой, и после своей смерти будет находиться вместе со своими соратниками у стен Кремля… »[111] Следует привести ещё одно воспоминание — Эрнста Неизвестного. Он позднее писал: «После похорон Хрущёва ко мне приехали сразу два человека — это был сын Хрущёва Сергей, с которым я до этого не был знаком, и сын Микояна, тоже Сергей, с которым я дружил и который поддерживал меня в самые трудные дни. Они вошли, осмотрелись и долго мялись. Я сказал: „Я знаю, зачем вы пришли, говорите“. Они сказали: „Да, вы догадались, мы хотим поручить вам сделать надгробие“. Я сказал: „Хорошо, я соглашаюсь, только ставлю условие, что я буду делать, как считаю нужным“. На что Сергей Хрущёв ответил: „Это естественно“. — „Я считаю, что художник не может быть злее политика и поэтому соглашаюсь. Вот мои аргументы. А какие у вас аргументы: почему это должен делать я?“ На что Сергей Хрущёв сказал: „Это завещание моего отца“ Позже мы к этой теме не возвращались. Но то, что Хрущёв завещал, чтобы памятник делал именно я, было подтверждено польской коммунисткой во время его открытия. Она подошла ко мне и сказала: „Никита Сергеевич не ошибся, когда завещал вам сделать это надгробие“. Это же подтвердила и Нина Петровна Хрущёва.

Открытие памятника происходило под дождём в одну из годовщин смерти Хрущёва. Были все члены его семьи и корреспонденты, была охрана. Никого не пускали на кладбище. Приехал Евтушенко, который пытался быть в центре внимания. Никто не произносил речей. И когда все члены семьи повернулись и ушли, потому что им не нравилось, что Евтушенко произносит речи, когда они молчат, — я с Сергеем и пятью своими друзьями поехал на квартиру к Сергею Хрущёву. Он достал бутылку коньяка, какого-то столетнего коньяка, который подарил Хрущёву де Голль, и сказал: «Вот мой отец никогда не решался выпить этот дорогой коньяк. Сейчас мы выпьем его сами». И мы распили эту бутылку коньяка»[112].

В день своего 70-летия, после вручения ему знаков Героя Советского Союза, Н. С. Хрущёв выступил с краткой речью, в которой сказал: «Смерть для некоторых политических деятелей иногда наступает раньше их физической смерти»[113]

Он не подозревал, что скоро это произойдёт и с ним самим.

Хрущёв потерял свою популярность ещё в последние годы

власти. И в годы его вынужденной отставки не было в стране ни одной общественной группы, которая хотела бы возвращения Хрущёва. В эти годы он, в сущности, перестал существовать как политически значимая фигура. Однако в последние 10 — 15 лет интерес к личности и политической деятельности Хрущёва непрерывно растёт.

Конечно, Хрущёв был политическим деятелем и человеком, о котором разные люди могут судить и судят по-разному. Посол США в Москве Ч. Болен, много раз встречавшийся с Хрущёвым, писал: «Никита Сергеевич Хрущёв был рождён и вскормлен партией большевиков. Крестьянин в сущности, он не был философом-идеологом, хотя и был искусным спорщиком. Он ничего не прибавил к основам коммунистической доктрины, кроме некоторых прагматических отклонений, исходящих из понимания того, что ядерное оружие сделало военное разрешение конфликта немыслимым, неважно идёт ли речь о конфликтах межнациональных или революционных. Он принимал все основные принципы марксизма-ленинизма… Но сверх того у него была гениальная способность чувствовать свою страну и свой народ… Хрущёв был импульсивным человеком, что сочеталось в нём с неистовой энергией, и это делало его привлекательным, но часто вело к печальным последствиям… »[114] В очерке «Последний романтик» советский публицист и учёный А. Стреляный писал: «Хрущёв был из породы людей, как бы созданных чрезвычайными положениями и для чрезвычайных положений, когда надо все мобилизовать на что-то одно. Это люди для свершения крупных разовых дел, решения отдельных проблем авральными методами. Все оставить, все забыть, на все махнуть рукой, ничего не считать, не мерять — навалиться всем миром на одну сторону и вытащить её… Этому рабочему-революционеру с его малым набором самых грубых, но алмазно-твёрдых понятий о том, что такое социализм, ни в какой мере не дано было проникнуться тем спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперёд, к которому призывал под конец Ленин. Хрущёву мог бы помочь народный здравый смысл, которого ему не надо было занимать для дел, далёких от идеологии и политики. Но в том-то и суть, что далёких. Он не был бы тогда революционером, оторванным от жизни так, как только и может быть оторван человек, выросший в идейной атмосфере, где линии и платформы важнее лиц и фактов. Разве мог человек иного типа и биографии из одного почтения к теории взяться вдруг „всемерно развивать совхозную систему, так как она имеет более совершенные формы социалистической организации труда“, преобразовать десятки

тысяч колхозов, имевших хоть чуточку свободы, в совершенно бесправные совхозы, чтобы через несколько лет удивляться и гневаться: почему они убыточны, почему никак не окупаются затраты на превращение их из низшей формы в высшую? Как он торопил, как торопился! Всё должно делаться быстро, по-солдатски, по-боевому. Среди его понятий не было понятия о постепенном накоплении количества в качество: средств, опыта, знаний, он не признавал никакой эволюции, признавал только революцию, только скачки и переломы, гнал и гнал „нынешнее поколение советских людей“ жить при коммунизме. Для него нет обыденности, все чрезвычайное — чрезвычайная историческая обстановка, чрезвычайные возможности»[115]

«Над Хрущёвым смеялись, — пишет мне житель г. Калуги С. Потапов, — его ругали, но в глазах подавляющего большинства простых людей он не был посмешищем, и они не испытывали к нему неприязни, а тем более ненависти. И самое главное — его не боялись и он не боялся. Казалось, вся страна после Сталина на века пронизана ледяным ветром страха, а вот не боялись. В нём видели своего народного руководителя, хотя и с причудами, но своего!

Недаром кое-где говорили о Хрущёве — «народный царь»[116]. Один из наиболее влиятельных итальянских политиков Дж. Андреотти писал после своей третьей встречи с М. С. Горбачёвым в 1987 году: «Перед отлётом в Рим я посетил кладбище, где похоронен Никита Хрущёв. Я не был лично знаком с этим неординарным деятелем, вошедшим в историю как благодаря грубой выходке с ботинком в ООН, так и мужеству, с которым он отмежевался от политики репрессий в прошлом. Могла ли взойти звезда Михаила Горбачёва без XX съезда КПСС?»[117]

И действительно, сегодня и в СССР, и во все мире растёт понимание непреходящего значения того коренного поворота в политике КПСС, Советского Союза и всего коммунистического движения, которое связано с именем, деятельностью и личностью Хрущёва. Мы начинаем убеждаться в том, что при всех своих недостатках Н. С. Хрущёв оказался единственным человеком в окружении Сталина, способным произвести этот поворот. Мы много писали выше об ошибках Хрущёва, но также и о его заслугах. Только тот факт, что в годы его власти было реабилитировано, пусть в большинстве случаев посмертно, около 20. миллионов человек, лишь этот факт перевесит все недостатки и ошибки Хрущёва. Справедливо заметил в своей работе о Хрущёве один из западных исследователей Марк Френкланд: «Правление Хрущёва достойно эпитафии, которую заслужили очень немногие политики: как в глазах своего народа, так и в

глазах всего мира он оставил свою страну в лучшем состоянии, чем он её застал»[118]

«За неуспехом реформ 50 — 60-х годов последовал продолжительный период „застоя“, — писали недавно учёные Ю. Левада и В. Шейнис. — И всё-таки… Главным результатом бурного и противоречивого десятилетия, без сомнения, была невозможность, немыслимость возврата к сталинизму, по крайней мере в его прежних, „классических“, формах. Но и это неполный итог. Ведь именно в те годы были брошены в землю семена нового социального и политического мышления. Развеяно немало иллюзий. В общественную жизнь вошло поколение, не знавшее тотального страха, способное учиться понимать собственное общество и перестраивать его. Через два десятилетия эти семена дали всходы»[119]. В Москве есть несколько могил, которые чаще других посещаются советскими людьми. Каждый день приносят венки и букеты цветов к Мавзолею Ленина, к могиле Неизвестного солдата. Почти ежедневно можно видеть цветы на могиле Сталина у Кремлёвской стены, но их привозят чаще всего с Кавказа. И почти каждый день появляются букеты цветов у прекрасного надгробья на могиле Хрущёва на Новодевичьем кладбище.

Сентябрь 1980 — март 1988

notes

Примечания

1

Правда. 1962. 19 мая.

2

Там же. 13 дек.

3

Правда. 1959. 22 сент.

4

Правда. 1959 22 мая

5

Сын Леонид стал лётчиком. Он погиб в годы Отечественной войны. Дочь Юлия стала учителем, но почти не работала из-за болезней. Была замужем за директором одного из киевских театров. Скончалась в июле 1981 года. Детей у неё не было. Место гибели Леонида не обнаружено. Дочь Юлия похоронена рядом с отцом.

Правда. 1959. 22 сент.

7

Рассказ о почётном шахтёре. Н. С. Хрущёв в Донбассе. Сталине, 1961. С. 56.

Известия. 1963. 26 апр.

9

Дочь Рада Никитична стала журналисткой. На протяжении почти 30 лет она работает заместителем главного редактора популярного журнала «Наука и жизнь». Сын Сергей Никитич стал инженером, известным специалистом в своей области. Дочь Елена тяжело болела всю жизнь, работала в Институте истории естествознания и техники. Умерла вскоре после отца, и похоронена рядом с ним. Здесь же похоронена и Нина Петровна, которая скончалась в августе 1984 года. Она умерла в возрасте 83 лет.

10

Свидетельство А. В. Снегова, персонального пенсионера.

11

См.: Правда. 1930, 26, 29, 31 мая. Вероятно, это было первое упоминание о Н. С. Хрущёве в центральной печати.

12

Хрущёв Н. С. Воспоминания: Избр. отрывки. Нью-Йорк, 1979. С. 207. (На рус. яз. Текст по магнитофонной записи.)

13

Рабочая Москва. 1935, 9 марта.

14

Хрущёв Н. С. Воспоминания. Бостон; Торонто, 1974. Т 2. С. 549.

15

Кольман Арншот (Эрнест). Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982. С. 194.

16

Оскар Мария. Путешествие в СССР, 1934. Дармштадт, 1974. С. 341.

17

Хрущёв Н. С. Воспоминания. Нью-Йорк, 1981. Кн. 2. С. 7 — 8. (На рус. яз.)

18

Рабочая Москва. 1937, 17 марта.

19

Рабочая Москва. 8 июня.

20

20 Хрущёв Н. С. Воспоминания: Избранные отрывки. С. 193.

21

Воспоминания Хрущёва. Т. 2. С. 193.

22

Хрущёв вспоминает. Boston-Toronto, 1970. С. 44 — 46. Память и здесь подводит Хрущёва. На конференциях в Бауманском районе присутствовала действительно Н. К. Крупская и её «прорабатывали». Но в Бюро жалоб при Комиссии советского контроля работала не Крупская, а сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова. Она-то и была вынуждена пересылать многие жалобы в горком к Хрущёву.

23

М А. Бурмистенко погиб во время войны Д. С. Коротченко пере шёл вскоре на партийную работу, участвовал в партизанском движении занимал после войны высшие государственные посты на Украине Уме в 1969 г. Л. Р. Корниец работал с Хрущёвым на Украине, а с 1953 до 1969 г. занимал различные посты в Совете Министров СССР. Умер в 1969 г.

24

Сов. Украина. 1939. 16 марта.

25

Нариси історіп Комуністичноп партіп Украпни. Кипв, 1964. С. 499.

Правда. 1961. 7 авг.

27

Хрущёв Н. С. Воспоминания: Избр. отрывки. С. 58 — 59.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 311.

29

Взрывы заминированных заранее домов происходили и в Киеве. Некоторые из западных авторов считают подобное минирование сознательной провокацией, которая будто бы вызывала не только ярость немцев, но и их жестокие репрессии против остававшегося в городе населения. С этими взрывами кое-кто связывает даже расстрел немцами евреев в Бабьем Яру в Киеве. Подобного рода версия не выдерживает критики. Минирование основных стратегических пунктов перед отступлением было обычным военным приёмом для обеих воюющих сторон. Жестокое отношение немцев к жителям украинских городов и массовые расстрелы евреев имели совсем иные причины, и было бы странным обвинять в этих расстрелах Хрущёва.

30

Сов. Украина. 1942. 19 янв.

31

Соц. индустрия. 1988, 20 нояб.

32

Ворошиловгр. правда. 1943. 10 нояб.

33

Хрущёв вспоминает. С. XVI

Соц. индустрия. 1988. 20 нояб.

35

Правда Украины. 1947. 20 нояб.

36

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Отчёт. М., 1962. Т. 1. С. 280 — 281.

37

Л. Мельников был первым секретарём ЦК КП(б)У до 1953 г. Позднее он работал министром угольной промышленности СССР. У него сложились не слишком хорошие отношения с Хрущёвым, и после нескольких перемещений Мельников был назначен председателем Государственного технического надзора Казахской ССР. В 1966 году Мельников возглавил Гостехнадзор СССР и работал здесь 15 лет — до смерти. Умер он в апреле 1981 года в возрасте 74 лет.

38

Н. С. Хрущёв. Воспоминания. «Огонёк». 1989. № 36.

39

Хрущёв Н. С. Воспоминания: Избр. отрывки. С. 131 — 132.

40

Как на председателя комиссии по организации похорон на Хрущёва, несомненно, ложится значительная часть ответственности за те трагические события, которые произошли в первый день после открытия Дома Союзов для прощания с покойным. Из-за возникшей давки и неразберихи в этот день погибли сотни людей.

41

Во времена Ленина — в 1917 — 1924 годах — пост Председателя Совета Народных Комиссаров также был наиболее влиятельным и важным в системе органов власти Советской России.

Правда. 1953, 13 сент.

43

Ф. Р. Козлов по профессии инженер, с 1936 г. работал на Ижевском заводе, где был избран в 1939 г. секретарём парткома. В 1940 — 1944 гг. — один из секретарей Ижевского горкома партии, затем работник аппарата ЦК КПСС. С 1949 г. — парторг ЦК ВКП(б) на Кировском заводе в Ленинграде. В 1952 г. избран вторым секретарём обкома КПСС.

Хрущёв Н. С. Воспоминания: Избр. отрывки. С. 156 — 157.

45

И. А. Бенедиктов был министром (наркомом) сельского хозяйства СССР с 1938 до 1955 г. После работал министром совхозов СССР, министром сельского хозяйства РСФСР, зам. председателя Госплана РСФСР. Он не сумел сработаться с Хрущёвым и был направлен послом в Индию.

46

С военной операцией сравнивает освоение целины и Л. Брежнев // Брежнев Л. И. Целина. М., 1978. С. 17.

47

П. К. Пономаренко был в 1938 — 1947 гг. Первым секретарём ЦК КП Белоруссии, затем до 1953 года — секретарём ЦК КПСС. Он также не смог сработаться с Хрущёвым и после двухлетнего пребывания в Казахстане был направлен на дипломатическую работу — послом в Польшу, Нидерланды, в Непал.

XX съезд КПСС: Стеногр. отчёт. М., 1956. Т. 2. С. 498.

Лит. газ. 1988. 24 февр.

Лит. Грузия. 1988. № 7. С. 113.

51

Политический дневник (1964 — 1970). Амстердам, 1972. С. 215 — 217.

Липкин С. Воля. Мичиган: Ардис, 1981. С. 116.

53

Иль Джорнале нуово. 1982. 10 авг.

Сов. культура. 1988. 6 авг.

55

Хрущёв Н. С. Воспоминания: Избр. отрывки. С. 420 — 421.

Микунович В. Московский дневник. Загреб, 1977.

57

Цит. по: Veljko Micunovie Moskauer Gagebucher (1956 — 1958) Stuttgart, 1982.

Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1981. № 2. С. 10 — 11.

59

Моск. правда. 1988. 7 янв.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчёт. М., 1961. Т. 2. С. 588.

61

См.: Мичунович В. Московские годы. Загреб, 1977. Нем. изд.: Micunovic Veljko. Moskauer Tagenbucher. Klett-Cotta; Stutgart, 1982. P. 321 — 330.

Бурлацкий Ф. После Сталина // Новый мир. 1988. № 10. С. 196.

Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. № 7. С. 124 — 125.

Огонёк. 1987. № 51. С. 27.

65

Политический дневник. Амстердам: Фонд им. Герцена, 1972. С. 15.

Roj Medvedev & Zhores Medvedev. Khrushev. The Years in Power. Columbia Univeraitey Press. New York. 1976. P. 21.

См.: Правда. 1988. 14 мая.

Евтушенко Е. А. Автобиография, рукопись. (Архив автора.)

Коммунист. 1957. № 12.

Справочник партийного работника. М., 1957. С. 381 — 382.

71

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Париж, 1980. С. 480.

Правда. 1983. 19 февр.

Новый мир. 1988. № 10. С. 164.

Хрущёв Н. С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 3. С. 131 — 132.

Правда. 1958. 21 сент.

Крокодил. 1958. № 33. С. 2 — 3.

The Christian Science Monitor. Yuly, 4, 1983. P. 18 (Harlow Robinson).

Приок. правда. 1988. 9 окт.

Коммунист. 1981. № 6. С. 92.

Правда. 1961. 4 июня.

81

Правда. 1961. 9 июня.

Bolein Ch. Witness to history. P. 480, 482.

83

Правда. 1961. 9 июля.

84

Там же. 5 авг.

Коммунист. 1959. № 18. С. 47.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчёт. М., 1961. Т. 1. С. 105.

XXII съезда Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчёт. Т. 3. С. 362.

Аргументы и факты. 1988. № 50. С. 3.

89

Правда. 1962. 23 окт.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр. отчёт. Т. 3. С. 344.

91

Народное хозяйство СССР в 1962 году. Стат. ежегодник. М., 1963. С. 248 — 249.

92

Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С 541.

93

Хрущёв Н. С. Мемуары. Ч. 2: Хрущёв вспоминает. Гамбург, 1971. С. 496.

Кеннеди Роберт. 13 дней: (Свидетельство о кубинском кризисе) Париж, 1969. С. 58 — 60 (На рус. яз.)

Известия. 1962. 30 окт.

Известия. 1963. 26 мая.

Сахаров А. Д. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. VII VIII

Известия. 1963. 4 авг.

Правда. 1962. 19 мая.

Боффа Дж. После Хрущёва. М.: 1965. С. 132 — 134.

101

Время и мы. Нью-Йорк; Тель-Авив; Париж. № 41. С. 176.

102

Из архива автора.

103

Известия. 1963. 29 июня.

Огонёк. 1989. № 10. С. 24.

105

Н. Г. Игнатов не успел вернуться в состав Президиума ЦК. Он тяжело заболел и умер в 1966 году.

Taty Michel. Power in the Kremlin. New York. P. 385.

Френкланд М. Хрущёв. М.: Прогресс, 1966 (на рус. яз. спец. вып. «Для служебного пользования»).

108

Сов. культура 1988 15 окт

109

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 541.

110

Кайзер Р. Россия: Власть и народ. США: Ардис. Пер. с англ. С 247 — 248.

111

Некрич Л. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон, 1979. С. 362-363.

112

Время и мы № 41 С 180.

113

Правда. 1964. 18 апр.

Болен Ч. Свидетель истории. С. 496 — 497.

Дружба народов 1988. № 11. С 219 — 220.

116

Из архива автора.

117

За рубежом 1989. № 5. С. И.

118

Fankland M. Krushehev. Harmondwoth Pengum., 1N6. P. 209.

119

Моск. новости. 1988. 1 мая.